

Николай Певарев
Город вампиров

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХVI

Salamandra P.V.V.

**Поль
ФЕВАЛЬ**

ГОРОД ВАМПИРОВ

Перевод и примечания
Е. Лаврецкой

Salamandra P.V.V.

Феваль П.

Город вампиров. Пер. и прим. Е. Лаврецкой. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 142 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXVI. Вампирская серия).

В этой удивительной книге охотницей на вампиров выступает королева английского готического романа Анна Радклиф, сами вампиры представляют собой коллективные тела со свитой существ, которых можно назвать биороботами, а под Белградом раскинулся таинственный и невидимый вампирский город Селена.

Если добавить, что «Город вампиров» сочетает искусную пародию на готический роман, сатиру, черную комедию и фантастику ужасов, читатель вправе будет решить, что книгу написал взятый постмодернист. Но это не так: самое поразительное, что роман этот был создан во второй половине XIX в., автором же его был француз Поль Феваль (1816-1887), более всего известный своими приключенческими сагами.

Книга впервые переведена на русский язык.

1819-2019

ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ

К

**200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ
«ВАМПИРА» Д. ПОЛИДОРИ**

ГОРОД ВАМПИРОВ

ПРОЛОГ

Многие англичане и в особенности англичанки приходят в смятение, когда им рассказывают о наглых актах пиратства, жертвами которых становятся в Англии французские писатели. Ее Всемилоостивейшее Величество королева Виктория некогда заключила с Францией соглашение с достохвальным намерением положить конец этому, столь часто встречающемуся виду воровства. Соглашение очень хорошо составлен, однако же содержит небольшую оговорку, делающую его положения иллюзорными. Ее Всемилоостивейшее Величество и впрямь запрещает своим законопослушным подданным присваивать наши пьесы, романы и прочее, но позволяет то, что ей угодно было назвать «честным подражанием».

Это превосходно, но это нечестно. Мой дорогой и замечательный Диккенс однажды сказал мне извиняющимся тоном:

— Я защищен не лучше вашего. Когда я приезжаю в Лондон и мне в голову по случаю приходит удачная идея, я заношу ее в записную книжку, прячу книжку в карман, застегиваю карман и придерживаю его обеими руками. И все равно меня обворовывают.

А все дело в том, что «честное подражание» не перестает соблазнять умелых карманников.

К слову, очаровательная приятельница Диккенса, леди Б... из замка Шрю..., на протяжении двадцати лет задает мне один и тот же вопрос всякий раз, когда мне выпадает счастье увидеться с нею:

— Почему же вы, в свою очередь, не крадете у англичан?

— Безусловно, не потому, мадам, что в ваших книгах нет восхитительных вещей, какие можно было бы позаимствовать; но, возможно, наш национальный характер не позволяет нам заниматься «честными» хищениями.

Такой ответ заставляет миледи смеяться до слез. Однажды она даже назвала несколько вполне французских имен и выделила среди остальных... но тсс!

В одно прекрасное утро, в конце минувшего года, миле-

ди приятно удивила меня.

— Я забираю вас с собой, — сказала она мне. — С вашей дражайшей супругой все улажено. Мы выезжаем сегодня вечером.

— И мы едем...

— Ко мне.

— На улицу Кастильоне?

— Нет, в замок Шрю..., графство Стафффорд.

— Помилуйте!

Погода стояла отвратительная: мокрый снег, завывающий ветер, и все это в Париже; судите сами, что творилось между Дувром и Кале!

Но миледи, взросшая на Байроне, восторгалась бурями.

— Не отказывайтесь, — сказала она, — лишь потому, что боитесь застудить голову. Я решила в одночасье вернуть вам все, что отняла у вас Англия. Возможность упускать нельзя. Мистер Икс и мисс Зет уже идут по следу, и к тому же, принимая во внимание возраст мисс 97, у нас нет времени ждать.

Мистер Икс и мисс Зет — сенсационнейшие английские романисты. Итак, речь шла о сюжете для романа. Я попросил объяснений, в чем мне было отказано; вместо этого, миледи прибегла к своему божественному дару красноречия, до крайности возбудив мое любопытство.

— Вы доверяете Вальтеру Скотту? — спросила она. — Он был страстным поклонником «Удольфских тайн» и написал биографию миссис Анны Радклиф. Вы слышите: сам Вальтер Скотт! Сам Диккенс нанес визит мисс 97! В те дни ее звали мисс 94, ибо она меняет имя каждый год, на Рождество. Мне доводилось слышать немало рассказов о приключениях, но ее история так необычна...

Что было делать? Я сдался, и мы отправились в путь. Переправа была кошмарной; я до сих пор содрогаюсь, вспоминая о ней. Все демоны ветра и моря играли с нашим пакетботом, словно с каучуковым мячом. На следующий день мы выехали из Лондона по Северо-Западной железной дороге и переночевали в Стафффорде. Наутро экипаж миледи повлек нас по заснеженной равнине к гористой части графства, прилегающей к Шропширу. Вечером мы обедали в замке.

Во время путешествия я узнал следующее.

Мы находились в родном краю мистера и миссис Уорд, родителей женщины, завоевавшей известность под именем Анны Радклиф. Мисс Девяносто Семь, собиравшаяся через три года отметить свое столетие, была троюродной сестрой Уордов. Она жила в коттедже, расположенном на холмах, в полутора лье от замка миледи. Этот коттедж долгое время служил домом для ее прославленной родственницы.

Эпитет «прославленная» я употребляю не случайно и готов отместить любые упреки в гиперболе. В свое время Анна Радклиф пользовалась всемирной славой, и ее черные фантазии были на таком пике моды, о каком могут только мечтать наши наиболее успешные современники. Они очаровывали всех, от обитателей скромных деревенских коттеджей до гордых владельцев особняков. «Удольфские тайны» выдержали в Англии *двести изданий*. Во Франции книга переводилась несколько раз, и в Париже вышло сорок изданий только одного из переводов. И то было не кратковременное увлечение: в наши дни лихорадка спала, но «Удольфские тайны» и «Исповедальня кающихся, облаченных в черное» продолжают потрясать воображение тысяч молодых людей.

Итак, мисс 97 знала о пережитом Анной Радклиф; эту историю ей поведала сама миссис Радклиф лет семьдесят назад. В тех местах упорно поговаривали, что именно эти события наделили спокойный и довольно веселый нрав Анны Радклиф той жуткой мрачностью, что была свойственна ее сочинениям.

Вальтер Скотт был смутно знаком с упомянутой историей, как свидетельствует его письмо от 3 мая 1821 года к издателю Констеблю, где содержатся нижеследующие строки:

«Что касается рукописи “Жизнь Анны Радклиф”, то я задержу ее доставку до следующей моей беседы с мисс Джебб, в которой надеюсь почерпнуть занимательные подробности весьма особого свойства. Эта дама, говорят, хранит не просто секрет, но “любопытную тайну”, которая придавала бы большой интерес нашему повествованию...»

Мисс Джебб была не кто иная, как наша девица 97; ко времени встречи с Вальтером Скоттом она уже прожила на све-

те сорок пять весен. Как и все англичане, она испытывала слабость к знати, и миледи убедила ее отвергнуть притязания «простонародных» и вульгарных романистов наподобие мисс Зет и мистера Икс.

На следующий день после нашего прибытия, выдавший-ся пасмурным и холодным, миледи сразу после завтрака заставила меня сесть в карету. Мы ехали с полчаса, затем остановились перед выкрашенными в зеленый цвет деревянными воротами; за ними виднелся довольно респектабельный старинный коттедж. С трех сторон высились холмы, но с юга открывался вид на веселый сельский пейзаж.

Мы вошли в просторную, учитывая размеры дома, гостиную с несколькими портретами и рисунками в желтых деревянных рамах на стенах.

В углу у печки сидела тощая, длинная старуха. Ее фигура напомнила мне птицу, не скажу точно, какую, но уверен, что видел такую у торговцев чучелами. Нос у нее был остер, как бритва, а круглые глаза казались сонными.

— Как вы поживаете, Джебб, дорогая? — ласково спросила Миледи.

— Неплохо. А вы, ваша светлость?

Я огляделся, стараясь понять, кто говорил. Но в комнате, кроме нас троих, никого не было. Мисс 97 была прирожденной чревовещательницей. Ее голос огибал нас и словно доносился сзади. Последние остатки ее красоты, быть может, развеялись в прошлом, но силы она сохранила.

После того, как миледи представила меня, мы уселись, и голос мисс 97 благожелательно обратился ко мне с другого конца гостиной:

— Француз, месье, храбр и переменчив, итальянец хитер, испанец жесток, немец тяжеловесен, русский груб, англичанин весел и щедр душой. Она любила французов.

Мисс 97 воздела глаза к потолку, произнося «Она» — слово это в ее устах, сопровождавшееся благочестивым взглядом, всегда означало Анну Радклиф.

Приведенная выше фраза, которая была мне, к сожалению, незнакома, являлась цитатой из «Сицилийского романа», второго произведения, написанного Ею.

— Какой стиль! — воскликнула миледи. — Какая глубина!

— Я имею честь, — ответила мисс 97, — поблагодарить вашу светлость.

Миледи достала из своего водонепроницаемого плаща, который она сняла, войдя в дом, пакет с четырьмя томиками в двенадцатую долю листа. Это был французский перевод «Биографий знаменитых писателей» сэра Вальтера Скотта, опубликованный в Париже Шарлем Госленом в 1820 году.

— Как видите, во Франции *Ей* отвечают любовью, — степенно проговорила миледи, открывая томик, содержащий «Жизнь Анны Радклиф».

Внутри бедной старой головы будто бы внезапно распрямилась сжатая пружина. Мы увидали зубы мисс Джебб, все еще полностью сохранившиеся, однако пожелтевшие и странно удлинненные. В то же время невесть где зазвучал сухой и резкий смех и голос мисс Джебб сказал нам откуда-то из-под стола:

— Хорошо! очень хорошо! Поскольку джентльмен — гость вашей светлости и приехал издалека, не стоит заставлять его совершать столь долгое путешествие впустую. Надеюсь, я доживу до того дня, когда меня назовут *мисс Сто*, но этой осенью, надо признаться, меня впервые в жизни начали доносить головные боли. Все мы смертны, несмотря ни на что, и мне не хотелось бы унести в могилу эту немыслимую историю.

Мы тут же устроились поудобнее и обратились в слух. Мисс Джебб отодвинула чашку и выпрямилась. В воцарившейся тишине она два или три раза вздрогнула; звук был такой, словно в свертке из пергаментной бумаги пересыпались орехи.

— Мир не знал ничего подобного, — прошептала она наконец и впиалась руками в колени, пытаясь унять дрожь. — Все тело мое леденеет до самого сердца, когда я думаю об этом. Не знаю, правильно ли я поступаю, нарушая молчание, но будь что будет! Я хочу, чтобы люди вновь говорили о *Ней*. И они будут о *Ней* говорить, ибо это ужасно... ужасно!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Детство мисс Анны прошло в купеческом доме ее родителей, мистера и миссис Уорд. Они были небогаты, но располагали хорошими связями. Около 1776 года мистер Уорд продал свое заведение и поселился с женой и дочерью в коттедже, где мы сейчас собрались.

Юность Анны, счастливая и спокойная, пролетела в этом пристанище, где царил, по выражению поэта, «золотая посредственность», тот скромный достаток, который, как говорят, и составляет счастье.

В праздничные дни коттедж оживал. Мы принимали Корнелию де Витт и ее гувернантку синьору Летицию, а также жизнерадостного молодого человека по имени Эдвард С. Бартон в сопровождении его наставника Отто Гоэци.

Анну, Эдварда и Корнелию соединяли узы самой нежной дружбы. Вначале все считали, что Нед Бартон женится на Анне, когда та достигнет брачного возраста, и я помню, как миссис Уорд лет за десять до ожидаемой свадьбы начала украшать вышивкой великолепную пару индийских муслиновых гардин, сплетая монограммы Анны и Эдварда. Но человек предполагает, а Бог располагает. Оказалось, что Нед Бартон и наша Анна любили друг друга лишь любовью брата и сестры. Касательно Неда я в этом убеждена; быть может, в милом сердечке Анны жило и более сильное чувство, но тем не менее, Уильям Радклиф был счастливейшим из мужей — что подтверждает и сэр Вальтер Скотт в своем повествовании о ее жизни.

Со времен сотворения мира не бывало девушки, обладавшей такой природной нежностью и грациозностью, как Анна. А какая веселость! Где бы *Она* ни появлялась, в воздухе расцветали улыбки. Ее единственным недостатком была чрезмерная застенчивость. Никогда не судите сочинителей по их произведениям! Что сотни — тысячи раз меня спрашивали, откуда взялась мрачная отвага ее гения. Вы, по крайней мере, не станете задавать этот вопрос, когда дослушаете мой рассказ.

В сентябре 1787 года трое наших молодых друзей провели вместе последние каникулы. Уильям Радклиф уже стал четвертым в их компании. Он попросил руку мисс Уорд в июле того же года. Нед и Корнелия были помолвлены с предыдущей зимы. Они очень любили друг друга и супружеская жизнь рисовалась им в самых радужных красках.

На сей раз г-н Гоэци не сопровождал своего бывшего ученика, одетого теперь, между прочим, в форму Королевского флота. Со своей стороны, Летиция осталась в Голландии, присматривая за домом графа Тиберио, опекуна Корнелии. Чтобы описать красоту последней, потребовалось бы красноречие моей бедной Анны, которая, кстати сказать, увековечила прелести своей подруги в «Удольфских тайнах»: с Корни был списан портрет Эмилии.

Ах! живейшие воспоминания! Я была еще ребенком, но хорошо помню наши долгие прогулки в холмах. Мистер Радклиф не отличался романтическим характером; он хорошо одевался и был человеком чинным, порядочным и вежливым с дамами. Когда Нед и Корнелия исчезали в густых зарослях, Уильям Радклиф заводил с Анной приятный и любезный разговор, но та подзывала меня и переводила беседу на темы классической литературы. По ее просьбе, мистер Радклиф читал вслух отрывки из греческих и латинских поэтов. Хотя Анна не понимала их смысла, она была без ума от ученой музыкальности стихов. И порой, когда лицензиат Оксфорда декламировал Гомера или Вергилия, нежные взоры Анны блуждали в дали, где растворялась, как видение, очаровательная пара: мичман Нед и светловолосая Корнелия...

Тогда Она вздыхала и просила мистера Радклифа дословно перевести отрывок, что он и делал с превеликой обходительностью, будучи всегда счастлив ей услужить.

Печальным было наше прощание в том году. Мы вновь должны были встретиться только после заключения двух браков, а именно: мистера Радклифа и Анны у нас, Неда же и Корнелии в Роттердаме, где жил граф Тиберио.

Деликатное и сентиментальное чувство побудило друзей решить, что обе свадьбы состоятся в один и тот же день и час, одна в Голландии, другая в Англии. Таким образом, невиди-

рая на расстояние, между счастливыми новобрачными устанавливалось некое единство.

С конца каникул и до самой двойной свадьбы продолжался оживленный обмен письмами. Письма Корнелии источали чистейшую радость. Что касается Неда, то он был влюблен, как целый полк безумцев. Я не читала ответных писем нашей Анны, которая казалась мне немного грустной.

К Рождеству начали задумываться о свадебных нарядах. На протяжении всего января 1787 года обсуждалось исключительно приданое. Великий день был назначен на 3 марта.

В феврале пришло письмо из Голландии, приведшее в восторг весь дом. Вдовствующая графиня Монтефальконе, урожденная де Витт, днями скончалась в Далмации. Корнелия, единственная наследница, вдруг оказалась владелицей огромного состояния.

Письмо было от Неда, и он, судя по всему, был встревожен и несколько опечален этим событием.

Хотя послание было весьма кратким, Нед нашел место, чтобы упомянуть любопытную деталь: в отношении богатого наследства Монтефальконе, граф Тиберио оказался отныне в положении прямого наследника собственной подопечной.

После этого письма и до самого конца февраля никаких известий из Голландии не приходило. Ничего удивительного в этом не было. Погода в проливе стояла дурная, переправу затруднял постоянно дующий с запада ветер. Сегодняшним паровым пакетботам и самые бурные ветра не помеха, но в те годы мы могли неделями не получать весточек с континента.

Добрый мистер Уорд имел привычку каждое утро говорить, поглядывая на крышу коттеджа, где был установлен флюгер:

— Как только этот петушок закружится, мы получим целую охапку писем!

Прошли первые два дня марта, а из Голландии все еще не было никаких новостей. На следующий день должна была состояться свадьба, и в доме все шумело и ходило ходунгом.

Ближе к вечеру, через час после обеда, доставили свадебное платье, и почти в то же мгновение зазвенел колокольчик у ворот. Мы услышали радостный голос мистера Уорда, кричавшего с лестницы:

— Я же говорил вам позавчера — петушок завертелся! Вот и почтальон с кучей писем!

По правде говоря, письма прибыли в неудачный момент, принимая в расчет суету в доме. В пакете их было много, и на печатях стояли самые разные даты. Вскрыв последние по времени, мы убедились, что наши дорогие друзья из Роттердама пребывали в добром здравии, и вернулись к своим делам.

Наша Анна была в полном смысле слова пленена портнихами, доставившими платье. Я самолично принесла ей пачку из пяти писем; три были от Корнелии, два от Неда Бартона. По ее просьбе я вскрыла то, что показалось мне самым недавним, и сразу же перешла к четвертой странице.

— Все в порядке, — сказала я, прочитав несколько строк.

— Слава Богу! — воскликнула Анна.

— А сейчас, мой ангел, — промолвила хозяйка швейной мастерской, — малышке Джебб пора показать нам свои каблучки. Вы нам очень мешаете, сокровище мое.

Она улыбнулась мне, как бы смягчая суровость приказа, отсылавшего меня прочь. Она выглядела мученицей среди этих четырех гарпий с булавками во рту, прикалывавших ее к облаку белого муслина. Я положила письма на столик рядом с ней и вышла.

Я обязана обратить ваше внимание на одно важное обстоятельство: с этой минуты я перестаю выступать свидетельницей. Далее вы услышите саму Анну Радклиф, ибо о продолжении приключения я узнала из ее уст и, собственно, вновь увиделась с нею лишь *после описанных событий*.

Портнихи уехали примерно в семь вечера, увозя с собой свадебное платье для последней ревизии. Оставшись одна, Анна почувствовала себя такой уставшей от переживаний истекшего дня, что не решилась выйти в гостиную, где ее ждали отец, мать и жених. Нужно прочитать письма из Роттердама, сказала она себе в качестве предлога; но сон сморил ее

прежде, чем она пробежала глазами первую фразу радостного послания, подписанного «Эдвард С. Бартон». Сон нашей Анны был горячечным и полным видений. Перед ней предстала небольшая, странной постройки церковь, стоявшая посреди красивой деревенской местности; повсюду виднелись деревья и кусты, никогда не произраставшие в Англии. Поля были заняты по преимуществу кукурузой, а стада казались разноцветными, словно горлицы. У церкви располагалось кладбище с белыми надгробиями. Два надгробных камня, заметила *Она*, походили друг на друга, как близнецы. Из каждого — простоватое, но трогательное украшение, часто встречающееся на наших английских кладбищах — выдавалась рука, изваянная из *камня белее мрамора*. Руки те простирались одна к другой и сплетались. Во сне *Она* не поняла, почему вид этих могил заставил ее задрожать и горько заплакать. *Она* пыталась прочесть надписи, высеченные на мраморных плитах, но ей никак не удавалось это сделать: буквы сливались и плясали перед ее глазами.

В десять, когда возвратившиеся портнихи подняли шум, *Она* проснулась вся в слезах. *Она* проспала три часа. Мысли ее отягощало предчувствие страшного несчастья.

— Я не спрашиваю, почему у вас глаза покраснели, мисс Уорд, — сказала хозяйка мастерской. — Молодые девушки, собираясь замуж, всегда плачут; думаю, это от радости. Давайте примерим платье.

Платье примерили. Оно пришлось впору, и ее снова оставили в одиночестве. *Она* умылась. Недавние слова портнихи напомнили ей впечатление, оставленное сном. Взгляд ее случайно упал на письма из Роттердама, о которых *Она* едва не забыла, и из ее груди вырвался громкий крик.

Кто-то словно бы вдруг подсказал ей имена, высеченные на мраморных надгробиях могил-близнецов: Корнелия! Эдвард!

Она распечатала первое попавшееся письмо. Нетерпеливый взгляд сперва видел лишь черные точки, танцующие на белом листе. Наконец *Она* прочитала и почувствовала облегчение. Письмо, датированное 13 февраля, было от Корнелии; та строила милые планы на ближайшие праздники. К

тому времени она уже, конечно, должна была вступить во владение наследством вдовствующей графини. Корнелия рассчитывала приехать в коттедж, но не остаться там, как обычно, а увезти всю семью в свой прекрасный замок Монтефальконе в Динарских Альпах, на другом берегу Рагузы. Она унаследовала огромное имение с мраморными и алебастровыми каменоломнями. Корнелия была вне себя от радости. Нед полюбил ее бедной девушкой, и кто бы мог представить, что брак с нею сделает его богатым помещиком...

«Чем могла бы одарить его я? — подумала Анна, складывая письмо. — Лучше уж так. И Уильям — достойная душа, в конце концов».

Поскольку *Она* проспала три часа, ее больше не клонило в сон. *Она* уселась в глубокое кресло, решив прочитать все письма, от первого до последнего.

Счастье дорогой Корнелии завораживало ее, и хотя легкие вздохи по временам вздымали муслин ее лифа, вызваны они были не завистью. Анна — и зависть! Немыслимо! Правда, ей казалось, что Корни с немного излишним восторгом описывает свои новоявленные богатства, украшения и, главное, безумства, что совершал ради нее одурманенный любовью Нед. Целые страницы звучали, как псалмы. А над псалмами мисс Корни взмывали дифирамбы Неда. Счастье! любовь! любовь! счастье! Это становилось утомительным. У вас во Франции есть довольно симпатичная поговорка: «Если вы так богаты, обедайте дважды». И наша Анна, возможно, думала: «Пусть поженятся дважды, раз уж они так любят друг друга!»

Она даже несколько гордилась собой, сравнивая умеренность собственной нежности с исступлением Корнелии. Будучи натурой философической и впитавшей учения как христианских, так и языческих мудрецов, *Она* пришла к выводу, что в подобном избытке счастья может быть и оборотная сторона. Такова человеческая жизнь: действие, противодействие. Любой, кто побеждает, проигрывает. И на горизонте всегда сгущаются облака, готовые затмить самое ясное небо.

Эта мысль, едва зародившись в голове нашей Анны, всевластно, со всей своей непреложной естественностью, воцарилась в ее разуме. Она заранее сокрушалась о печалях, которые в более или менее близком будущем непременно перегородят русло этого потока счастья. Дорогой Нед! Бедная Корни! скорбь, сменяющая радость, так жестока! Думаю, наша Анна уронила несколько слезинок еще до того, как обнаружила змею, прячущуюся под розами обширной корреспонденции.

О да, там скрывался, ах! там прятался аспид! Я сказала, что писем было пять, и я не солгала — но они напоминали китайские шкатулочки, что прячутся одна в другую к нескончаемому удивлению маленьких детей. В письмах Корнелии таились послания Неда Бартона, из писем Неда выпадали листки, написанные Корнелией, и наша Анна все читала и читала. Она насторожилась. Ей казалось, что она читает вечное, и в ту минуту, когда ее посетила философская идея — идея, которую хорошо образованные люди передают высказыванием «Тарпейская скала недалеко от Капитолия» — в письмах стала заметна та же перемена, что и в размышлениях Анны. На голубом небе появилось далекое облако. И Она видела, как туча приближалась, разрасталась, чернела, предвещая собой... но не будем опережать события. Гроза не заставит себя ждать.

Не знаю, похожи ли мы с вами в этом отношении, но всякий раз, когда в своих несравненных сочинениях Она использует эту изобретенную ею формулировку — «не будем опережать события» — у меня мурашки пробегают по коже.

В письмах роттетрдамских жениха и невесты мало-помалу начинали звучать новые нотки.

Случилось так, что наша Анна сначала распечатала самые старые письма. Облако появилось на горизонте, когда Она вскрыла предпоследний конверт.

Сперва шло письмо от Неда: счастливый гимн звучал в нем приглушенной. До тех пор перо Неда всегда описывало графа Тиберио, сего образцового опекуна, как живое олицетворение терпимости, доброты, щедрости. Но в этот раз почти императорское имя графа упоминалось будто оголенным,

без всяких эпитетов. И более тревожный симптом: Нед мало говорил в своем письме о любви.

Туманно, весьма туманно он намекал, что с наследством вдовой графини могут возникнуть затруднения. Поведение графа Тиберио изменилось. Г-н Гоэци, оказавшийся в Роттердаме проездом, делал странные намеки...

Далее следовало письмо от Корни, очевидно, страдавшей «нервами». Она называла Летицию Палланти «этой особой». Летицию! вчерашнего ангела! идеальное создание! И все почему? Неизвестно — но между раздраженных строк этого послания наша Анна со свойственной ей проникательностью прочитала совершенно скандальную новость: Летиция, по прав не только общепризнанные принципы морали, но и простую благопристойность, вступила с графом Тиберио в связь, описывать которую было бы излишним.

Что же до месье Гоэци (о нем говорилось в еще одном, более позднем послании), то какую роль играл он? Г-н Гоэци очень дурно отзывался о графе Тиберио, чьи скандальные выходки, по его словам, повергли дела графа в полный упадок, и проводил по полдня, запершись в графском кабинете! Он присутствовал на всех оргиях (так и было черным по белому написано в письме), а когда «эта особа» Летиция выходила, усыпанная бриллиантами, увивался вокруг нее, как самый любезный кавалер!

Вообразите, как летело время! Часы давно пробили полночь, но сна у нее не было ни в одном глазу. Нашей Анной владело лихорадочное желание узнать, что за зловещий червь шевелился в ее добром сердце. *Она* все читала, читала! Странный канун свадьбы!

И по мере того, как *Она* читала, смутная угроза делалась более явственной... Счастье и безмятежность вызывают скуку, но достаточно туче сгуститься на горизонте, и наш интерес просыпается.

Она вдруг вскочила с кресла — прозвучал первый раскат грома. В приписке Неда упоминались «задержки»: свадьба откладывалась!

Объяснялось это тем, что получение великолепного наследства оказалось связано с определенными сложностями,

и дело необходимо было решить на месте.

Почему только молодая пара не вступила в брак раньше?

Этим вопросом и задавался несчастный Нед.

Она разворачивала лист за листом, находя в больших средние, в средних — маленькие. Она все читала и читала. Последний конверт был уже вскрыт, ибо мистер Уорд ранее успел извлечь из него обнадеживающее письмо, исторгнувшее у всех радостные восклицания.

Но известно ли вам, что именно прочитал этот добрый человек? Мне известно, ибо я обманулась, как и он.

То были несколько строк ближе к концу письма, в которых наш беглый взгляд выделил слово «счастье» — но увы, в действительности в них выражалось сожаление об утраченном счастье!

«В тот миг, когда все улыбается нам, — вот что писал бедный Нед, — и будущее разворачивается перед нами в пленительных красках: счастье, богатство, любовь...»

Ни мистеру Уорду, ни мне ничего больше и не потребовалось.

Фраза, однако, заканчивалась так:

«...разражается буря. В тот самый миг нас поражает молния, мы повергнуты наземь; мы потеряны!»

Потеряны! Представляете, в каком состоянии находилась наша Анна?

К сожалению, роковое слово не было преувеличением! В конверте нашлась записка несчастной Корнелии:

«Посреди ночи меня поднимают с постели. Внизу, у лестницы, месье Гозци пожимает мне руку и говорит: “Мужайтесь! У вас есть друг!” Должна ли я верить ему? Меня увлекают прочь... Ночь ужасна и буря заглушает мои крики...»

Анна выпустила из рук бумагу и упала на колени.

— О, Вседержитель! — рыдая, воскликнула Она. — Почему позволяешь Ты подобные злодеяния?.. Где ты теперь, Корнелия? Где ты, моя любезная подруга?

Прочие женщины в таких обстоятельствах обыкновенно падают в обморок, но Она была выше слабостей своего пола.

Оставаясь в молитвенной позе, Она вновь потянулась к письмам и сквозь слезы продолжала читать.

Нед, похоже на то, ответил на вопрос, вырвавшийся из самого сердца нашей Анны.

«Г-н Гоэци предупреждал меня, — писал он в нескольких едва разборчивых строках, — но я не желал верить. Какую роль играет этот человек? Сегодня утром я нашел дом графа Тиберио покинутым. Собравшиеся на улице соседи кричали: “Они бежали в ночи, как воры! Банкротство будет сокрушительным!” И тогда словно из-под земли вынырнул Гоэци. “Вы заблуждаетесь, — заявил он. — Никакого банкротства не будет, и граф Тиберио расплатится со всеми кредиторами, ибо он вскоре женится на наследнице огромного состояния Монтефальконе!”»

Оставалось еще одно письмо: клочок бумаги, исписанный нетвердой рукой.

«Прошлым вечером, — писал Нед, — месье Гоэци пришел ко мне домой. Он сочувствовал, казалось, моему горю. Он поведал, что моя возлюбленная Корнелия, похищенная своим печально известным опекуном, находится на пути в замок Монтефальконе, что в Далмации. Он советовал мне поспешить за ней. У двери меня ждал оседланный конь. Я вскочил в седло, хотя силы мои были на исходе. Не успел я выехать из города, как меня окружили и атаковали четверо негодяев, чьи лица были скрыты под масками. Тем не менее, при свете луны в глазных отверстиях одной из масок я, кажется, распознал зеленоватые искры, что поблескивают в зрачках г-на Гоэци. Возможно ли это? Человек, который был моим наставником!... Они бросили меня на большой дороге, решив, что я мертв. Я пролежал там до утра; кровь моя текла ручьями из двух десятков ран. Когда рассвело, селяне, которые везли на городской рынок свои товары, нашли меня без сознания, подняли и отвезли в близлежащий трактир под вывеской “Пиво и Братство”. Да вознаградит их Господь! Я не цепляюсь за жизнь, но Корнелию некому больше защитить, кроме меня. Моя кровать удобна. Комната просторна. Стены украшены эстампами, изображающими битвы адмирала Рюйтера. Занавески с цветными узорами. Трактирщик не выглядит человеком скверным, но с затылка напоминает г-на Гоэци. *У него нет лица*, что производит престран-

ное впечатление. Его всегда сопровождает громадная собака, имеющая, напротив, человеческий облик. Прямо перед моей кроватью, футах в восьми от пола, проделано круглое отверстие наподобие дымохода. Но печи здесь нет. В темноте за дырой я различаю что-то зеленое. Эти зеленые глаза постоянно наблюдают за мной... Слава Богу, мне пока удастся сохранить хладнокровие. Из Роттердама для ухода за мной выписан доктор. Он курит гигантскую трубку и весит не меньше трех англичан. Его глаза чуть отливают зеленым. Не знаете ли вы, нет ли у г-на Гоэци родного брата?..

...В комнату только что вошел, катя обруч, маленький мальчик лет пяти или шести. «Это ты мертвец?» — дерзко спросил он и бросил мне на одеяло сложенный лист. Письмо от Корнелии... я еле успел спрятать его. Вошла лысая женщина, за ней собака; последняя смотрит на меня теперь взглядом г-на Гоэци. Этот пес никогда не лает. У трактирщика есть также попугай; тот восседает у него на плече и без конца спрашивает: “Ты уже обедал, Дукат?” Зеленые глаза глядят на меня со дна черной дыры. Ребенок громко смеется во дворе и кричит: “Я видел мертвеца!” Все вокруг меня зеленое. Анна, дорогая Анна, помогите мне!»

Глава вторая

Она вскочила — последнее слово было ею не только прочитано, но и *услышано*.

Где-то вне и внутри ее сдвоенный голос, звучавший голосами Корнелии де Витт и Эдварда Бартона, явственно произнес: «На помощь! Спасите!»

Она металась по комнате, охваченная безысходным отчаянием.

Затем ее мысли вновь устремились к Богу. Она успокоилась.

Ее призвали. Что делать? Нужно спешить.

Спешить на помощь.

Но как? *Она* не знала, разумеется. Сознание собственной слабости подавляло ее, но было в ней и нечто великое, неукротимое — ее воля.

Она хотела спасти Эдварда и Корнелию.

Волевым усилием *Она* подавила дрожь. Ей не с кем было посоветоваться, помимо самой себя. К кому обратиться за помощью? Мистер Уорд был стар и известен своей осторожностью; Уильям Радклиф, ее нареченный, был молод, это правда; но он был адвокатом. Вы скажете, что на свете есть и адвокаты, храбрые, как львы. Без сомнения. Храбрость, однако, не их профессия. И наконец, наша Анна не считала необходимым обращаться к мистеру Радклифу.

То же относилось и к прочим друзьям дома, мирным любителям игры в триктрак. У нее промелькнула мимолетная мысль и обо мне, но я определенно была слишком мала.

И все же необходимо было торопиться. Гардины посветлели в первых лучах рассвета. *Она* вытащила на середину комнаты небольшой саквояж и принялась бросать в него вещи. Я не уверена, что в тот миг у нее уже возникла идея тайно отправиться в столь долгое путешествие, тем более в утро свадьбы. Нет, *Она* была девушкой приличной, сдержанной и приверженной благопристойности. Но определенные поступки мы совершаем, не успевая взвесить их последствия, это уж точно.

Была, вероятно, половина пятого или пять часов утра. В коттедже все еще спали. *Она* проскользнула по коридору, неся в руке саквояж.

Грей-Джек, слуга и работник на все руки, спал в комнате на первом этаже, рядом с кладовой. *Она* тихо постучалась в дверь и сказала:

— Проснитесь, Джек, друг мой; мне нужно поговорить с вами о важных делах.

Добрый слуга тотчас вскочил с постели и, протирая глаза, открыл дверь.

— Что случилось, мисс? — спросил он. — С сегодняшнего дня мы начнем называть вас «мадам». Ах! прекрасный день! Почему, черт возьми, вы вскочили в такую рань, мисс?

— Одевайтесь, Джек, друг мой, вы мне нужны, — отвечала *Она*.

Он испугался, услышав ее слова. Когда загорелась лампа, он разглядел ее и испугался. *Она* была бледнее трупa. Он пробормотал:

— Неужто в доме беда?

— Да, — ответила *Она*, — произошло большое несчастье, но не в доме. Одевайтесь, Джек, ради Бога!

Старик задрожал, но стал поспешно надевать одежду. Пока он одевался, *Она* продолжала:

— Грей-Джек, вы помните своего друга Неда Бартона, который в детстве играл на ваших коленях, и малышку Корни, приезжавшую к нам из Голландии?

— Помню ли я мистера Эдварда и мисс Корнелию?! — воскликнул старый слуга. — Разве они не женятся сегодня утром по ту сторону моря?

— Вы ведь любили их обоих, не правда ли, Джек?

— Очень любил, клянусь Богом, мисс, и по-прежнему люблю.

— Хорошо! Джек, мы сейчас же должны запрячь Джонни в экипаж и отправиться в город.

— Как это? я? — ошеломленно воскликнул добрый слуга. — Как же я покину дом в день свадьбы? Как вы выйдете замуж без меня, мисс?

— Я не выйду замуж без вас, Джек, потому что поеду с вами.

Он хотел было возразить, но *Она* добавила:

— Это вопрос жизни и смерти!

Грей-Джек, донельзя растерявшись, побежал к конюшне, не требуя дальнейших объяснений.

Нехотя он исполнил ее приказание. От времени до времени он взглядывал на окна, проверяя, не проснулся ли кто-либо из обитателей коттеджа.

Но все легли поздно и еще спали.

Она заняла место в экипаже.

Грей-Джек взгрозился на сиденье; Джонни взял рысью; в доме никто не проснулся. У нее сжалось сердце. Еще не написав ни одной из своих восхитительных книг, *Она* уже обладала тем блестящим и благородным стилем, который превознес до небес в ее биографии сэр Вальтер Скотт; оборотясь назад, *Она* невольно воскликнула:

— Прощай, милое пристанище! Счастливый приют моей юности, прощай! О, зеленые поля, холмы и леса, полные тайн и тайн, увижу ли я вас снова?

Грей-Джек пребывал в дурном настроении. Повернувшись к ней, он сказал:

— Вместо того, чтобы разговаривать сама с собой, мисс, вам бы лучше рассказать мне, для чего мы с утра пораньше едем в Стаффорд.

— Грей-Джек, — торжественно произнесла *Она*, — мы едем не в Стаффорд.

Грей-Джек от удивления раскрыл рот.

— Мисс, — проговорил он, сдвинув лохматые брови, — двадцать три года вы были невинней ягненка; но если теперь вы хотите, чтобы я помог вам бежать из дома, от отца и матери вашей — то, будь я проклят...

Она жестом прервала его и сказала:

— Прощу вас, не ругайтесь, Грей-Джек. В Лайтфилд!

Недаром говорят, что самая красивая девушка в мире не может дать больше того, что у нее есть. Я излагаю вам приключение Анны с ее собственных слов. *Она* обходила вниманием некоторые частности. Мало того, в ее повествова-

нии отсутствовала регулярная смена дня и ночи; *Она* не упоминала о таких заурядных мелочах. *Она* уносила на крыльях воспоминаний, мчавшихся, как тот крылатый конь, символ поэтического воображения — я имею в виду Пегаса.

Она не отказывала себе в еде, надо полагать, ибо ее желудок был столь же превосходного качества, что и все прочие части ее существа. *Она* также спала, и довольно крепко, но эти телесные отправления, как и в целом все то, что унижает нашу природу, мы будем в дальнейшем обходить молчанием.

Еще один момент, который наша Анна так и не благоволила прояснить — это вопрос денег. В этом отношении вы, миледи, и вы, джентльмен, вольны строить любые предположения, какие подскажет вам изобретательный ум. Путешествие было долгим и сопряженным с самыми невероятными трудностями. На каждом шагу ей приходилось раскрывать кошелек. Откуда взялись у нее эти средства? Я не знаю — и умываю руки. Знаю только, что *Она* платила за все и возвратилась под отчий кров, нигде не оставив по себе никаких долгов.

Между Стаффордом и Лайтфилдом Грей-Джек, сытно перекусив, сделался более разговорчивым.

— Я думаю, — сказал он, — что мисс Корни и этот проказник Нед ждут вас там с другим кавалером? Я его знаю? Уильям Радклиф ничего не подозревает, а? Не беспокойтесь, у нас в Англии предостаточно викариев, которые мигом окрутят двух молодых людей. Но кто бы мог ожидать такого от вас, мисс Анна? Только не я...

Вместо ответа *Она* спросила:

— Что вы думаете об Отто Гоэци, Грей-Джек?

Старик от удивления едва не сверзился на землю.

— Что? Мисс! — вскричал он. — И ради этого потрепанного беса вы бросили такого благородного человека? Мастер Уильям, конечно, странная птица, но....

— Прошу вас говорить о моем муже более уважительно, Джек.

— Вашем муже! тогда я ничего не понимаю!

— Я спросила вас, что вы думаете о господине Гоэци.

— Я думаю, — проворчал старик, — что хотел бы поскорее оказаться в Лайтфилде и наконец все выяснить. А что до мистера Гозци, то это не первый мошенник, который выдает себя за воспитателя, а сам сытно кормится и богато одевается за счет добропорядочных семей.

Конь споткнулся. Грей-Джек сотворил крестное знамение.

— Вот видите, что происходит, стоит произнести его имя, — сказал он себе под нос. — Никто о нем ничего не знает, кроме того, что он вампир.

— Я не верю в вампиров, друг мой Джек, — презрительно промолвила Анна.

Она не опускалась до суеверий, распространенных в наших холмах, между графствами Стаффорд и Шроп.

— В самом деле? — отвечал старик. — В вампиров все верят. Они родом из турецких земель, откуда-то издалека, из-под Белграда. Только я не совсем понимаю, что они такое. Вы все знаете — не разъясните мне, мисс?

Как и все образованные люди, Она любила делиться своими познаниями.

— Если предположить, что вампиры существуют, — сказала Она, — то это чудовища в человеческом облики, которые в действительности происходят из южной Венгрии, из местностей между Дунаем и Савой. Они питаются кровью молодых девушек...

— Так знайте, мисс, — порывисто воскликнул Грей-Джек, — я видел это своими глазами!

— Господин Гозци пил кровь девушки?! — с ужасом переспросила Анна.

— За неимением лучшего слова! Кровь Джуэл, маленькой испанской собачки мисс Корни. Как она любила ее! Вы помните?.. Он выпил кровь собачки, как гнусный хорек. Вот что он такое! Он крал на кухне сырые отбивные! а по ночам бродил и разговаривал с пауками! И всем известно, от чего умерла Полли Берд с Верхней Фермы — ее нашли спящей на берегу пруда, и она так и не проснулась. Когда он входил куда-нибудь, все лампы начинали светить зеленым. Можете вы что-либо возразить против этого? И все коты прыгали ему на спину, потому что он смердел, как кошка в марте! А прач-

ка рассказывала каждому, кто желал ее слушать, что на всех его рубашках против сердца было бледное кровавое пятно!

— Друг мой, — сказала *Она* ему, — все это простонародные рассказы. Мне хотелось бы услышать что-нибудь более определенное. Не могли бы вы сказать, почему г-н Гоэци был изгнан из дома сквайра Бартон?

— Проклятье! Это и малым детям известно. Из-за мисс Корни. Сквайр Бартон совсем как вы: он не верил в вампиров, а мистера Гоэци очень любил и считал человеком ученым. Короче говоря, мисс Корнелия стала жаловаться на боль в груди и все ей начало казаться *зеленым* и... что за шутки, мисс Анна! Поглядите на луну!

Луна, без малого полная, вставала за сплетением голых тополиных ветвей. Наша Анна обладала мужеством античного героя, но поневоле содрогнулась.

Луна была зеленой.

— Досказывайте! — тем не менее, сказала *Она*. — Я требую!

— Ну вот, — пробормотал Грей-Джек, — чуть только я о нем заговорил... Однажды утром мисс Корнелию нашли в постели без чувств. По левой грудью у нее был маленький черный прокол, и горничная Фэнси увидела, как под дверь спальни протиснулся зеленый паук необычайного размера. Она выскочила вслед за пауком. Паук побежал по коридору так быстро, что Фэнси не успела его нагнать, но заметила, что паук скрылся в комнате мистера Гоэци. Позвали Неда Бартон, нашего дорогого мальчика; он не очень-то любил своего наставника, что верно, то верно. Нед ворвался в комнату господина доктора Гоэци и так отделал его...

— Несчастный! — перебила его Анна, стискивая руки. — Это правда? И Нед в самом деле ударил это зловерное и мстительное существо?

— Да, мисс, кулаками, и ногами тоже, и тростью, и стулом... Мистер Гоэци пошел жаловаться сквайру, а тот дал ему денег...

Вечером они прибыли в Лондон. *Она* вместе с Грей-Джеком посетила представление олимпийского цирка в Саутварке. Естественно, *Она* не питала слабости к подобным легко-

мысленным зрелищам, но ближайший корабль отходил только утром, а мысль о посещении цирка была подсказана ей необычайным совпадением.

Одно слово бросилось ей в глаза на афише, обещавшей экстраординарное зрелище:

Слово *вампир*.

Между ученой лошастью, умеющей ходить на хвосте, и клоуном Бод-Бигом, собиравшемся проглотить крота и выплюнуть его живым, в программе зелеными буквами значилось:

CAPITAL EXCITEMENT !!!

**ПОЖИРАНИЕ МОЛОДОЙ ДЕВИЦЫ
НАСТОЯЩИМ ВАМПИРОМ ИЗ ПЕТЕРВАРДЕЙНА
КОТОРЫЙ ВЫПЬЕТ НЕСКОЛЬКО ПИНТ КРОВИ
ПО ОБЫЧАЮ ВАМПИРОВ**

ОРКЕСТР КОННОЙ ГВАРДИИ

WONDERFUL ATTRACTION INDEED !!!

Когда они с Джеком вошли, огромный цирк был полон зрителей, глазевших на престарелую позолоченную даму; та галопировала, стоя на седле, и прыгала через затянутые бумагой обручи к безмерному восторгу толпы. Это была знаменитая Лили Коу. Затем погасили все свечи, ибо в те времена до газового освещения было еще далеко. В цирке воцарилась тьма; после во тьме начало проступать фосфорическое свечение, окрасившее мертвенным цветом лица зрителей. В отдалении блеснула молния, со всех сторон застонал ветер. Заскрежетала музыка. Колоссальный паук с телом человека и крыльями летучей мыши стал спускаться по нити, прикрепленной наверху и натянувшейся под его весом.

Тем временем на арене, верхом на вороном жеребце, появилась молодая чешская девушка, почти ребенок, одетая в белое. Ее головка была украшена венком из роз. Она была красива и нежна, эта девушка, она походила на мисс Корне-

лию де Витт, и, что самое странное, сходство казалось разительней, стоило к ней приглядеться.

Паук свернулся на своей нити, замер и начал наблюдать. Пока он оставался в неподвижности, было ясно различимо окружавшее его зеленоватое свечение, довольно яркое в центре и слабеющее по краям, подобно ореолу.

Чешская девушка перебирала цветы и танцевала.

Внезапно паук выпустил нить и прыгнул вниз. Его длинные отвратительные лапы заскрипели по песку арены. Девушка заметила паука и проявила свой ужас различными характерными позами, принесшими ей громкие аплодисменты.

Паук бросился в погоню за девушкой, которая кинулась со всех ног к своему черному коню. Чудовище бежало за ней, спотыкаясь и переваливаясь. Видя, что добыча ускользает, паук прибег к одному из своих ухищрений.

Не знаю, как описать то, что он сделал, но он вдруг разбросал туда и сюда нити, выходявшие у него из пасти, и в мгновение ока сплел сеть... паутину!

Девушка опустилась на колени на спине коня. Она уронила венок, сбросила свои покрывала и осталась лишь в телесного цвета трико, чтобы выглядеть трогательней.

И вдруг паук поймал ее в сеть. Это было ужасно. Конь, оставленный всадницей, беспорядочными прыжками понесся по арене.

Послышался хруст ломающихся костей.

Это был уже не паук, а человек, и в зеленом сиянии он пил жадными глотками красную кровь!

Цирковой шатер едва не рухнул от грохота рукоплесканий, а наша Анна упала в обморок с воплем:

— Гоэци! Это месье Гоэци! Я узнала его!

В мире нет другой страны, где принципы свободы проводились бы в жизнь с такой чудесной последовательностью, как в Англии. Тем не менее, мне не кажется, что английские законы позволили бы выпустить на публичную сцену подлинного вампира, ломающего кости и пьющего кровь настоящей девушки. Это было бы чересчур.

Поэтому я могу смело сказать, что администрация цирка в Саутварке создавала эту иллюзию с помощью обычных сценических трюков. Доказательством служит то, что юная всадница, изображавшая жертву вампира, подвергалась подобным кровопусканиям и ломанию костей ежевечерне на протяжении нескольких недель и ничуть не пострадала.

Что же касается вопроса о том, действительно ли монстр был г-ном Гозци, то в это я не верю, хотя необычайные существа, именуемые вампирами или проклятыми скитальцами, и наделены даром вездесущести или, если можно так выразиться, *повсеместности*. Ошибка же нашей Анны объясняется случаем столь распространенного в природе сходства.

Вдобавок, большинство авторов сходятся во мнении, что все вампиры имеют черты семейного сходства, являясь сыновьями или племянниками их прародительницы Хараш-Нами-Гуль. Да и весьма безрассудно было бы предполагать, как вы вскоре убедитесь, что г-н Гозци бросил все свои важные дела в Голландии ради упражнений в акробатике.

Глава третья

Переправа на континент обошлась без происшествий. Грей-Джек ел и спал. *Она* же, стоя у фальшборта в одной из тех благородных и совершенных поз, что *Она* естественным образом принимала, глядела на бегущие в даль пенистые волны. Взор ее силился проникнуть в неизмеримые глубины моря. Волны, думала *Она*, подсказывают нам мысль о бесконечности.

Когда корабль вышел из устья Темзы, Грей-Джек проснулся и попросил выпить. На горизонте показалась полоска земли. *Она* усадила слугу рядом с собой и с завидной точностью изложила содержание бессвязных писем, которые прочитала в канун свадьбы.

— Таково краткое содержание этой болезненной корреспонденции, — продолжала *Она*. — Отсюда следует, что граф Тиберио, опекун моей кузины Корнелии — человек низкий и развратный, а дела его находятся в плачевном состоянии. В отношении же Летиции Палланти могу сказать, что благородные люди избегают упоминания о подобных созданиях. Они похитили Корнелию, чтобы увезти ее в горы древней Иллирии. Можно ли думать, что подобное насилие преследует достойные цели? Печально известный Тиберио — наследник моей кузины. О, небеса! я не осмеливаюсь и представить, что может случиться с моей дорогой Корнелией в далматинской глуши, еще не затронутой цивилизацией!

— Правда в том, — заявил Грей-Джек, — что чем больше задумываешься над такими вещами, тем радостней чувствовать себя англичанином. Но кто будет сеять, если я стану гоняться с вами за разными дьяволами? Вы не будете так добры ответить?

— Пока вы задаете мне эти легкомысленные вопросы, Эдвард Бартон, израненный четырьмя головорезами, отдан на милость чужих людей. В последнем письме он даже ни словом не обмолвился о Мерри Боунсе...

— Ирландский прохвост! — с внезапной яростью перебил Грей-Джек.

— Ирландцы такие же христиане, как мы, друг мой, — мягко заметила Анна.

Но попробуйте переубедить истого англичанина! Джек сжал кулаки, лишь услышав имя Мерри Боунса, который был всего-навсего лакеем Эдварда Бартона.

Этот Мерри Боунс, прозванный «Веселым Скелетом», заклятый враг старины Джека, немного напоминал охалку хвороста. Он был сложен из прочных, больших костей, но на них почти не было плоти, а когда он смеялся, рот его разрезал лицо от уха до уха. Ах! веселый малый! У него был роскошный правый глаз и крошечный левый, казавшийся сынком первого. Шляпа не держалась на кудрявой шевелюре; он заплетал волосы в косицу, как заплетают конские хвосты в Чикаго. Когда-то он служил матросом, но истинным его призванием была работа «наковальней» в одном из кабачков лондонского Уайтфрайарс.

«Наковальнями» называют ирландцев, которые согласны за полшиллинг предоставить свои черепа для пробы крепости кулаков и тростей джентльменов. За использование дубинки они требуют шиллинг. Если гости желали, Мерри Боунс готов был за полкроны подставить голову под удар сабли.

Корабль бросил якорь в Остенде и оттуда отправился в Роттердам. Глядя на побережье своеобразной и знаменитой страны, наша Анна невольно задумывалась о великих исторических событиях, связывающих прошлое Англии и Голландии; но по мере того, как корабль поднимался на север, минуя зевы каналов, на первый план выступали события настоящего.

Уже темнело, когда корабль вошел в устье Мааса; в порт Роттердама пришли в полной темноте. В те дни гостиничные комиссионеры уже досаждали путешественникам, хотя и были не так назойливы, как сегодня. На все призывы и уговоры наша Анна отвечала:

— Я не хочу останавливаться в городе. Может ли кто-нибудь мне сказать, где расположен пригородный трактир под названием «Пиво и Братство»?

Люди, толпившиеся на пристани, вдруг замолчали.

Потом чей-то голос сказал:

— Нехорошо вам, молодая дама, отправляться ночью в такое место!

И, точно все языки одновременно развязались, поднялся общий гул, в котором можно было только различить:

— Почему именно трактир, где ранили англичанина?

То была мирная фламандская картина, хоть речь и шла о смертоубийстве. Фонари, в манере Рембрандта, освещали дюжину гостиничных маклеров с добропорядочными физиономиями. В центре их круга стояла *Она*, завернувшись в плащ и опираясь на руку Грей-Джека. В нескольких шагах галиоты тяжело покачивались на водах Мааса.

Она холодно повторила:

— Может ли кто-нибудь указать мне путь к этому зловещему месту, именуемому «Пиво и Братство»?

В тишине, наступившей вслед за ее решительными словами, послышалось сухое покашливание, напоминавшее хихиканье.

— В чем дело? — спросила наша Анна, не теряя бесстрашного спокойствия.

Ее собеседники перекрестились.

— Ветер все воет с тех пор, как ранили англичанина...

— Бога ради, юная чужестранка, избегайте сегодня дороги в Гельдр, не то накликаете несчастье!

— Вчерашний прилив прорвал дамбы.

— Дорогу залило более чем в десяти местах.

— Не проехать ни в карете, ни верхом.

— Вы слышите, мисс? — воскликнул Джек. — Ни в карете, ни верхом! Одумайтесь!

— Я отправлюсь в лодке, — сказала наша Анна.

— На канале большой оползень. Никакая лодка не пройдет.

— Я пойду пешком, — сказала *Она*. — Никакие преграды не заставят меня свернуть с тропы долга. И если один из вас согласится отвести меня в трактир «Пиво и Братство», я заплачу любую цену.

Люди молчали, лишь слышалось отдаленное эхо того же

смеха, что уже прозвучал в ночи.

В это время кто-то растолкал слушателей, и в кругу света неожиданно появился крестьянин из Эйсселмонде в коротких панталонах и белой полотняной куртке. На нем была большая фламандская шляпа, надвинутая на глаза. Свет фонарей пытался проникнуть под ее широкие поля, но черты крестьянина было не разобрать. На месте лица не было ничего, совсем ничего! И это — как бы яснее выразиться? — ничто вызывало дрожь.

— Кто это? — зашептались вокруг.

Никто не отвечал.

Крестьянин пересек круг и взял саквояж из рук Грей-Джека, стучавшего зубами.

— Договорились, — сказал он голосом, который наша Анна так и не смогла описать. — Я пойду впереди; следуйте за мной!

И он устремился вперед, шагая скованно, как каменный гость, но удаляясь на глазах.

Она последовала за ним, несмотря на мольбы Грей-Джека.

Ночная тьма окутала берег, и лишь вдалеке, в бледном сиянии, виднелись крестьянин, наша Анна и старый Джек, продвигавшиеся с огромной быстротой.

Свечение, казалось, исходило от крестьянина; оно было зеленоватым. Гостиничные маклеры почувствовали, как мурашки забегали по их спинам, и разлетелись во все стороны, словно стая испуганных уток.

Крестьянин шел, не оборачиваясь, пересекая каналы и перебираясь через изгороди, и хорошо еще, если там были мосты. Нашей Анне дело виделось простым: она шла по его следам, а за ней следовал Грей-Джек.

В мгновение ока Роттердам остался позади.

Они вышли из города с восточной стороны через Альт-Ост-Тор. Земля и вода сменяли здесь друг друга и даже смешивались в невообразимом хаосе, но путешествие не составило никаких трудностей. Безусловно, препятствий было в достатке: каналы, речки и заливы мелькали повсюду, спутанные, как нечесанные волосы, но имелась, надо полагать, пре-

восходная система мостов, так как везде можно было пройти, не замочив ноги.

Спустя несколько минут все вокруг изменилось. Я прошу вас напрячь воображение и представить себе трех путников, которые в неверном свете звезд пробирались сквозь почти непроницаемый саван мрака. Поднимался густой туман, скрывая и небо, и землю.

В тумане крестьянин слабо *засветился*, будто его натерли фосфором. С первого мгновения пути он не произнес ни слова. Он шагал, как заведенный.

Он шел. Фламандская шляпа исчезла с его головы, и ветер развевал его волосы, высекая искры.

После вокруг внезапно прояснилось. На небе ярко светили звезды. Дорога, сколько хватал глаз, бежала вперед прямо и ровно меж лугами, усеянными лужами, блестящими, как зеркала.

Откуда мог раздаться звук колокола в этой местности, где не было ни часовни, ни приходской церкви? Отчетливо прозвучали двенадцать полуночных ударов. С двенадцатым волосы крестьянина погасли, и в воздухе послышалось хихиканье.

— Помогите! — горестно воскликнул Грей-Джек.

Земля вдруг разверзлась и поглотила их, оправдывая тем самым недобрые предчувствия нашей Анны. Если вам трудно поверить, что под ногами путников мгновенно сформировалась пропасть, я с радостью приведу мнение самой Анны, которая сочла, что обвал произошел ранее и был связан с высокими приливами новой луны. Главное очарование истории наподобие нашей — в ее правдоподобии. Кроме того, в дальнейшем мы столкнемся с немалым количеством гиперфизических явлений.

Она любила это слово, каковое для нее, я думаю, означало явления сверхъестественные.

На дне пропасти клубилась чернильная тьма, и вся она была заполнена морским илом, издававшим удушающий, едкий запах. Наверху, на краю, вырисовывался темный силуэт, кривляясь в жестокой радости; саквояж низвергся вниз, взметнув потоки грязи.

Грей-Джек, который был, в конце концов, самым обычным человеком, воспользовался этим случаем, чтобы обратиться с горькими упреками к своей молодой госпоже.

— Хорошенькое дельце, мисс! Меня не вините, я-то дал вам добрый совет. Я был уверен, что этот негодяй-крестьянин — не кто иной, как сам господин Гоэци или, по крайней мере, кто-то из его родни. А теперь мы погибнем в этой клоаке!

В тишине ночи снова заскрежетало демоническое хихиканье, но так далеко, что его едва можно было различить — тем более, что буквально в тот же миг послышались совершенно иные звуки.

В воздухе разнеслись ноты нежной деревенской музыки, смешиваясь с веселыми возгласами и смехом. В первый момент наша Анна не могла поверить своим ушам, а Грей-Джек решил, что испытывает предсмертные галлюцинации.

Но вскоре все сомнения рассеялись. Шум шагов, лошадиных копыт и деревянных колес становился все громче, и все ярче разливался свет.

Наконец, на противоположном краю пропасти возникло видение самого очаровательного свойства. Вначале показались украшенные цветами голландские девушки в праздничных одеждах, сиявшие улыбчивой красотой в свете множества факелов. За девушками следовали примерно равные им по численности юноши. Потом появился представительный человек в одежде священника — не в сутане пастырей-папистов, а в строгом, столь благородном и достойном платье священнослужителей нашей англиканской церкви.

Последним выступал молодой аристократ, я имею в виду, представитель английской знати, а следовательно, наивысшей в мире аристократии.

Этот светловолосый и белокожий незнакомец с розовым румянцем и голубыми, как лазурное небо, глазами был положительно божественен.

Она не знала, разумеется, кем были предки почтенного Артура***, вплоть до Евы и Адама, но все же сразу распознала в нем, во-первых, англичанина, ибо англичанин, как говорится, бросается в глаза повсюду, где вы можете

иметь счастье его встретить, словно Венера, в чьей поступи на каждом шагу раскрывается божественная природа; вторых, джентльмена, ибо каждая категория цветов издает свой аромат; и в-третьих, отпрыска титулованной фамилии, ибо только слепые лишены счастливой возможности систематизировать звезды по их лучам.

Лорд путешествовал инкогнито, намереваясь расширить свое превосходное военное образование посредством изучения полей достопочтенных батальонов в Голландии и Германии.

Молодые девушки, украшенные цветами, и юноши в лучших одеждах довольно растерянно уставились на пропасть, говоря друг другу:

— Вот тебе и раз! мы опоздаем на свадьбу!

Пастор спокойно и безмятежно приблизился к своему ученику.

— Будьте добры, — сказал он, — внимательно осмотреть местность. Все в жизни должно служить лучшей цели. Завтра утром вы представите мне полный чертеж моста, какой потребуется для удобной переправы через эту лагуну армии из тридцати тысяч пехотинцев, восьми тысяч кавалеристов и семидесяти двух артиллерийских орудий различных калибров в сопровождении санитарных и провиантских обозов *ad libitum*.

Неизвестный юноша тотчас склонился над пропастью, освещая ее факелом.

Наша Анна готова была всю жизнь созерцать это поистине милое зрелище, но более грубая натура Грей-Джека, уставшего стоять по пояс в грязи, от нетерпения возмутилась.

— Эй! — крикнул он. — Вы так и оставите нас здесь, черт побери?

Услышав его крики, крестьяне заволновались. Пастора и нашу Анну посетила одинаковая мысль, и они укоризненно сказали в унисон:

— Нет нужды так выражаться.

Затем священник повернулся к молодому человеку и добавил:

— Будьте любезны, милорд, тщательно обдумать мой во-

прос. Учитывая положение, в каковом оказалось неизвестное количество людей, попавших в беду там, внизу — как я предполагаю, в результате несчастного случая — чем бы вы воспользовались, чтобы поднять их на твердую почву, если у вас имеется веревка, но отсутствует шкив?

— Я бы достал свой кошелек, — ответил юноша, подкрепляя слова жестом, — и сказал этим храбрым людям: вы получите десять серебряных французских пистолей, если доставите ко мне этого старика и эту молодую даму в целости и сохранности.

Не знаю, какой успех имел бы этот ответ на военном экзамене в Итоне, но мужчин из числа свадебных гостей подгонять не понадобилось. Они мигом попрыгали вниз с края обрыва и вытащили наших друзей на дорогу.

Здесь Она увидела запряженную чудесными лошадьми берлину, на которой молодой дворянин и его уважаемый наставник прибыли из Неймегена, направляясь в Роттердам. Свадебные гости, также застигнутые врасплох обвалом, выжились показать кружной путь. Но, поскольку для этого им требовалось вернуться обратно, богоподобный молодой незнакомец галантно предложил Анне место в карете и расстался с нею у самых дверей трактира, известного под странным названием — «Пиво и Братство».

Глава четвертая

Трактир представлял собой огромный и совершенно черный дом на сваях, расположенный на пересечении четырех дорог. Вокруг не было ни деревьев, ни ограды, и строение казалось затерянным среди пустыни. Вывеской заведения служил погасший фонарь, раскачивавшийся над дверью на ночном ветру.

Она с горечью взялась за дверной молоток, подумав: «В этих стенах, вдали от родины, мой друг детства Эдвард Бартон испустил, должно быть, свой последний вздох».

О Грей-Джеке я ничего не могу сообщить, помимо того, что он был покрыт грязью до подмышек, трясся от страха и был в отвратительном настроении.

Хотя в трактире было темно, дверь отворилась при первом же стуке. Наша Анна и Грей-Джек оказались в низком зале, пропахшем застоялым трубочным дымом.

Посреди красовался длинный стол со скамейками, уставленный кувшинами и кружками, чьи донышки купались в лужах пролитого пива. Зал перегораживала высокая стойка, приподнятая на три ступени и защищенная, как крепость, а у стены стояли часы в коричневом деревянном футляре, инкрустированном позолоченными узорами. Стрелки на увенчанном тощей птицей циферблате показывали без двух минут час.

Нигде не было видно ни горящей лампы, ни свечи, и тем не менее, все предметы были освещены, словно где-то в этой комнате с закрытыми дверями и окнами прятался лунный луч. То было тусклое и кристально чистое свечение, проходившее, казалось, сквозь зеленое стекло.

Под часами недвижно застыла группа фигур. В центре находился толстяк, у которого вместо лица была только рамка, то есть волосы и борода. На его плече восседал длиннохвостый попугай. Справа от него скверный на вид мальчишка опирался на обруч; слева стояла, прочно опираясь на четыре расставленные лапы, чудовищная собака телесного цвета, близко напоминавшая очертаниями человека.

Наконец, за стойкой спала, похрапывая, лысая и очень тучная женщина. Ее резкие всхрапывания и необычайно гулкое тиканье часов были единственными звуками, нарушавшими тишину трактира.

Она ощущала какое-то неопределенное чувство, но не страх. И знаете, что было странно? Наряду с этим давящим чувством, Она испытывала уверенность, что все люди и животные в трактире, скорее всего, являлись аксессуарами маятника, частью механической системы, как фигурки на страсбургских часах.

— Прошу, — сказал Грей-Джек, — разведите огонь, чтобы мы могли обсохнуть, и подайте хлеб, говядину и эль!

Хотя просьбы Грей-Джека были вполне резонны, Она строгим жестом заставила слугу замолчать и в свою очередь промолвила:

— Мы требуем немедленной встречи с английским подданным Эдвардом С. Бартоном, эсквайром, который проживал или проживает в этом заведении. Если же, к несчастью, он умер естественной или насильственной смертью, что будет установлено органами правосудия, мы требуем выдать нам его тело, дабы мы похоронили его по-христиански.

Никто не отозвался, как и в ответ на просьбу Грей-Джека. Все молчали. Но в этой тишине и неподвижности откуда-то издалека, из внутренних помещений трактира, не то сверху, не то снизу, раздался голос, гремевший боевым кличем ирландцев:

— Я вырву твою душу и съем твоё сердце! *musha! arrah! begorrah!* Мерзкий паук! Решил, что сумеешь высосать кровь парня из Коннахта, как у англичанина? погоди у меня!

— Это Мерри Боунс, лакей нашего Неда! — прошептала Она с удивлением, смешанным с надеждой. — Вероятно, он пришел к Бартону на помощь.

Грей-Джек пожал плечами и проворчал:

— Дьявол бы побрал этого грязного проходимца!

То ли с чердака, то ли из подвала донесся громкий крик на гэльском наречии, и наша Анна, олицетворение доблести, собиралась уже выбежать из зала, когда механизм в высоком футляре начал издавать грохочущие звуки.

Часы пробили *тринадцать раз* и, пока раздавался их бой, одеревеневшие фигуры в трактире понемногу приходили в движение. Лысая дама за стойкой открыла глаза, трактирщик перенес вес с одной ноги на другую, попугай спросил: «Ты уже обедал, Дукат?» и клювом расчесал хозяину усы, мальчишка покатил обруч и завопил: «Я видел мертвеца», а тощая птица над циферблатом распахнула свои огромные крылья и прокуковала тринадцать раз.

Одновременно между стойкой и часами отворилась дверь. В проеме показалось длинное костистое тело с шапкой косматых встопорщенных волос на голове, похожих на те кисти, что цепляют к древку копьё и называют «бунчуками». Вслед за Мерри Боунсом (ибо это был не кто иной, как бедный ирландец) появились точнейшие двойники всех бывших в зале, а именно безликого трактирщика, попугая, собаки, напоминавшей человека, мальчика с обручем и лысой толстухи.

Единственное различие состояло в том, что вошедшие казались несколько бледнее тех, кто был внутри, и трактирщик № 2 сжимал в руке громадную дубину. Его взгляд (поскольку вместо глаз у него был взгляд) чуть отливал зеленым.

Но, когда наша Анна посмотрела на трактирщика № 1, она увидела, что и у него появилась дубинка, а взгляд заблестел зеленым.

Это была ужасная битва. Мерри Боунс, бедный дьявол, очутился меж двумя огнями. Весь зверинец, который уже скрывался в трактире, набросился на него с бешеной яростью вместе с двойниками. Две собаки и мальчишки вцепились ему в ноги, попугаи старались выклевать глаза, две мегеры сдавливали горло и два трактирщика, размеренно поднимая и опуская дубинки, как кузнецы свои молоты, колотили по его черепу.

Окаменев от безграничного ужаса, Она наблюдала за чудовищной битвой. Что же до Джека, то этот старый греховодник, во всей глупости национальной неприязни, скрестил руки на груди и прошипел:

— Пусть ирландец сам выпутывается! Это его дело.

И действительно, ирландец выпутывался изо всех сил. Он был безоружен, но одна его голова стоила целой пушки. Дубинки, опускаясь на его череп, всякий раз отскакивали, словно от настоящей наковальни. Заросли его волос даже не примялись. Я не могу в точности сказать, как именно Мерри Боунс защищал ноги, горло и глаза, но за ту минуту, что длилось сражение, он не получил, как заметила наша Анна, ни единой царапины. Напротив, оба попутая вскоре отступили, беспорядочно хлопая крыльями, а толстухи начали отдуваться, высунув языки. Рядом два маленьких негодника барахтались на спине, изображая собой перевернутых крабов. Псы рычали в отдалении, избегая опасности. Не лучше пришлось и трактирщикам: Веселый Скелет по очереди всадил им в животы свой череп и отшвырнул их к противоположным стенам — одного на север, другого на юг.

Да, то было великолепное зрелище, хоть достойный лакей и не принадлежал к дворянству и впервые узрел свет дня в презренной стране. Рискованным прыжком он перескочил через стол, стрелой пересек комнату и исчез за входной дверью.

Кстати сказать, у него хватило времени послать воздушный поцелуй нашей Анне и наградить Грей-Джека иным подарком, от которого щеки последнего вздулись, будто у него вырвали три зуба.

Исчезая в ночи, Мерри Боунс крикнул, обращаясь к нашей Анне:

— До встречи! Скоро принесу железный гроб!...

Если бы *Она* посвятила один из своих шедевров занимающему нас сейчас предмету, то в пояснительных заметках, помещенных вслед за основным повествованием, мы получили бы подробные сведения о жутком, но малоизвестном социальном классе вампиров. У нее собралось немало сведений и выписок о них; она получила ценные данные и от господина Гоэци, который (в одном из своих обличий) был весьма эрудированным человеком.

Эти сведения проливают некоторый свет на обитателей трактира «Пиво и Братство», равно зверей и людей, ибо явленные здесь звери, как и люди, были не более чем составными частями одного и того же вампира.

Я расскажу вам позднее поразительные вещи, связанные с этими существами, что разделяют с человеком некоторые свойства, но не являются людьми.

В данный момент я лишь бегло укажу на одну из самых необычных аномалий расы вампиров: расщепляемость или, если вам угодно, *делимость* особи. Она использовала этот последний термин, как более научный.

Каждый вампир является группой, представленной главной формой, но обладающей произвольным количеством других, вспомогательных форм. Знаменитым вампиром Грана, который в XIV веке наводил ужас на оба берега Дуная у города Офен, были мужчина, женщина, ребенок, ворон, лошадь и щука. Об этом свидетельствует история Венгрии. Мадам Бради, вампиресса из Сегеда, считавшаяся также *упи-ром*, была петухом, военным, адвокатом и змеей.

В дополнение к данной особенности, каковая и сама по себе составляет немалую загадку для современной науки, каждая вспомогательная форма, как и форма доминантная, способна воспроизводить или удваивать себя.

Как вы уже могли заметить, семейство трактирщика находилось одновременно и в зале, и вне его, что создало серьезную угрозу для Мерри Боунса.

Мне остается упомянуть еще об одном и, вероятно, наиболее странном факте: все семейство безликого трактирщика, вне зависимости от того, рассматривали вы его как *живую* (до известного предела) группу или исключительно механическую систему, управляемую пружинами часов, состояло лишь из вспомогательных фигур. Основная форма отсутствовала.

Вы все поймете, когда я добавлю, что главой клана, душой этой группы, был... да, да, вы правильно догадались. Трактирщик, его жена, попугай, собака, маленький мальчик и, возможно, кукушка в часах — *все они являлись господином Гоэци!*

Скоро я предоставлю вам убедительные доказательства этого...

Но вам необходимо знать, что такого рода связка существ, в одно и то же время одиночных и множественных, словно бы наглядно воплощающая самые непостижимые таинства нашей христианской веры, не рождается единой. Ее требуется сложить вместе, сплотить, округлить, как выигранные ставки в карточной игре или снежный ком. Так, печально известному месье Гозци, к примеру, пришлось выпить кровь всех обитателей «Пива и Братства», прежде чем вобрать их в себя. Согласитесь, что указанное свойство чрезвычайно полезно для вампиров!

Глава пятая

Продолжая рассказ, я попрошу вашего позволения вернуться немного назад, чтобы поведать о случившемся с главными, по сути, героями моего повествования: Эдвардом С. Бартоном, Корнелией, графом Тиберио и Летицией Палланти.

На дальнем берегу Рейна, к востоку от Утрехта и в отдалении от низин, обязанных своим существованием победе человека над морем, возвышается над прекрасными лесами и холмами замок Витт. Именно там жил Тиберио Пальма д'Истрия из семейства Монтефальконе, который вошел в прославленный дом де Виттов благодаря браку с графиней Грите, троюродной теткой нашей дорогой Корнелии.

Графиня Грите была красива, сведуща в искусствах и науках и благочестива, как небесная святая. К сожалению, однако, ее образование не простиралось особенно далеко в отношении музыки, танцев и языка Италии, которые были тогда на вершине моды.

Поэтому, когда родители Корнелии умерли и обязанности опекуна драгоценного ребенка были возложены на графа Тиберио, ей пришлось задуматься о выборе наставницы.

Италия в те дни поставляла их столько же, сколько ныне Англия. Не знаю, какие рекомендации решили дело в пользу синьоры Палланти, но во всей вселенной, безусловно, было не найти другую столь одаренную молодую девушку. В знании латинских и греческих авторов она могла почти поспорить с графиней Грите, прекрасно разбиралась в алгебре и тригонометрии, с удивительным шармом декламировала французские трагедии, включая трагедии Вольтера, танцевала, как Терпсихора, играла на гитаре, арфе, клавесине и трехструнной лире; она могла наизусть прочесть весь «Освобожденный Иерусалим» в обратном порядке, от последнего стиха к первому.

Говорят, что любителям поэзии декламация этого боже-

ственного сочинения задом наперед доставляет неслыханное наслаждение.

Синьоре Летиции Палланти было около двадцати пяти лет. О своем прошлом она рассказывала довольно неопределенно, но сама служила себе лучшей рекомендацией, и ее прибытие в замок Витт стало истинным праздником. Добрая графиня Грите обняла и расцеловала ее более сотни раз.

Один только граф Тиберио, несмотря на замечательную красоту итальянки, встретил ее холодно. Он заявил, что ему не нравятся женщины с чрезмерно развитыми формами (Летицию можно было назвать сравнительно пухленькой) и что подобные ученые девицы его пугают. Кроме того, он нашел, что у красивой незнакомки маловато волос.

Летиция была брюнеткой. Ее черные волосы действительно были несколько редкими, а граф Тиберио был избалован в этом смысле чудесными белокуроыми кудрями жены, ниспадавшими в распущенном виде, как манто.

Летицию, по крайней мере внешне, мало заботили вкусы графа Тиберио. Она полностью посвятила себя обязанностям гувернантки, находя время и воздать должное благодеяниям графини Грите, которую она окружила бесконечными заботами. Корнелия под ее руководством делала замечательные успехи. Каждый вечер устраивался семейный концерт, а иногда Летиция и графиня Грите предавались ученым дискуссиям о греческой или латинской поэзии. Говоря вкратце, замок Витт являл картину полнейшего счастья.

Корнелия обожала свою прелестную наставницу. Ежегодно, на праздники, она ездила в Англию и однажды взяла Летицию с собой; семья Уордов сразу же влюбилась в очаровательную молодую женщину.

Я была тогда ребенком, но хорошо ее запомнила. За всю свою жизнь я никогда не встречала женщину соблазнительней Летиции.

Наша Анна также была от нее в восторге. Тем не менее, уже после данных событий, она неоднократно признавалась мне, что в ее чувствах к красивой итальянке этот восторг смешивался со смутным и таинственным ужасом.

Могу лично засвидетельствовать, что меесье Гоэци, в то

время наставник Эдварда Бартона, проявлял в отношении Летиции крайнюю отчужденность. Та, в свою очередь, опустила глаза всякий раз, когда г-н Гоэци входил в комнату.

И все же как-то вечером я застала их вдвоем в старой каштановой роще. Как и все дети, я была любопытна. Я подкралась ближе. Когда я подобралась совсем близко к тому месту, на котором заметила их издали, там никого не оказалось. Я испугалась и убежала...

Летиция покинула нас вместе со своей ученицей в конце осени. В замке Витт ее встретили с распростертыми объятиями. Графиня Грите давно считала дни, остававшиеся до ее возвращения. Тиберио тоже стал ласковей с нею и однажды вечером, когда Летиция пела «Идет дождь, пастушка», граф заметил жене:

— Сказать по чести, графиня, эта молодая особа была бы чудом, будь у нее ваши волосы.

Такое говорят; в подобном замечании не было ничего необычного. Однако, не знаю почему, графиня Грите сильно побледнела.

Приблизительно в то же время граф Тиберио перестал неодобрительно отзываться о дамах с чересчур пышными формами.

И, поглаживая волосы графини Грите, он в шутку говорил:

— Сказать по чести, вы могли бы поделиться волосами с синьорой Палланти.

Я уверена, что добрая графиня не возражала бы, но Летиция делиться ни с кем не желала.

В одно прекрасное утро в замок прибыл наш старый знакомый Гоэци, тщательно скрывший то обстоятельство, что его попросили освободить место наставника Неда Бартона. Напротив, он утверждал, что нарочно сделал крюк, чтобы доставить Корнелии известия о ее родных в графстве Стаффорд. Приняли его радушно, и он воспользовался гостеприимством хозяев, рассказывая при этом об Уордах и Бартонах так, словно сохранил их дружбу и уважение.

Был он, в целом, образованным, любезным джентльменом, повидавшим свет. Кроме того, он прекрасно играл в вист, триктрак и шахматы. Его общество, казалось бы, должно было принести в замок новую жизнерадостность, но случилось не так. Граф Тиберио, без всяких видимых причин, стал испытывать беспокойство. Нельзя сказать, что он отдалился от жены, но в их отношениях наступило охлаждение.

Добрая графиня Грите, со своей стороны, также немного утратила присущее ей спокойствие духа. Графиня волновалась, у нее бывали недомогания. День ото дня она бледнела, худела — и старела.

И ее чудесных волос на глазах становилось меньше.

Подобное несчастье, согласна, не редкость в возрасте доброй графини Грите, которой было уже далеко не двадцать лет; но, как правило, когда красивая дама начинает терять волосы, они остаются в гребне, и горничные по утрам выражают ей свое сочувствие по поводу редеющих кудрей. В нашем случае не было ничего похожего. Ни единый волосок не застревал в черепяховых зубчиках во время причесывания, и все-таки их становилось все меньше... Ах! все меньше!

И только посмотрите! как раз в этот момент волосам Летиции угодно было начать отрастать и делаться пышнее — словно желание графа Тиберио исполнилось и добрая графиня поделилась волосами с синьорой Палланти.

Это казалось невозможным, поскольку одна была блондинкой, а другая — брюнеткой; но количественно, по крайней мере, дело обстояло в точности так: то, что утрачивала графиня Грите, приобретала Летиция.

Мне стоит упомянуть, что с момента прибытия г-на Гоэци Летиция использовала настойку для ухода за волосами, которую рекомендовал ей этот ученый человек. Бедная графиня также пыталась прибегнуть к этому средству, но все было бесполезно: если на гувернантку настойка оказывала великолепное восстановительное действие, графиня Грите с ужасом наблюдала, как ее череп все больше обнажался. Я с трудом решаюсь произнести это слово, но оно должно быть сказано: графиня *облысела*!

Она начала с ужасом осознавать, что *la Pallanti* крадет ее волосы.

Как это объяснить? Невозможно. Графиня Грите даже не пыталась искать объяснение. Она хорошо понимала, что с первых же фраз все сочтут ее сумасшедшей, настолько абсурдна была сама мысль об этом. Помимо того, кому можно довериться? Корнелия была в восторге от своей гувернантки, и бедняжка Грите заранее слышала взрыв ее детского смеха при столь экстравагантном заявлении.

И потом, как изложить подобную жалобу? какие у нее были доказательства?

Оставался граф Тиберио. Любимому человеку можно все рассказать. Меж любовниками нет глупых слов. Но продолжал ли Тиберио любить ее? Тиберио оставался молодым и красивым; она за несколько месяцев постарела на десять лет. Тиберио теперь смотрел на нее не иначе, как с жалостью. Он избегал ее. По мере того, как чудесные кудри Грите перемещались на голову Летиции, Тиберио все прочнее забывал дорогу в спальню графини.

Подозрение проникло в сердце графини, как острое кинжала. Я не могу сказать, какие именно картины рисовались ее бедной израненной душе под влиянием этой навязчивой идеи, но в Летиции она видела соперницу, которая вступила с ней в поединок и убивала ее, используя часть ее самой как оружие. Ведь, в конце концов, граф Тиберио обожал ее великолепные волосы, хотя и на чужой голове.

Однажды вечером графиня сидела одна у себя в комнате, прислушиваясь к далеким звукам арфы. Какая-то непреодолимая сила повлекла ее в гостиную. Она спустилась по лестнице и впервые за много дней подошла к приоткрытой двери семейной залы.

Сколько радостей испытала она меж этими дорогими стенами, помнившими историю ее счастья!

Но она не вошла. Корнелия играла на клавесине. За спиной девочки весело беседовали на диване Тиберио и Летиция. Пальцы Тиберио купались в волнах роскошных кудрей,

падавших теперь на плечи Палланти.

Графиня Грите прижала обе руки в груди, где колотилось готовое разорваться сердце... Не произнеся ни слова, она побрела обратно в свою комнату, куда сумела добрат-ся лишь с помощью старой няньки Лоос, встретившейся ей по пути.

Ощущая в сердце глубокую рану, она сказала:

— Нянюшка, когда я была маленькой, я поверяла тебе все свои печали; теперь я расскажу тебе о великом несчастье, что станет причиной моей смерти.

Она долго говорила слабым, плачущим голосом. Лоос слушала, сложив руки на коленях. Ее поразила не интрижка между графом Тиберио и Летицией — весь замок знал об этом, за исключением Корнелии, невинной и чистой, как ангел. Нет, ее поразило другое обстоятельство, о котором поведала несчастная графиня.

Каждую ночь, около двенадцати, ее бессонница на несколько минут проходила, и графиня внезапно впадала в тяжелую и крайне мучительную дремоту.

И каждую ночь повторялся один и тот же сон: она *чувствовала*, как в спальню входил какой-то мужчина, осторожно приближался к ее кровати и начинал стальным пинцетом выщипывать у нее волосы с головы, один волосок за другим.

Она не знала, кем был этот человек, так как была не в силах поднять веки в его присутствии. Но однажды, когда он ушел, графиня очнулась: кожу на ее голове продолжало жечь, а свет ночника отбрасывал на все предметы в комнате зеленые отблески.

Это было еще не все. Через несколько минут в тишине послышались отдаленные крики. То были женские вопли, доносившиеся, как показалось графине, из крыла, где размещались покои синьоры Летиции.

Рассказав эту странную историю, графиня Грите задремала от боли и усталости в объятиях старой Лоос.

Вопреки обыкновению, нянька не ушла к себе, а скользнула в проход между кроватью и стеной и притаилась там, скрываясь за складками портьеры.

Около одиннадцати часов музыка в гостиной смолкла и через некоторое время дыхание графини Грите стало более громким, как у крепко спящего человека.

В этот миг дверь спальни бесшумно распахнулась, и на пороге появился г-н Гоэци. Лоос увидела, как он прошел через комнату и осторожно приблизился к кровати. Полагая, что за ним никто станет наблюдать, г-н Гоэци позволил себе сохранить привычный вампирический облик. Он излучал яркое зеленое свечение, а его нижняя губа горела красным, как раскаленное железо. Волосы стояли дыбом, подрагивая и извиваясь, словно языки пламени над чашей пунша. Он был очень красивым вампиром.

Вначале г-н Гоэци наклонился над кроватью. Используя длинную золотую булавку, зажатую между большим и указательным пальцами, он уколол графиню за левым ухом, не медля приник губами к ранке и принялся *высасывать кровь*. Делал он это ровно десять минут, поглядывая на зажатые в руке часы. Так вот отчего бледнела и старела несчастная дама! Ее здоровье, видимо, сильно пострадало, если подумать о том, что эта операция повторялась каждую ночь.

К слову, г-н Гоэци пил без удовольствия и исключительно ради пропитания. По вкусу ему была лишь девичья кровь. Выпив свою суточную порцию, он отложил золотую булавку и достал небольшой пинцет, с помощью которого начал один за другим выщипывать волосы с головы графини. Вырванные волосы он складывал в виде букетика, как колоски.

Графиня Грите слабо стонала во сне. Старая Лоос, окаменевшая от ужаса, не могла поверить своим глазам. Закончив работу, доктор Гоэци засмеялся и вышел, напевая песенку на сербском языке (именно на сербском обычно разговаривают между собой вампиры).

Первой мыслью Лоос было разбудить графиню, разбудить Тиберию, разбудить всех и отправить г-на Гоэци в хорошо разогретую печь. Люди малообразованные считают, что от вампира можно избавиться, изжарив его; представление это ошибочно. Но, когда старуха потягивалась, расправляя застывшие от ужаса конечности, она услышала вдали женские крики, о которых рассказывала ей графиня.

Любопытство взяло над ней верх. Несколько минут ничего не решают, рассудила она. Лоос выбралась из своего укрытия, прикрыла за собой дверь и тихонько пошла по коридору в том направлении, откуда раздавались истошные крики.

Так она добралась до покоев синьоры Летиция, чей голос теперь узнала. Палланти издавала вопли и рыдала, как будто с нее заживо сдирали кожу. Старая Лоос тут же заглянула в замочную скважину, стараясь понять, что стряслось с гувернанткой.

В отверстие она увидела Летицию, которая лежала на кровати и корчилась от боли. Рядом с ней стоял г-н Гоэци, сжимая в руке свою длинную золотую булавку. Вам приходилось видеть, как прокалывают капусту? Здесь было абсолютно то же самое. Г-н Гоэци проделывал в коже головы небольшие отверстия и по одному пересаживал волосы графини на череп синьоры Палланти.

Ярость старой Лоос не знала границ.

— Ага! Парочка дьяволов! — сказала она себе. — Вы заплатите за все! Печь раскалится добела!

В гневе она неосторожно проговорила это вслух. Г-н Гоэци услышал ее и прекратил работу. Однако старуха не испугалась, решив, что времени осуществить свой план у нее достаточно. Она выпрямилась, повернулась, собираясь бежать, и... оказалась перед г-ном Гоэци, преградившим ей дорогу. Она отпрянула, изумленно бормоча:

— Как чудовище очутилось за моей спиной?

Г-н Гоэци рассмеялся и двинулся на нее. Сейчас Лоос стояла спиной к двери Летиции. Дверь приоткрылась и шум заставил ее обернуться.

Из спальни со смехом вышел г-н Гоэци и шагнул к ней.

Их было двое! Ее ноги подкосились. От ужаса она не могла двинуться с места.

Глава шестая

Да! Их было двое, и это не слишком вас удивляет, я думаю, поскольку вы уже знакомы с некоторыми тайнами вампирической жизни; понятно, с другой стороны, и ошеломление старой Лоос. Г-н Гоэци, вышедший из спальни, и г-н Гоэци, стоявший в коридоре, были точными копиями друг друга; они сходились, как приближается человек к своему отражению в зеркале.

И каждый из них держал в руке золотую булавку.

Увы, несчастная нянька графини Грите не успела полюбоваться этим чудом. Она узнала то, что не должна была знать. Две булавки одновременно вонзились в ее виски, одна в правый, другая в левый, и бедная Лоос испустила дух, не успев даже вскрикнуть.

Монстры не пожелали отведать ее кровь — она была чересчур старой.

— Дорогой доктор, — сказал один из них, — будьте так любезны, скажите, как мы поступим с телом?

— Как пожелаете, дорогой доктор, — ответил второй.

Они простерли руки, и труп поднялся на восемь лап. Он приобрел вид двойной собаки или, если хотите, двух одинаковых собак, напоминавших очертаниями человека. Каждая послушно приблизилась к одному из докторов, и два г-на Гоэци одновременно произнесли:

— Пса назовем Фукс. Вернемся к работе.

Затем они обнялись и слились, а собаки вошли одна в другую.

Так появилось то странное животное, что мы видели в трактате «Пиво и Братство».

Г-н Гоэци вернулся к постели Летиции и закончил пересадку волос.

На праздники графиня Грите, оставленная всеми, умерла в опустевшем замке. Корнелия была здесь, у м-ра и м-с Уорд, занимаясь последними приготовлениями к браку с Эд-

вардом С. Бартоном. На сей раз она приехала без Летиции, так как семейные дела требовали присутствия гувернантки в Италии.

Лишь много позднее стало известно, что Летиция немедленно последовала за графом Тиберио в Париж, где любовники предались безумствам, игре, чревоугодию и прочим излишествам самого экстравагантного толка. Граф Тиберио поздно и довольно внезапно ощутил вкус к разврату. Узнав от г-на Гоэци о смерти своей несчастной жены, он закатил роскошную пирушку. Графиня скончалась в одиночестве и отчаянии; на голове ее не осталось ни единой пряди некогда великолепных волос. На следующий день месье Гоэци снял домик в пригороде Утрехта, куда водворил лысую женщину, которую мы также видели ранее в трактире «Пиво и Братство». Эта женщина, повиновавшаяся г-ну Гоэци, как раба, представляла собой останки графини Грите. В Голландии она жила под охраной Фукса, пса с человеческим лицом, и была известна как мадам Фиоле.

По возвращении графа Тиберио в замке состоялся военный совет; в нем участвовали Летиция, месье Гоэци и сам Тиберио. Обсуждалась недавняя смерть знаменитого графа Монтефальконе, самого богатого человека в Истрии и Далмации, расположенных против Венецианской республики, по другую сторону Адриатического моря.

Монтефальконе оставил вдову и единственного сына. В случае смерти последнего Корнелия де Витт становилась прямой наследницей вдовствующей графини, в случае же смерти Корнелии все состояние семейства Монтефальконе переходило к графу Тиберио.

По природе своей граф Тиберио был не из тех, кого называют людьми испорченными, но теперь им, как хотела, вертела *la Pallanti*, находившаяся в подчинении у г-на Гоэци.

Совет продолжался всю ночь. Наконец было решено, что месье Гоэци отправится в Вену — по делам не торговым, а домашним.

Младший Монтефальконе, сын знаменитого графа и ныне вдовствующей графини, был капитаном на австрийской

службе, в Лихтенштейнском полку, и жил при дворе императора Иосифа II. Он был человеком необузданным.

Г-н Гоэци отправился в путь с лысой мадам Фиоле и псом Фуксом. Наша Анна не рассказывала мне в подробностях об этом путешествии; знаю только, что, прибыв в Вену, они поселились у ростовщика Мозеса, который давал Марио Монтефальконе деньги в долг. У него уже накопились подписанные молодым графом векселя на более чем миллион флоринов.

Жил он на третьем этаже большого дома в Грабене со своей внучкой Деборой, которая каждую ночь спускала с балкона шелковую лестницу и принимала у себя капитана Марио.

У старого Мозеса был подшит к кафтану кожаный мешочек, где лежали векселя Монтефальконе, составлявшие лучшую часть его богатств. Он даже спал в кафтане. Балкон же, откуда красивая и грешная Дебора спускала шелковую лестницу, имел железную решетку.

Однажды в окружении грабов императорского замка Шенбрунн, самых высоких в мире, должен был состояться военный парад. Дебора долго терзала своего деда, и тот согласился взять ее с собой. Она надела самое красивое платье и все драгоценности, подаренные капитаном. Она была великолепна. Стоимость ее жемчугов и рубинов как раз и равнялась сумме долга Монтефальконе, за вычетом прибыли Мозеса. На капитане Монтефальконе был новый сверкающий мундир. На параде они с Деборой обменивались восторженными взглядами, таившими обещание ночного свидания. Мозес прижимал рукой к сердцу свой кожаный карман. Все были счастливы.

Месье Гоэци, Фиоле и Фукс, однако, остались дома и во время парада пробрались в спальню красавицы Деборы и задернули портьеры. Затем г-н Гоэци и Фиоле стали по очереди работать на балконе, вооружившись точильным камнем. Пес Фукс стоял на страже снаружи.

Когда г-н Гоэци и Фиоле закончили работу, верхние края железной решетки были остры, как бритва.

К ночи площадь Грабен опустела и младший граф Монтефальконе, веселый и беззаботный, прибыл к дому, драпируясь в широкий плащ искателя приключений. Едва он появился, с балкона Деборы упала вниз шелковая лестница.

Младший Монтефальконе начал карабкаться вверх. Лестница была прочна, и верхний прут решетки, превратившийся в бритву, не сразу ее перерезал. Случилось это лишь в ту минуту, когда капитан достиг второго этажа.

Раздалось два громких крика, женщины и капитана. После снова воцарилась тишина — так смыкаются воды реки над утопленником, упавшим с парапета моста.

Г-н Гоэци мигом разбудил старого Мозеса и сообщил, что на балкон дома забрался злоумышленник. Простак поспешил выйти, держа в одной руке тромблон, а другой прижимая к сердцу кожаный карман.

Фукс, пес с человеческим лицом, загрыз его на пороге.

Все дела г-на Гоэци в Вене были завершены. Опустошив кожаный карман Мозеса, он с легким сердцем тронулся в путь при свете луны, напевая популярные куплеты.

Между тем, свита г-на Гоэци увеличилась. Помимо пса Фукса и лысой женщины Фиоле или, если вам больше нравится, Грите и Лоос, к ней присоединились попугай и маленький мальчик, все время игравший с обручем. Попугай с мощным клювом и кривыми когтями был Мозесом, малец — капитаном: под блестящим мундиром более ничего не обнаружилось.

Вместо того, чтобы вернуться в Голландию, г-н Гоэци направился на юго-восток через эрцгерцогство Австрии, Каринтии и Карниолы. Она никогда не упоминала, путешествовал ли он пешком или в карете; но я могу привести любопытную подробность, связанную с тем, как вампиры и их придатки пересекают водные потоки. Все семейство спешит к главному вампиру и входит в него. Вслед за этим хозяин ложится на воду и плывет ногами вперед, как доска. Даже самое быстрое течение не в силах ему помешать.

Заметив человека, плывущего по реке ногами вперед,

примите все меры предосторожности, ибо перед вами несомненный вампир.

У Триеста г-н Гоэци свернул на восток, пересек Истрию и Хорватию, добрался до Далмации и направился в Динарские Альпы к границе Албании, где расположен замок Монтефальконе, один из самых внушительных в мире замков, который послужит сценой наиболее драматических эпизодов нашей истории.

Все вокруг, от дерна на земле до облаков в небесах, было всклоченным, буйным, зловещим. Горные вершины с дикой яростью вздымались в небо, обрамляя нагромождение башен, зубцов, колоколен, откуда ниспадали в сотни расселин громадные пряди плюща. Сосны проросли сквозь стены, вставшие, казалось, из бездонных пропастей.

На ум, прежде всего, приходила мысль о том, что в замок невозможно проникнуть без позволения хозяев. За узкими и длинными окнами угадывались сидевшие в засаде стражники; бойницы источали угрозу; подъемные мосты с решетками тянулись над провалами, как колоссальные западни.

На стенах не видно было ни одного часового; но в углу двора, освещенного рогами луны, полускрытой облаком, чешуйчатым и плоским, как спина крокодила, высился полусгнивший каркас виселицы. С нее все еще свисал скелет, вокруг которого вились вороны.

Г-н Гоэци прибыл за несколько минут до заката и остановился на вершине одного из самых высоких пиков, окидывая взглядом окрестный пейзаж. Он видел не только замок, но и многочисленные городки и деревни, дикие ущелья, плодородные нивы и острова в море. Он долго смотрел на эти красоты, в основном же на владения Монтефальконе, достойные истинного принца.

Неопределенная улыбка играла на его губах, пылающих, как раскаленные угли.

— Ступайте! — внезапно произнес он, и тотчас свита призрачных рабов покинула его. Попугай улетел, пес кинулся вниз по склону горы, за ним последовали лысая дама и мальчишка с обручем.

Глава седьмая

Когда помощники скрылись, месье Гоэци разделился, поскольку нуждался в собеседнике. Он разжег костер, и любой, кто в тот вечер поднял бы взгляд со дна долины, увидал бы на вершине недоступного пика, куда никогда не ступала нога человека, две жуткие фигуры, сидевшие на корточках в снегу и освещенные синеватым пламенем.

Было уже темно, когда вернулись эмиссары г-на Гоэци. Замок Монтефальконе казался теперь огромной темной массой между горами. Тут и там за поясом зубчатых стен мерцали огни.

Хотя г-н Гоэци при расставании не сказал своим рабам ни слова, все они знали, что делать. И хотя они вернулись, в то же время все они оставались в замке на различных указанных им должностях. Эта способность к расщеплению позволяла им оказывать г-ну Гоэци неоценимые услуги.

Половинки демонов уселись вокруг костра, за исключением попугая, восседавшего на плече Фиоле, и г-н Гоэци велел им рассказывать. Фиоле заговорила первой и сказала:

— Владыка, я вошла в караульный корпус у главных ворот с бочонком киршвассера. Очевидно, я еще не слишком разложилась, потому что все солдаты пытались меня поцеловать и называли «милашкой». И вот что я узнала: замок находится в осадном положении из-за шайки разбойников, рыщущих в окрестных горах. Гарнизон достаточно многочислен и способен защитить замок. Есть у них и солидное артиллерийское орудие. Горе тому, кто попытается войти через главные ворота!

— Где же твой бочонок? — спросил г-н Гоэци.

— Владыка, — ответила Фиоле, — он в караульном корпусе. Там я продолжаю наливать солдатам выпивку, а они называют меня «милашкой».

Пес Фукс рассмеялся, тогда как попугай клюнул голый череп ужасной старой карги.

— Хорошо, — сказал г-н Гоэци. — Теперь ты, пудель.

— Владыка, — отвечал Фукс, — я обошел укрепления. Есть

только одно слабое место, но все равно потребуется сделать подкоп и подвести мину. Это куртина, где нет часовых, но имеется собака, громадная, как бык. К счастью, мы оказались разного пола...

— Ты спел серенаду под ее окном? — прервал г-н Гоэци, который был в прекрасном настроении.

— Да, владыка. Она вышла, пылая от нежности, и я придушил ее, и теперь я стою во дворе на страже.

— Хорошо, — снова сказал мистер Гоэци, погладив пса по голове. — Ваша очередь, капитан.

Мальчишка вытер с губ остатки варенья.

— Полковник, — сказал он, отдавая по-военному честь, — я играл с обручем и запутался в юбках трех красивых девиц, горничных старой графини. Они до отвала накормили меня сладостями и рассказали, что скоро у них появятся новые черные платья: из Вены пришло известие, что сын графини, единственный сын, свернул себе шею, как дурак, взбываясь на балкон прекрасной еврейки...

Быть может, я забыла упомянуть, что эти несчастные, как вы уже поняли, сохраняли лишь самые смутные воспоминания о своей прежней жизни.

— Это все? — спросил г-н Гоэци.

— Нет, полковник. Три горничных налили мне мараскина. Мне показалось, что я их откуда-то знаю, хотя сам дьявол не разберет, откуда. В гарнизоне шепчутся, что старушка очень любила своего простака-сына. Она больше не хочет оставаться в замке, полном горестных воспоминаний. Завтра она выезжает в Голландию, чтобы найти и забрать к себе одну молодую девушку, ее единственную наследницу. Еще горничные угостили меня розолио...

— И ты оставил с ними своего двойника?

— Да. Он был немного пьян. Они уложили его в углу с бутылкой анисетта.

— Хорошо, — в третий раз сказал мистер Гоэци. — Говори, Гарпагон.

Он обращался к попугаю, который встопорщил перья и принял внушительный вид.

— Что касается меня, владыка, — отозвался бывший Мо-

зес, — то мой двойник находится сейчас со вдовствующей графиней, каковая положительно влюбилась в меня. Увидев, как я влетел в открытое окно, она перестала плакать и стенать. Она почти утешилась. Я мог бы в лучшем виде изложить все, что вы узнали от других, но я принес более весомый подарок. Возьмите!

С этими словами попугай вытащил из-под крыла связку ключей и почтительно вложил их в руки г-на Гоэци, добавив:

— Это ключи старушки. С ними вы легко доберетесь до ее спальни.

Г-н Гоэци дружелюбно потрепал Жако по хохолку и поднялся на ноги, сказав:

— Все в порядке. За работу!

И он, в сопровождении своей челяди, спустился по крутому склону горы. Была уже ночь, когда они достигли подножия крепостных стен. Чтобы преодолеть широкий, глубокий и наполненный водой ров, меье Гоэци использовал метод, описанный в предыдущей главе. Никто из стражников не поднял тревогу. Все они сидели в караульном помещении, опустошая бочонок с киршвассером и беседуя с двойником лысой дамы. Двойник пса Фукса молча бегал по двору. Все закрытые двери были отперты с помощью связки ключей графини. Горничные в передней были очень заняты, распивая кюрасао с двойником мальчугана, и не слышали ни звука.

Бедная вдова, оглушенная болтовней двойника Жако, также ничего не слышала.

Фиоле, лысая женщина, задушила ее собственными руками. Кто мог бы подумать, что благородная графиня Грите на такое способна? Псу Фуксу, некогда бывшему заботливой нянькой Лоос, г-н Гоэци приказал съесть лицо вдовы, вокруг же съеденного лица прикрепил бороду.

Довольно необычен тот факт, что мальчишка испытал легкое недомогание, увидев такое недостойное обращение с останками своей матери.

Затем г-н Гоэци вышел, не забыв предварительно поджечь балдахин над кроватью, что должно было объяснить исчезновение трупа; едва ли мне необходимо добавлять, что

он забрал с собой несчастную мадам Монтефальконе, превратившуюся в безликого трактирщика.

К тому времени, как г-н Гоэци покинул замок, Фиоле и ее и бочонок исчезли из караульного корпуса. Трое горничных, в свою очередь, тщетно искали буквально растворившегося в воздухе мальчишку.

Вся эта мрачная компания, к которой присоединился теперь г-н Хаас (так звали трактирщика), направилась к морю. Спустившись на равнину, г-н Гоэци повернулся и стал наслаждаться величественным зрелищем. Огонь перекинулся с балдахина на кровать, затем пламя охватило спальню, после главное здание. Это было великолепно. Причудливо освещенные ущелья открывали загадки своих таинственных глубин, на снежные пиках блистали пурпурные блики, а посреди восхитительных декораций замок пылал, как гигантский факел. Ничто не может сравниться по красоте с пожаром в горах, часто говорила мне наша Анна, но я, конечно, не могу о том судить.

Несмотря на свое обычное безразличие к чудесам природы, г-н Гоэци ненадолго задержался, но вскоре вновь двинулся в путь, пересек Адриатику на элегантной тартане и расположился на отдых лишь в Венеции. Я не буду описывать венецианский карнавал; *Она* уже сделала это в нескольких поразительных и блистательных страницах. Скажу только, что г-н Гоэци заманил в нечестивую западную дочь гондольера с Лидо и утолил жажду кровью этой молодой девушки, чем полностью восстановил свои силы.

Во время путешествия месье Гоэци в Далмацию, в Голландию для подготовки к свадьбе прибыл Нед Бартон. Граф Тиберио жил в Роттердаме в прекрасном особняке, купленном после смерти жены. К моменту, когда Нед сошел на берег, он еще не знал о трагической кончине своего кузена, молодого графа Монтефальконе. Вы не слишком удивитесь, если я скажу, что Корнелия, занятая собой или, вернее, Эдвардом Бартоном, все еще оставалась в неведении касательно связи Тиберио с Летицией Палланти.

Очевидно, во всем Роттердаме одна Корнелия не обращала внимания на поведение своей гувернантки. По воз-

вращении из Парижа Летиция начала открыто появляться с графом Тиберио на публике, и ее чванливые наряды так и провозглашали: «В доме бывшего господина я стала госпожой!»

С приездом Неда наступила некоторая перемена. Прошу вас заметить, что он был англичанином — молодым, что правда, но возраст в этом смысле не играет роли. В англичанине ощущается моральное превосходство. Его присутствие вызывает уважение и требует благопристойности.

Можете думать, что хотите, но Тиберио тушевался перед Эдвардом, а Летиция его боялась.

Благодаря ему все вернулось на круги своя, и скандал поутих.

Нед Бартон, однако, привез с собой лакея, легкомысленного ирландца, лентяя и пустозвона, всегда дурно причесанного и дурно одетого. С ног до головы он являл собой сплошное неприличие, а в убогом мозгу его не было и на шесть пенсов здравого смысла.

Чрезмерно любопытный, нескромный и имевший мало представления о собственном достоинстве, он так усердно совал нос в сплетни домашней прислуги и близлежащих таверн, что через несколько дней был осведомлен о скандальной истории лучше, чем ее непосредственные свидетели.

Мерри Боунс терпеть не мог Палланти. Между лакеями и гувернантками такое часто бывает. Он уже не раз порывался рассказать о подвигах Летиции, когда брил молодого хозяина, но Нед не желал и слушать.

Одним январским утром, намылив щеки Неда, лакей поднял бритву и заявил:

— Ваша милость, Голландия неплохая страна, схидам здесь хорош, хотя пиво довольно безвкусное. Попомните мои слова, к марту в Маасе всплывет не одна дохлая собака, и до свадьбы вашей, молодой сэр, еще ох как далеко!

Он быстро провел бритвой по коже ладони.

— Поторопись, — приказал Эдуард, — я спешу.

— Эта прохиндейка тоже спешит, — заметил ирландец, — спешит обвести вас вокруг пальца, и накажи меня Бог вечным адским огнем, если я вру! Вы заметили, как она погля-

дывает на вас, ваша милость?

— Быстрее! — повторил Нед.

— Она уже пустила на ветер черт знает сколько сотен тысяч дукатов своего болвана, я имею в виду графа Тиберио. И мисс Корнелия больше не сидит на почетном месте за столом.

— Да, это правда! — согласился Эдвард.

— И не спит в лучшей спальне, *musha!* Странный край эта Голландия — гувернантки здесь носят бриллиантовые серьги! Готов поставить два шестипенсовика, а это целый шиллинг, что расскажу вам кое-что, чего вы не знаете — потому как вы, ваша милость, слава Богу, никогда ничего не знаете. Мисс Корни, наш дорогой ангел, унаследовала огромное состояние. Ее кузен Монтефальконе, да, точно, так его звали, был капитаном и где-то помер, уж не знаю где — и первой новостью узнала гувернантка.

Эдвард наконец соизволил прислушаться.

— Ты уверен в этом, парень? — спросил он.

— Мошенник Гоэци прислал ей депешу.

— Значит, ты ее видел ту депешу?

— Мы же посмотрим повсюду, верно? Только так можно что-то узнать.

— Как бы то ни было, — промолвил Нед, — состояние капитана перейдет к вдовствующей графине.

Мерри Боунс вытер бритву и тряхнул шевелюрой.

— Несомненно, несомненно, ваша милость, — сказал он, — только знаете, что я думаю? Теперь вдовушка не доживет до преклонных лет. А когда ее не станет, приглядывайте в оба за мисс Корни, слышите? Деньги графа Тиберио на три четверти проедены, а гувернантка все еще не насытилась. Постарайтесь это понять.

Именно в это время письма Неда и Корни, адресованные нашей Анне, начали утрачивать прежний тон веселой беззаботности.

Смерть вдовствующей графини Монтефальконе, сделавшая Корни богатой наследницей, подтвердилась лишь в кон-

це февраля. Г-н Гоэци вернулся, но не показывался. Он сплетал нити заговора, пытаясь подтолкнуть Эдварда к какому-либо насильственному действию, которое позволило бы отменить свадьбу.

Эдварду Бартону удалось избежать расставленной ловушки. Презрение, которое внушала ему синьора Палланти, он держал при себе, хоть это доставляло ему мало удовольствия, и вел себя так, что гувернантка вполне могла заблуждаться в отношении его истинных чувств.

Он продолжал посещать дом графа Тиберио, единственное место, где мог встречаться с Корнелией. С каждым днем Тиберио держал себя с ним все более высокомерно, если не сказать презрительно.

Помолвка Эдварда и Корнелии была настолько публичной, что разорвать ее представлялось затруднительным; но постепенно становилось все очевидней, что искусственно чинимые задержки должны были привести к фактическому разрыву. Так, решено было предварить брачную церемонию поездкой в замок Монтефальконе, причем Эдвард Бартон приглашен не был.

И Эдвард Бартон не возражал.

Таково было, по крайней мере, впечатление, которое вынесла наша Анна из пачки писем, полученных ею в канун бракосочетания.

Я должна сказать прямо, что письма эти были не совсем искренними. В них, с типично английской щепетильностью, была высказана лишь часть правды. Нас, англичан, приводит в ужас определенный тип скандала, именуемый *бегством*. Чем больше свободы мы предоставляем девушкам в наших семьях, тем настойчивей требуем, чтобы они никогда не нарушали правил добропорядочности и придерживались благопристойности, этой истинно английской добродетели. Думаю, в романах нашей Анны не встречается ни единого случая бегства; я подразумеваю добровольное бегство девушки с молодым человеком, так как похищение осуществляется силой и потому является менее шокирующим.

Но увы! охваченные избыточными страхами, излишне целеустремленные, Эдвард Бартон и Корнелия де Витт, в тщет-

ных поисках наилучшего выхода, были полны решимости совершить это предосудительное и опасное деяние, которое в дворянских семьях не может быть одобрено ни под каким предлогом. Низшие классы — дело иное, они творят, что хотят. Ощущая себя виновными в осознанном выборе *недобающего поступка*, Нед и Корни хранили свои планы в тайне от друзей.

Прошу вас, не сочтите, что я в чем-либо оправдываю подобное недопустимое поведение. Однако я хотела бы напомнить, что они столкнулись с безнравственным банкротом, живущей во грехе женщиной и вампиром. Положение их было трудным, что и говорить.

Ирландец Мерри Боунс во многом способствовал тому, что они избрали сей неверный путь, и если бы Богу было угодно провести их по нему до конца, возможно, они избежали бы ужасной катастрофы.

Если бы они вовремя послушались этого парня, не лишнего зачатков здравомыслия, они не ждали бы до последнего — и, оказавшись в Лондоне, под защитой английских законов, вволю посмеялись бы над гнусными злоумышленниками, поднявшими руку на их счастье, состояние и жизнь.

Но решились они слишком поздно. Накануне назначенного для бегства дня, Летиция Палланти повела себя с мисс де Витт с такой надменностью, что благородная бедняжка, потеряв всякую осторожность и терпение, гордо поставила ее на место. В тот же день, последний день февраля, графу Тиберио наконец удалось добиться ссоры с Эдвардом Бартоном. Брачный контракт был подписан накануне. Формального разрыва не последовало, но вечером, когда Нед явился в особняк, ему было отказано от дома.

Корнелии же было не позволено покинуть дом на следующее утро, и она превратилась в пленницу.

Тем временем, на горизонте возник месье Гозци, источая сочувственные речи — но, как вы понимаете, верить ему было нельзя. Он туманно предупредил Неда об опасности, характер которой не указал, и посоветовал Корни набраться мужества; он же предательски попытался утопить в Маасе

Мерри Боунса, в назначенный час дожидавшегося в лодке Эдварда Бартона и Корнелию.

Вам уже известно, чем завершился этот эпизод с несостоявшейся свадьбой и неудавшимся бегством. В середине ночи Корнелия была брошена в почтовую карету и увезена, но не Эдвардом, а преступными любовниками — Тиберио и Палланти. Выбирая окольные дороги, они направились в имение Монтефальконе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава восьмая

К моменту похищения мисс Корнелии Мерри Боунс исчез; каким образом это произошло, будет рассказано в свое время и в своем месте. Нед, коварно предупрежденный г-ном Гоэци, отправился в погоню за похитителями возлюбленной и был ранен на старой дороге в Гельдр. Затем крестьяне привезли его, умирающего, в трактир «Пиво и Братство».

Теперь мы можем вернуться в этот опасный трактир, где мы оставили нашу Анну по окончании поистине фантастического сражения между бедным Мерри Боунсом и раздвоенной стаей субвампиров из числа домочадцев месье Гоэци, во время которой часы пробили тринадцать раз.

После того, как Веселый Скелет выскочил, бросив странные слова «Скоро принесу железный гроб», все сразу возвратилось на круги своя. Различные члены семейства Гоэци сложились внутрь себя, как складная мебель.

Вы ожидаете, вероятно, что я скажу вам, будто наша Анна взирала на все эти невероятные события с изумлением, а таинственная фраза Мерри Боунса подвергла ее воображение настоящей пытке. Нет, ничуть! Ее разум воспринял все с исключительной легкостью, будучи, видимо, уже подготовлен к такого рода чудесам. Ее было теперь не так-то просто удивить.

Во всяком случае, ее охватило умиротворение. Грей-Джек изрыгал проклятия, держась обеими руками за щеки, опухшие от пощечин Мерри Боунса; Она велела ему замолчать и подумала, что Боунс, будучи ирландцем, возможно, сам был повинен в только что виденной ею драке.

Трактирщик и его домашние, говоря по правде, выглядели довольно мирно, а лысая женщина и вовсе казалась достойнейшей особой. Мальчишка принес старине Джеку кружку пива; тот смочил пивом щеки и с удовольствием выпил остальное.

Наша Анна сочла нужным и своевременным повторить заявление, сделанное ею за несколько минут до тринадцато-

го часа.

— Я требую, — произнесла *Она* отчетливым и твердым голосом, — немедленной встречи с Эдвардом С. Бартоном, эсквайром, который проживал или проживает в этом заведении. Если же, к несчастью, он скончался, будь то по естественным или насильственным причинам, я требую немедленной выдачи его останков с целью погребения в соответствии с установленными церковными обрядами.

Услышав это, старый Джек разрыдался, а трактирщик и его жена вскричали:

— Ах! дорогой молодой джентльмен! да благословит его Бог!

Мальчишка, в свою очередь, сказал:

— Я видел мертвеца.

Пес тихонько взвизгивал голосом больной женщины, глядя на нашу Анну страдальческим взглядом.

Попутай, не переставая расчесывать клювом бороду хозяина, повторял:

— Ты уже обедал, Дукат?

Наша Анна никогда в подробностях не объясняла мне причины, заставившие ее удовольствоваться этими, безусловно, весьма расплывчатыми ответами. Впрочем, и сэр Вальтер Скотт критически отмечал ее привычку оставлять в своих повествованиях лакуны.

Трактирщик предложил ей хорошую комнату и постель; *Она* согласилась, так как толком не выспалась с тех пор, как покинула коттедж.

Трактирщик с чайным подносом в руках и лысая дама с подсвечником провели ее в комнату. Мальчишка тащил грелку. Шествие замыкал пес. Грей-Джека с ними не было. В ту минуту ей даже не пришло в голову спросить, куда подевался Грей-Джек, ее не блещущий умом, конечно, но верный слуга.

Я с некоторыми колебаниями приступаю к этой части рассказа, ибо наша Анна проявляет здесь в своих поступках известную необдуманность. Стоило ли ей, не получив никаких сведений о Неде, так смело доверяться людям, которые только что у нее на глазах раздвоились и затем вновь слились? Я могу лишь указать, что ее лучший роман, «Удольфские тайны»,

не свободен от подобной опрометчивости. *Она* не отличалась хорошей памятью, и очаровательная Эмилия, ее героиня, хоть и одарена необыкновенной проницательностью, подвержена таким же приступам помрачения рассудка. Кроме того, *Она* до крайности устала, и мы вполне можем предположить, что ум молодой девушки из порядочной и тихой семьи был ужасно расстроен пережитыми приключениями.

Итак, *Она* легла в мягкую постель. Лысая женщина любезно подоткнула одеяла, трактирщик поставил на ночной столик поднос с чайными принадлежностями, мальчик ловко установил рядом подсвечник с двумя свечами — после чего все удалились, пожелав ей спокойной ночи.

Она осталась одна. Снаружи ключ дважды со скрипом повернулся в замке. Удалявшиеся шаги затихли в длинном коридоре. Тишину нарушал только меланхолический голос ветра, с плачем сотрясавшего оконные переплеты.

Впервые с отъезда из отцовского дома наша Анна оказалась в удобной комнате и теплой постели, навевавшей грезы. Ее мысли вскоре обратились к милым пейзажам Стаффордшира. О, Англия, сладчайшая царица мира, какой прекрасной кажется она, когда взор застилают слезы изгнания!

Пока *Она* грезилась в полутьме, проникнутая смутным умилением, снизу донесся глухой шум: то был скрежет внутреннего механизма часов, предшествующий бою. Когда часы начали бить, на нижнем этаже возобновился концерт диких криков и проклятий в сопровождении громоподобных звуков сражения. Четырнадцать раз проббили часы, и четырнадцать раз тощая птица пропела: «Ку-ку!». После все стихло и только скрипучий голос мальчишки с обручем проговорил:

— Я видел мертвеца.

Наша Анна подскочила, как от удара. Тот мертвец — ведь это был Нед! Как могла она, пусть на минуту, забыть о жестоком горе? Нед, смешливый мальчик, деливший ее первые детские игры; Нед, которого ей, по крайней мере, было позволено любить, как брата!

Мертвец! Нед! Анна вдруг поняла, где находится. Как же она не узнала эту комнату? О ней рассказывал Нед в последнем письме; отсюда он взывал: «Помогите! Спасите!».

В свете двух свечей, чьи длинные фитили источали больше дыма, чем огня, *Она* увидала занавески с цветными узорами, набор эстампов с изображением битв адмирала Рюйтера и круглое отверстие напротив кровати, в восьми футах от пола, бывший дымоход...

Здесь, на этой кровати, Нед испустил последний вздох.

Фитили удлиннились и походили теперь на черные грибы. Их дым наполнял комнату густым зловещим туманом. Не могу сказать, что пряталось в этом тумане, но темнота стенала и рычала.

Тьма становилась все непроницаемей, свечи все утончались, грибы фитилей чудовищно разрастались; едва видимые эстампы казались прозрачными живыми окнами, горевшими изнутри.

Словно бедное суеверное дитя, сраженное полуночными страхами, *Она* прятала голову под одеяло.

Не успела *Она* занять эту позицию, как раздался громкий и вполне объяснимый звук, похожий на звук шагов человека, обутого в довольно большие и грубые ботинки. Наша Анна услышала этот звук и мигом пришла в себя. Она осторожно приподняла одеяло и прислушалась.

Ошибки быть не могло. Тяжелый каблук царапнул железом по камню в нескольких шагах от нее. Новый и более чем смертельный ужас охватил нашу Анну. Можно бросить вызов гибели, вообразить саму идею бесчестия, какой бы та ни была пугающей; но подбитые железными гвоздями ботинки в спальне молодой благовоспитанной девушки! Наша Анна хотела броситься к окну — бежать, открыть и ринуться вниз головой в вечность!

— *Begorrah!* — произнес голос. — Ее устроили в комнате его милости! Вы спите, мисс?

Что это, сон? Ей показалось, что она узнала голос Мерри Боунса, но в комнате ничего не было видно.

— Это в самом деле ты, Мерри? — спросила *Она*.

— О да! — отвечал добрый лакей. — Это я, моя драгоценная. Снимите-ка нагар со свечей, христианин должен видеть ясно.

Нашему бедному Мерри, как вы понимаете, было напле-

вать на приличия. Она поспешила снять нагар и быстро догадалась, почему до сих пор не заметила бравого ирландца.

Сперва она даже не увидела его, обеда взглядом освещенную комнату. Он стоял в дымоходе, будто на балконе и, просунув в отверстие две длинные и тонкие, как палки, руки, изо всех сил махал ими, а его странное лицо, изможденное, но радостное под громадной шапкой волос, разрезала пополам улыбка пошире сабельной раны.

— Откуда ты взялся, Мерри, мой мальчик? — уже уверенней спросила Анна.

— Ну вот! — отвечал Боунс. — Разве я не сказал вам, мисс? Я ходил за железным гробом.

— И что в том железном гробу? — прошептала Анна.

Ирландец тем временем исчез в глубине дыры и стал передвигать что-то по другую сторону стены.

Через минуту что-то вновь закрыло отверстие, однако это была уже не лохматая голова Мерри Боунса. Предмет, задевая стенки, издавал металлический скрежет. Он еле протиснулся в отверстие — но наконец, последний толчок заставил его преодолеть препятствие, и он с тяжелым грохотом упал на каменные плиты пола.

Лицо Мерри, с радостной ухмылкой, тотчас снова появилось в отверстии в обрамлении взъерошенных волос.

Наша Анна тщетно пыталась понять, что за предмет наделал при падении столько шума. Мерри Боунс, удобно устроившись в печной дыре и высунув обе руки, как картонный черт из табакерки, заметил, что она была озадачена.

— Теперь вы понимаете, какая это тяжелая штука, моя милая, — сказал он. — Во-первых, железо...

— Так это гроб!

— Что же еще? И во-вторых, он совсем не пустой.

— Что там внутри, Бога ради?!

— То, что обычно кладут в гроб, мисс.

— Тело?

— Совершенно верно, мисс Анна.

— Чье тело?

— Тело его милости, черт возьми!

— Тело Эдварда Бартона!

— Совершенно верно!

Она издала душераздирающий крик.

— *Musha!* — отозвался Мерри Боунс. — Черт побери, что у вас стряслось, мисс?

Наша Анна ничего не слышала, оглушенная собственными рыданиями. Тогда Мерри Боунс воскликнул:

— Я проделал хорошую работу этой ночью, накажи меня Бог! Лучше послушайте, моя драгоценная! Если в этом железном ящике лежит тело, а оно там лежит, это точно — иначе пусть меня прокоптят, как сельдь, и сунут в гнилые зубы всех этих несчастных голландцев — так вот, говорю я, если там лежит тело, то там же и душа, хорошая душа, хотя и английская...

Сперва *Она* слушала рассеянно, но с последними словами ее рыдания резко оборвались.

— Объяснись, Мерри Боунс! — властно приказала *Она*. — Ты хочешь сказать, что мистер Бартон еще жив?

— Да, мисс, я это и имел в виду.

— Почему же он не шевелится?

— Он спит.

— Спит! — вскричала Анна. — Да как он может спать после того, как гроб упал на пол?

— О! я думаю, он спит, мисс, и даже в этом уверен.

— Значит, он одурманен!

Мерри неопределенно пожал плечами и ответил:

— Не знаю, чем он там одурманен, только знаю, что его милость угостили шпинатом с маковым отваром.

Быть может, вы не одобрите поведения нашей Анны, однако она велела Мерри Боунсу отойти от дыры и, набросив на плечи накидку, подошла к железному гробу, который был снабжен замком с ключом, совсем как обычный сундук. Затем *Она* отперла замок и откинула крышку.

Увидев внутри своего кузена-мичмана, улыбающегося и розового, как младенец Иисус, наша Анна нашла его красивым, как никогда.

Она глядела на него с нежным чувством, а тем временем Мерри Боунс снова приблизился к отверстию и сказал:

— Он такой милый, настоящий красавчик, не правда ли,

мисс? А пока вы развлекаетесь, разглядывая его, послушайте меня хорошенько, потому что времени у нас мало и вы должны знать, как тут все случилось.

Мы собирались увезти мисс Корнелию в Англию, к вашей семье, но господин Гоэци, этот паук, уже сплел свою паутину. Я угодил в нее, врать не стану, а эти бедные овечки, что они могли поделаться, когда меня не было рядом? Мисс Корни в лучшем виде упаковали и увезли ко всем чертям, а его милости досталось полдюжины ударов ножом между ребер. Короче говоря, меня держали в плену, но я скрутил своего охранника и сбежал. Вчера вечером я добрался сюда, в трактир «Пиво и Братство», умирая от голода и холода и несчастный с ног до головы. Хотел войти в зал внизу, ничего не подозревая, но решил сперва глянуть в замочную скважину. Я увидел, как лысая женщина бросала в горшок маковые головки, а трактирщик в это время протирал шпинат, и эта парочка переругивалась с мальцом, который все кричал: «Зачем вы хотите усыпить мертвеца?»

Сами понимаете, стоило мне узнать, что было на уме у этих людей, мне расхотелось входить в их осиное гнездо. Я обошел дом в поисках задней двери, не нашел ее и забрался по плющу на крышу, а там спустился по каминной трубе. Дымоход, к счастью, вел в ту самую комнату, где я сейчас нахожусь. В ней было пусто и темно, но из соседней комнаты — то есть из вашей — слышались голоса. Я заметил освещенную дыру, просунул голову и увидел троих человек, а правильней будет сказать, одного джентльмена и две половинки негодяя. Его милость, скорее всего, уже поел шпината с маковым отваром, потому что он спал. Выглядел он неплохо, если учесть, что он получил штук пять ножевых ран. С ним были два господина Гоэци: настоящий и двойник. Настоящий был занят внутренней обивкой железного гроба, а двойник сверлил дырочки в стенках.

— Забавное занятие для доктора Тюбингенского университета!

— Не такое уж глупое, мальчик мой, — ответил настоящий Гоэци. — К тому же, раз я стал драпировщиком, тебе самое время превратиться в слесаря.

— Но для чего весь этот труд, патрон?

— Для того, что я хочу удалиться отсюда, сын мой. Я намерен провести свою старость на покое в прекрасном замке Монтефальконе, которым мы завладеем.

— Хорошая идея! — воскликнул двойник, потирая руки. — Но как мы станем владельцами прекрасного замка Монтефальконе?

— Я объясню. Продолжай сверлить. Начнем с того, что все это лишь вопрос чревоугодия; он-то и определяет, кому жить, а кому нет. Граф Тиберио Пальма д'Истрия купил у меня этого молодого англичанина — мертвого, и я должен привезти его в гробу. Понятно? Очень хорошо. С другой стороны, синьора Палланти хочет приобрести у меня этого же молодого англичанина, но живого.

— И какую же цену платит граф Тиберио? — спросил второй господин Гоэци.

— Он даст мне кровь синьоры Палланти, — ответил первый господин Гоэци.

— Ах! Надо же! А Палланти?

— Она предлагает кровь прекрасной Корнелии.

Глаза двух половинок вампира засияли, когда было произнесено имя прекрасной Корнелии, а их губы загорелись, как угли.

— Все это не объясняет, как мы станем владельцами замка Монтефальконе, — продолжал первый господин Гоэци.

Настоящий господин Гоэци улыбнулся.

— Когда мы отведаем крови прекрасной Корнелии, — сказал он, — кто помешает мне вобрать ее? И разве какой-либо закон запрещает ей сохранить в таком случае ее нынешний облик? Она будет и мадемуазель Корнелией де Витт, и месье Гоэци, последний же станет законным наследником Монтефальконе. У тебя есть возражения?

Двойник господин Гоэци не нашел никаких возражений: все было ясно, как день. К тому времени их работа была завершена — железный гроб был выстлан мягкой обивкой, все дырочки просверлены. Два господина Гоэци взяли беднягу Неда за руки и за ноги, бережно уложили в гроб, закрыли крышку и заперли гроб на три поворота ключа...

Мерри Боунс рассказал, как видел и слышал все это через печную дыру. Он исципал себе все уши и — хотя и говорят, что это помогает думать — тщетно обшаривал все уголки мозга, не находя никаких свежих мыслей. Как спасти хозяина из рук злодеев? Пока он ломал голову, настоящий господин Гоэци обвязал гроб веревкой и велел своему двойнику открыть окно. Под окном протекал приток Мааса. Внизу ждала баржа с двумя матросами.

— Хо! Хо! — крикнул господин Гоэци.

— Эй! хо! — закричали снизу.

— Готовьтесь принять товар.

— Все готово.

— Хорошо!

Два господина Гоэци подняли гроб на подоконник. Я забыла сказать, что Мерри Боунс не доставал головой до отверстия дымохода и подставил под ноги полено — комната, где он прятался, использовалась для хранения дров. В расстройстве он сделал неловкое движение, потерял равновесие и был вынужден соскочить с бревна, выдав шумом свое присутствие.

Два г-на Гоэци повернули головы на шум и заметили его. Они зашипели, как змеи. В тот же миг обитатели трактира появились, словно из-под земли, и началась ужасная битва, во время которой г-н Гоэци (главный) продолжал спускаться на веревке железный гроб.

Мерри Боунс оказался в незавидном положении, один против девяти. Ему помог счастливый случай — кто-то постучался в дверь трактира. Это были наша Анна и Грей-Джек. Челюди г-на Гоэци поневоле пришлось разделить, и Мерри Боунсу в конце концов удалось спастись с помощью двух ударов головой как раз в ту минуту, когда часы в зале пробили тринадцать.

Выбежав на улицу, Веселый Скелет обогнул дом и кинулся за баржей, увозившей железный гроб вниз по притоку Мааса. Матросы, надо полагать, были пьяны, как иногда случается. Это обстоятельство облегчило задачу Мерри Боунсу, который ценой немалых усилий смог отобрать у них гроб и, взвалив его на плечи, принес обратно.

Глава восьмая

Анна забылась, слушая его рассказ и созерцая спящего друга детства.

Мерри Боунс недовольно затряс шевелюрой.

— Для начала сделайте мне одолжение и закройте гроб, — сказал он, — иначе вы будете отвлекаться, и мы никогда не перейдем к делу. У меня есть план. Но, чтобы выполнить его, я должен знать, что вы достаточно хладнокровны, мисс.

Она со спокойной гордостью улыбнулась и захлопнула крышку гроба.

— Теперь все в порядке, — промолвил Мерри Боунс. — На обратном пути я не смог забраться на крышу с такой тяжелой ношей. Я прошел через кухню и слышал, как кучка злодеев совещалась в зале. Вот что я узнал: господин Гозци пригласил их явиться в пятнадцать часов на небольшое семейное торжество. Думаю, пятнадцать скоро пробьет. Они очень довольны; они считают, что железный гроб с его милостью внутри направляется в Роттердам, и после той семейной вечеринки, о которой я говорю, намерены догнать баржу и все вместе отправиться с товаром в замок Монтефальконе.

— С чем связан семейный праздник? — спросила наша Анна.

— Они собираются выпить вас, — ответил Мерри Боунс.

Она чуть не лишилась сознания.

— Выпить меня! — повторила *Она*.

— Истинная правда, — ответил Мерри Боунс. — Они предпочитают кровь молодых девушек не старше двадцати лет, это верно, — добавил он, — но вот собственные слова господина Гозци: «Мисс Анна Уорд, по крайней мере, годится для питья».

— Годится для питья! — воскликнула наша несчастная Анна, ломая руки. — Господи Боже! для питья!

Я полагаю, что вы, миледи, и вы, джентльмен, можете представить себе, какие чувства испытывала *Она* в эту минуту. В современной литературе едва ли описаны подобные

ужасные коллизии. «Годится для питья»!

— Бежим! во имя неба! — поспешно вскричала *Она*.

— *Musha!* Это было бы глупо! — возразил ирландец. — Потерять такую возможность! Знаете, что я нашел здесь в комнате, моя драгоценная? Топор для колки дров! Чертово копыто! мы хорошенько посмеемся! Откройте гроб, вытащите его милость и спрячьте его в том шкафу, справа от камина... поторопитесь, я слышу, кажется, скрежет проклятых часов, а мне еще нужно разбудить этого простака Грей-Джека. Он нам понадобится.

Анна мужественно и быстро приступила к работе. Она была девушкой сильной, несмотря на свой невысокий рост. Она извлекла из гроба Эдварда С. Бартона, эсквайра, взяла спящего на руки и понесла его к шкафу, который предварительно открыла. Веселый Скелет захлопал в ладоши.

— Закрывайте! — сказал он. — Вижу, у вас храброе сердце! Теперь спрячьте гроб под кроватью, чтобы он не оставался на виду.

Она снова повиновалась.

— А сейчас, — произнес Мерри Боунс, — ложитесь под одеяло и притворитесь, что спите, как милый ангелочек... *Begorrah!* Внизу скрипят пружины... чтобы ни случилось, не двигайтесь и не открывайте глаза... скоро увидимся!

На нижнем этаже раздался скрежет часов. Голова Мерри Боунса торопливо исчезла в отверстии. Грянул первый удар пятнадцатого часа, рассеивая отзвуки среди ночных теней.

С первым ударом молотка часов в нижнем этаже поднялся явственный, но глухой и беспорядочный шум. На лестнице послышались шаги. Со вторым ударом шаги зазвучали в коридоре. С третьим — дверь медленно распахнулась, и по комнате разлилось зеленое свечение. Это вампирическое свечение, как запах кошачьих, усиливается в критические моменты.

Г-н Гозци вошел один. Он походил на человека, вырезанного из бутылочного стекла, и тусклый свет свечей, про-

ходя через него, отбросил прозрачную тень на только что закрытую им дверь. Прозвучал четвертый удар.

Г-н Гоэци направился прямо к кровати, и сердце нашей Анны перестало биться.

Г-н Гоэци склонился над изголовьем. Внутри его тела раздались громкие и возбужденные голоса:

— Мы жаждем! Мы хотим пить! Пора начинать пир!

Часы пробили в пятый раз.

Г-н Гоэци немного отвернул одеяло, и его алые губы округлились, как у гурмана, собирающегося попробовать вино выдающегося урожая. Со зловецей веселостью он произнес:

— Терпение, дети мои! мне кажется, что я имею право на первый бокал!

— Тогда поторопитесь, хозяин, поторопитесь!

У вампиров, насколько известно, кончик языка очень острый; так они наносят укус, необходимый для удовлетворения их чудовищного аппетита. Проколов этим ланцетом кожу, они пьют кровь, как пиявки.

С шестым ударом дверь снова открылась, и появился Мерри Боунс, прятая правую руку за спину. За ним удрученно и послушно, как побитая собака, следовал Грей-Джек. Англичанин всегда признает силу, и две пощечины, которые Грей-Джек получил в тринадцать часов, были, по видимому, перворазрядными.

Как только показался Мерри Боунс, г-н Гоэци свистнул, и все семейство мгновенно выскочило из его тела. При втором свистке все разделились не хуже г-на Гоэци, и тогда прозвучал седьмой удар.

Затем г-н Гоэци занял место за своими одиннадцатью придатками и бросил всех их в бой против ирландца. Анна, которая до этого момента, по совету Веселого Скелета, держала глаза закрытыми, приподняла веки и увидела самое необычайное сражение со дня сотворения мира.

Два пса, два попугая, две лысые женщины, два мальчика, два трактирщика и один г-н Гоэци положительно раздирали на части несчастного ирландца. Тот использовал для защиты только левую руку и защищал лишь глаза, особенно

от атак попугаев. Он хватал этих жестоких тварей за головы и скручивал им шеи — но это ничуть не помогало, а пока он был занят попугаями, псы и мальчишки вцеплялись ему в ноги, а два трактирщика, две лысые дамы и г-н Гоэци (двойник) вгрызались в бока, живот и грудь.

Грей-Джек, хоть и был англичанином, тихо ждал на пороге. Не спешите его винить — такие приказания он получил перед битвой. Он играл роль резерва, и вы вскоре узнаете крайнюю важность его роли.

Часы пробили восьмой, девятый и десятый час. Мерри Боунс понемногу продвигался вперед, к кровати, несмотря на ожесточенные атаки гарпий мужского и женского пола, которые рвали его тело на куски, как стая гончих, настигнувших добычу. От бедного ирландца, поистине говорю вам, ничего не осталось бы, не представляй собой его тело одну кожу да кости. Вся вампирская стая могла найти и оторвать от этого костяка не более маленького кусочка мяса. Кожа и кости, вот из чего он состоял. Было бы излишним еще раз подчеркивать здесь неоспоримое превосходство английской тучности!

Мерри Боунс истекал кровью из всех вен своего злосчастного тела и пасти шакалей стаи окрасились красным; но он медленно и терпеливо пробивался вперед, и с одиннадцатым ударом между ним и г-н Гоэци (настоящим) осталась лишь одна лысая женщина.

Ирландец внезапно тряхнул гривой, испустил громогласный клич «*Begorrah!*» и наградил жуткую старуху ударом, который я не колеблясь назову героическим, поскольку мегера улетела прямо в дыру дымохода. Правой рукой, скрытой до сих пор за спиной, он сделал резкий выпад, сверкнуло широкое лезвие топора и, когда в воздухе задрожал двенадцатый удар, голова главного г-на Гоэци скатилась с плеч, отсеченная острой сталью.

Тотчас все головы существ низшего порядка покатались по полу, словно отделенные от туловищ одним и тем же лезвием. Последовала безмолвная суматоха. Каждый бежал за своей головой. И среди этой оглушительной тишины громом прозвучал голос Мерри Боунса:

— Твоя очередь, старый Джек, болван! — приказал он.

И Грей-Джек зашагал вперед в правильном порядке, без спешки и отлынивания, как всегда маршируют наши замечательные солдаты. Он хорошо помнил свое задание. Он достал из-под кровати железный гроб, открыл крышку — и в тот миг, когда двойник г-на Гоэци схватил свою голову, сунул его в гроб и запер внутри!

Остальные, занятые собиранием своих черепов, даже не заметили этого. Прозвучал тринадцатый удар, после четырнадцатый, а они все толпились и толкались, как жалкие личинки в летней жиже клоаки. Мерри Боунс глядел на них, смеясь от души, что не мешало ему в то же время следить за успехами Грей-Джека и г-на Гоэци-отца.

Оба завершили свои дела одновременно, иными словами, Грей-Джек уселся на закрытый гроб, а г-н Гоэци нашел свою голову и приладил ее между плечами.

Он свистнул. Народ вампиров, повинуясь приказу, мигом свои пары воедино. Г-н Гоэци свистнул вторично, и все семейство быстро вернулось в его тело.

Выполнение этих маневров не оставляло желать лучшего.

— Все на месте? — спросил г-н Гоэци.

И, не дожидаясь ответа, он с пятнадцатым ударом часов непонятным образом нырнул в закрытое окно и растворился в ночи.

Он не услышал несчастный, жалобный голос, доносившийся из железного гроба:

— Месье Гоэци! Месье Гоэци! Вы забыли своего двойника!

Но было слишком поздно. Часы отзвенели, кукушка прокуковала пятнадцать раз, а наша Анна тем временем ощущала себя, не понимая, жива она или мертва.

Вслед за последним «ку-ку» Мерри Боунс потребовал тишины, чтобы изложить оставшуюся часть плана кампании, — ибо, как вы понимаете, война только начиналась.

— Мисс, — сказал он, — теперь самое лучшее для нас было бы поспешить в замок Монтефальконе, но, поскольку его милость спит беспробудным сном...

— Откройте дверь шкафа, — перебила наша Анна, — и дайте ему воздуха.

Мерри Боунс невозмутимо продолжал:

— ...торопиться мы не будем, и по пути я намерен опраться. Грей-Джек понесет гроб...

— Дьявол тебя заberi!... — начал старик.

Но Мерри Боунс прервал его на полуслове, сказав:

— Гроб необходим нам по нескольким причинам. Во-первых, чтобы держать птичку в клетке...

— Ты заблуждаешься, добрый ирландец, — мягким голосом воззвал из гроба г-н Гоэци. — Я даю слово чести не бежать, если меня освободят.

— ...Во-вторых, — продолжал Мерри Боунс, не затрудняя себя ответом, — в нем его милость проникнет в замок, когда придет время. Я слышал, что стены замка высоки, как купол собора Святого Павла в Лондоне, но у меня есть идея.

— Ах! добрый ирландец, — ласково произнес голос из гроба, — у тебя светлая голова! Ты совершаешь ошибку, отвергая мое предложение. Я глубоко предан вам и могу оказать ценные услуги.

Вы думаете, вероятно, что это была какая-то уловка. Отнюдь нет! Серьезные авторы, посвятившие вампирам объемистые сочинения, обычно сходятся в одном: плененный вампир всецело принадлежит своему победителю, как тот принадлежал бы вампиру, если бы исход их схватки решился в пользу последнего.

Отличие состоит лишь в том, что обыкновенные люди очень редко становятся хозяевами вампиров; общее правило человеческого бытия гласит, что Добро всегда проявляет себя гораздо менее энергично, чем Зло; поэтому, даже если человек пленяет вампира, физические и моральные пристрастия не позволяют ему испить вампирскую кровь.

Без этого действия невозможно полное слияние, интимная аннексия победителем побежденного вампира. Но плененный вампир, тем не менее, остается рабом своего нового хозяина.

Пока двойник господина Гоэци доказывал свою преданность через отверстия в гробу, снаружи послышался шум крыльев и нечто подобное большой птице или колоссальных размеров пяденице ударило в раму.

— Что это? — спросила наша Анна.

Пленник тотчас ответил:

— Не обманывайтесь ни на минуту — месье Гоэци вернулся за мной, так как без меня ему не обойтись.

— Я пушу ему пулю в голову! — вскричал Грей-Джек.

Откуда-то он раздобыл ружье и сейчас, размахивая им, бросился к окну.

— Остановись, храбрый старик, — сказал пленник. — Чудовище, строившее бесчисленные козни против твоей молодой госпожи и ее друзей, теперь беспомощно. Ему не хватает меня. Было бы слишком долго объяснять вам это в точных и научных терминах, но сравнение поможет мне осветить суть дела. Сам я, что правда, представляю собой только двенадцатую часть месье Гоэци, но я связан со всеми остальными, и мое отсутствие ставит его в положение четок, лишенных нити. Можете сами судить, каково ему приходится.

Слова заключенного произвели большое впечатление на аудиторию; и однако, наша Анна, не по возрасту вдумчивая, спросила:

— Пленник, почему ты предаешь своего хозяина?

— Мое дорогое дитя, — ответил голос из гроба, — не удивляйтесь, что я вас так называю, я имею на это право — у меня есть несколько причин поступать именно так. Я назову две. Первая — это закон любого завоевания: побежденный остается врагом завоевателя. Для объяснения второй требуется углубиться в прошлое. В то время, когда доктор Отто Гоэци приехал в графство Стаффорд, чтобы занять место наставника молодого Эдварда С. Бартона, он был только учеником вампира. У него не было ни двойника, ни реквизита, ничего. Вы помните бедную Полли Берд с Верхней Фермы, чья безвременная кончина так огорчила весь приход три года тому?... Знайте же, друзья мои, что с вами говорит та самая злощастная Полли Берд. Месье Гоэци, получив в Петервардейне дип-

лом магистра вампиров, избрал меня, чтобы я стала его двойником и привела в действие его внутренний механизм.

— Только подумать, — воскликнула наша Анна, — что мы сидели рядом в церкви вместе с семьей девицами Бобингтон!

Мерри Боунс наконец уразумел, что Грей-Джек не сумеет нести гроб.

— В конце концов, — сказал он, — Полли Берд была когда-то вполне доброй девушкой, а у мисс нет горничной. Если Полли пообещает нам вести себя хорошо и нести гроб, не вижу, почему бы нам не развлечься ее обществом до прибытия в замок Монтефальконе.

Мнение ирландца одержало верх. Мерри Боунс достал ключ и отпер гроб. Перед ними предстал г-н Гозци, глядевший на нашу честную компанию мягким и скромным взором. Он по-прежнему оставался г-ном Гозци, но наша Анна и двое других, внимательно присматриваясь к нему, готовы были поклясться, что в лице презренного доктора читались некоторые черты Полли Берд.

Несчастливая рассыпалась в благодарностях и, поднявшись на ноги, поспешила сделать реверанс.

Далее мы будем говорить о ней в женском роде, дабы не путать ее с настоящим г-ном Гозци. Но не забывайте, что это был все-таки мужчина, и потому пришлось отказаться от мысли поручить Полли обязанности горничной нашей Анны.

Мало того, в качестве меры безопасности к ее шее был крепкой цепью приторочен гроб. Тем самым, Грей-Джек и Мерри Боунс могли удостовериться, что она действительно понесет гроб, тогда как наличие подобной тяжелой и сковывающей движения ноши должно было крайне осложнить любую попытку побега.

Глава десятая

На рассвете Она попросила всех удалиться, чтобы заняться своим туалетом. Между тем, бывшая Полли некими способами, которые я не могу объяснить, пробудила Эдварда Бартона. Когда наша Анна присоединилась к своим спутникам — предварительно вознеся краткую молитву или, вернее, поблагодарив Всевышнего за избавление от стольких опасностей — Эдвард С. Бартон открыл глаза и в изумлении огляделся.

— Где я? — первым делом спросил он.

Она пустилась было в подробные объяснения, но Мерри Боунс стал настаивать, что необходимо без промедления тронуться в путь.

— Я поговорил с соседкой Полли, — сказал он. — Она дала мне хороший совет. Перед тем, как отправиться в замок Монтефальконе, нам нужно будет закончить одно деликатное дело. Покуда настоящий господин Гозци жив, мы ничего не добьемся.

Они спустились вниз. Стрелки часов в зале остановились, показывая ровно пятнадцать, и даже кукушка исчезла. Когда все четверо переступили порог, в глаза им бросилось большое объявление, висевшее под фонарем. «Трактир сдается в наем», — гласило оно.

Не задумываясь об этих любопытных, но второстепенных деталях, маленький караван сейчас же двинулся по дороге. Впереди шла бывшая Полли, плотно охраняемая с боков Грей-Джеком и Мерри Боунсом. Конечно, она несла железный гроб, но голландцы, народ тяжеловесный, смотрели на шествие с полнейшим равнодушием.

Позади шла наша Анна, а с нею Нед Бартон, который все еще был немного слаб и опирался на руку своей спутницы.

Путешествие к берегам Рейна не ознаменовалось никакими происшествиями, если не считать нескольких свистящих звуков в порывах ветра и неопределенной возни в кустах. Мерри Боунс, предупрежденный бывшей Полли, стремившейся доказать свою преданность, объяснил нашей Ан-

не, что г-н Гоэци растворил себя в воздухе и воде и, прячась за деревьями и кустами, ждал благоприятного момента, чтобы захватить двойника, необходимого ему для обретения свободы действий.

Однажды наша Анна почувствовала, как ее ноги задело что-то вроде детского обруча, и скрипучий голосок, исходивший неведомо откуда, произнес:

— Вот и мертвец!

Прибыв на Рейн, путешественники наняли речное суденышко, которое должно было доставить их в Кельн. Ближе к вечеру, когда тени сумерек окутали Рейн и его берега, в двухстах ярдах впереди появилось бледно-зеленое свечение. Оно поднималось вверх по течению, придерживаясь той же скорости, что и их судно.

С наступлением темноты свечение сделалось ярче; сперва расплывчатое, оно начало сгущаться, пока не уменьшилось до размеров мужского тела. Теперь можно было ясно различить г-на Гоэци, который плыл ногами вперед в окружении своей гнусной челяди.

Все молча взирали на это странное зрелище, когда бывшая Полли вдруг разразилась слезами. На вопрос о причинах такой печали она ответила:

— Как вы думаете, могу ли я без гнева созерцать чудовище, отнявшее у меня счастье и честь? Запомните, он не даст ни малейшей слабину, пока у вас не появятся средства уничтожить его окончательно. Я говорю это не только ради места, но и ради вашей же безопасности. Вы можете быть уверены, что в любой час дня и ночи, будь он видим или сокрыт, месье Гоэци всегда будет бродить вокруг. Поэтому я хотела бы сейчас во всех подробностях изложить вам план, которым уже частично поделилась с Мерри Боунсом; если смело и мужественно осуществить этот план, с нашим общим врагом будет навсегда покончено. Момент благоприятен — поскольку мы видим его там, на реке, мы можем быть уверены, что он не прячется где-то здесь и не подслушивает нас. До тех пор, пока у него нет меня, он вынужден держать при себе все свое семейство, и вам нетрудно будет понять, в какую ярость это его приводит.

Никто и не подумал возражать, и все собрались вокруг бывшей Полли, внимательно прислушиваясь к ее словам — все, кроме, возможно, Эдварда С. Бартона, эсквайра. Как ни больно это говорить, юный мичман все еще полностью не оправился; для этого требовалось время и хороший уход.

Несчастная первая жертва г-на Гоззи высказалась так:

— Существует одно неведомое и, вероятно, самое удивительное в мире место. Люди, населяющие дикий край близ Белграда, называют его Селеной или Городом Вампиров, но сами вампиры именуют его между собой Усыпальницей или Коллегией. Это место обычно остается незримым для глаз смертных. Некоторые, однако, видели его, но все они, похоже, видели различные образы, поскольку сообщения о нем разнятся и даже противоречат друг другу. Одни и в самом деле говорят о большом городе с домами из черной яшмы, с улицами и дворцами, как в обыкновенных городах, но окутанном скорбью и погруженном в вечную тьму. Другие видели колоссальные амфитеатры, увенчанные куполами, как мечети, и вздымающиеся к небу больше минаретов, чем высится сосен в Динаварском лесу. Третьи видели лишь один громадный амфитеатр, окруженный тройным рядом беломраморных клуатров, чьи аркады светятся в сумрачных лучах луны, не ведая ни дня, ни ночи.

Там, в таинственном порядке, расположены обиталища или усыпальницы этого чудесного народа, который гнев Божий рассеял по окраинам нашей земли. Сыны этого народа, наполовину демоны, наполовину призраки, живы и мертвы в одно и то же время; они способны размножаться, но лишены благословенного дара смерти. Среди них есть и женщины — это гули, также называемые *упирами*. Говорят, что некоторые из них когда-то восседали на тронах и наводили ужас на своих подданных. По примеру этих железных людей, которые угнетали край в Средние века и, потерпев поражение в битве, укрывались в неприступных крепостях, вампиры выстроили свой зловещий и великолепный приют, эту цитадель, это убежище, неприкосновенное, как гробница.

Всякий раз, когда вампир бывает сильно ранен (для человека такое ранение было бы смертельным), он отправляет-

ся в Усыпальницу. И действительно, их существованию могут угрожать опасности, которые никогда не приводят к смерти, но напоминают гибель. Их находили в различных частях света, низведенных до положения трупов, хотя плоть оставалась свежей, а механизм, служащий им сердцем, продолжал выделять горячую ярко-красную субстанцию. В таком состоянии они отданы на милость первого встречного. Их можно тогда заковать в цепи и держать в заключении. Вампир не способен защищаться, если только по случаю не объявится проклятый священник с ключом — единственным ключом, могущим восстановить их кажущуюся жизнь. Для этого священник вводит ключ в отверстие, что имеется у всех вампиров на левой стороне груди, и поворачивает ключ...

В точно таком же состоянии пребывает сейчас месье Гоэци; ему настоятельно необходимо восстановиться. С каждым проходящим часом он будет постепенно и довольно быстро ослабевать, пока не получит необходимое количество поворотов ключа. Он держит путь в Усыпальницу, и только страстное желание вернуть меня, его внутреннюю связь, его сыновью — если мне позволено употребить этот научный термин, который я услышала от него самого — все еще удерживает месье Гоэци рядом с нами. Пока что он еще не окончательно ослабел и потому не торопится, выжидая подходящего момента, чтобы заполучить меня силой или хитростью...

Прошу вас, подойдите ближе, ибо поднимается туман и мы почти не можем различить свечения месье Гоэци. Будьте уверены, что как только он сумеет приблизиться к нам незамеченным, он войдет в тело одного из наших гребцов...

Мы тоже плывем к Усыпальнице. Не беспокойтесь, мы не слишком отклонимся в сторону, крюк небольшой. Я наизусть знаю все уголки этого погребального госпиталя. Мы доберемся до частного склепа месье Гоэци и... зеленое свечение исчезло. Осторожнее!

— Доберемся и... что? — разом вскричали все путешественники, чье любопытство было возбуждено до предела. — Что ты собиралась сказать, Полли?

— Тише! — воскликнула бывшая Полли, приложив па-

лец к губам. — Слушайте!

У борта подозрительно плеснули волны, освещенные бледным светом луны.

— Шепните нам на ухо! — попросила Анна.

Бывшая Полли согласилась. Она была добросердечной девушкой, хоть это и скрывали черты г-на Гозци. Каждый по очереди подошел к ней и выслушал ее произнесенные шепотом откровения.

— Превосходно! — воскликнули затем все наши путешественники. — Эту идею стоит отлить в золоте!

Помните ли вы смех, который услышала наша Анна на пирсе в ночь своего прибытия в Роттердам? Нечто похожее заскрежетало в воздухе, и в тот же миг один из гребцов резко вскочил на ноги.

— Берегитесь! — распорядилась бывшая Полли. — Враг среди нас! Есть только один способ защитить меня, и пусть эти слова послужат доказательством моей преданности: положите меня в железный гроб и сядьте сверху!

Не успели они исполнить ее пожелание, как одержимый гребец содрогнулся и глубоко вздохнул. Затем послышался звук упавшего в воду тела.

Г-н Гозци, не надеясь больше на успех своей страгаемы, ушел так же, как явился.

Остаток ночи прошел спокойно.

Днем они прибыли в Дюссельдорф. Наша Анна поручила Мерри Боунсу пойти в музыкальную лавку и купить лютню, которая, несмотря на сопутствующие обстоятельства, скрасила однообразие путешествия.

Г-н Гозци, похоже, исчез. Железный гроб был снова открыт, и бедная Полли вновь смогла вдохнуть чистый воздух.

В Кельне путешественники сменили Рейн на окольную дорогу. Они наняли карету и пересекли Вестфалию, Гессен и часть Баварии и от Регенсбурга вновь продолжили путь по воде, но уже по Дунаю.

На пути из Регенсбурга в Линц, из Линца в Вену, из Вены в древний мадьярский город Офен, который ныне называется Будой, и из Буды в низменности южной Венгрии не произошло ничего примечательного.

Однажды утром, с первыми лучами солнца, наша Анна ее спутники увидали на фоне сияющего светом полотна восточного неба приземистые башни Петервардейна; затем им открылся волшебный силуэт Белграда. Взгляд терялся в этих радостных полях, засеянных цветущей кукурузой, по которым протекает Дунай, широкий, как море.

С самой Вены ничто не выдавало присутствия г-на Гоэци, но бывшая Полли не переставала повторять: «Он здесь». В последние часы путешествия они и впрямь увидели его на воде — г-н Гоэци плыл, как и раньше, ногами вперед, окутанный бледной туманной пеленой.

Но он стал несравненно меньше и так исхудал! Мертвенный туман вокруг него мерцал и словно готов был в любую минуту исчезнуть.

На некотором расстоянии от Белграда г-н Гоэци приблизился к берегу и остановился в камышах. Издалека он казался прозрачным клубом дыма.

— Не выдержал, омерзительный злодей! — сказала бывшая Полли, довольно потирая руки.

Г-н Гоэци ступил на землю на христианском берегу Дуная, неподалеку от города Земун в темешварском Банате.

На мгновение он показался за камышами, после исчез в высокой зелени кукурузного поля.

— Мы должны остановиться! — приказала Полли, ставшая теперь начальницей экспедиции.

Судно тут же свернуло к берегу. Путешественники сошли на сушу, и Полли во главе отряда немедленно направилась в городок Земун, ближайший к турецкой границе.

— Мой печально известный соблазнитель, — сказала она, не сбавляя быстрый шаг, — дошел до последней крайности и, вероятно, уже лежит на своем мраморном ложе, ибо Усыпальница ближе, чем вы полагаете. Теперь, когда мы можем больше не бояться его шпионских вылазок, я объясню главное. Наше путешествие приблизилось к концу. Если бы час был

благоприятен, мы заметили бы особую атмосферу, что окружает и скрывает мертвый город Селену. Но сейчас раннее утро, и я это меня радует, так как нам необходимо время для подготовки.

Как вы знаете, вампиры делят сутки на двадцать четыре равных отрезка, и потому их циферблаты разбиты на двадцать четыре часа. Господь в своей милости устроил так, что в двадцать три часа — иначе говоря, в одиннадцать часов утра — вампиры ровно на час утрачивают свою силу. Это их величайшая тайна, и я подвергаю себя опасности ужасающих мучений, раскрывая ее вам. Но я готова на все ради мести. Сейчас около восьми утра; итак, у нас остается три часа, чтобы приобрести в Земуне уголь, переносную жаровню, флаконы с английской солью и пачку свечей. Не задавайте лишних вопросов; вы сами увидите, что все эти предметы сослужат нам свою службу. Нам также понадобится искусный хирург, и у меня есть такой на примете: г-н Магнус Сегели, самый опытный практик на десять лье в округе; он будет счастлив присоединиться к нам, поскольку ненавидит вампиров. К сожалению, я сама не смогу справиться с этим делом.

— Почему? — спросила наша Анна.

— Потому, мисс, что месье Гозци выпил кровь двух очаровательных молодых девушек, которых доктор горячо любил. Они составляли всю его семью. Я вынуждена пребывать в облике месье Гозци, и доктор Магнус, несомненно, узнает меня; вряд ли он проникнется ко мне доверием.

Она отвернулась, не в силах скрыть свое отвращение, и прошептала:

— Несчастливая! Вы пробовали кровь этих бедных девушек?

— Мисс, — отвечала Полли, опустив глаза, — мы не всегда делаем то, что хотим.

— И их кровь пришлась вам по вкусу? — спросил Эдвард Бартон, любопытный, как и все моряки.

Она впервые, вероятно, ощутила гордость при мысли о своем женихе. Безусловно, Уильям Радклиф никогда не позволил бы себе такой бестактный вопрос.

Земун, в древности замок Малавилла, часто переходил из рук в руки, отвоевывался и снова захватывался неверными

в Средние века; здесь еще сохранились руины крепости, построенной Яношем Хуньяди. Путешественники приобрели в городке все необходимое, и нашей Анне пришла в голову мысль взять с собой художника. Она позаботилась обо всем. Жаль, что в те времена еще не существовало фотографии.

Хирург-славянин Магнус Сегели жил рядом с израэлитской школой. Наша Анна вошла в дом одна, в то время как Бартон, Джек, Мерри и несчастная Полли посвятили себя вульгарной необходимости позавтракать.

Доктор Магнус оказался сравнительно молодым человеком с совершенно седыми волосами. Вся его измученная болью фигура была свидетельством печальной истории двух дочерей доктора. Едва *Она* заговорила и доктор услышал, что предстоит битва с вампирами, как он схватил саквояж и бросился к двери со всем рвением, что дарует надежда на месть. По совету Полли, *Она* также попросила доктора захватить большой железный черпак, каким в бедных домах разливают суп, предварительно заострив его края. О назначении этого инструмента будет сообщено в надлежащем месте.

Стоит отметить, что число девушек, выпитых вампирами в непосредственной близости от убежища кровососов, намного меньше, чем можно было бы вообразить. Чтобы не слишком опустошать окрестности, вампиры договорились, что в периметре пятнадцати лье не должны причинять людям никакого вреда. Таким образом, г-н Гоэци нарушил уговор, утоляя жажду за счет обитателей запретного городка Земун, а также Петервардейна и Белграда. Страшась упреков со стороны ближних, он не решился включить двух барышень Сегели в число своих рабынь, но просто обработал их трупы и превратил их в предметы искусства.

По возвращении наша Анна обнаружила, что Полли была вновь спрятана в железном гробу, что было вдвойне полезно: прежде всего, хирург не мог узнать в ней г-на Гоэци, далее же, это избавляло несчастную девушку от всякого соблазна бегства или предательства. Ее рассказ казался искренним, спору нет, но среди прошлых хозяев она приобрела некоторые весьма дурные привычки.

Экспедиция двинулась в путь, когда часы пробили де-

сять, то есть двадцать два часа по времени Усыпальницы. Стояла прекрасная погода. В Земуне, находящемся на той же широте, что и местности между Венецией и Флоренцией, царит мягкий климат Италии. Наши путники молча и мрачно пересекали засеянные просом и кукурузой поля, разграниченные живыми изгородями из олеандров. Первой шла Она, за ней следовали Грей-Джек и Мерри Боунс, тащившие на руках гроб, и Эдвард С. Бартон, эсквайр, нагруженный мешком с углем, переносной жаровней и пакетом со свечами. Шествие замыкал г-н Магнус: страдание замедляло его шаги. Не подумайте, что я позабыла о художнике — он вышагивал то справа, то слева от колонны с той беззаботностью, что является прерогативой артистов.

Сверхъестественные явления обыкновенно происходят около полуночи и предпочитают кромешную тьму. Прошу вас простить мне это замечание, миледи и джентльмен, ибо излагаемый эпизод, строго исторический, отличается замечательной оригинальностью. Была середина дня, солнце заливало всю округу ослепительными лучами; не могло быть и речи об иллюзии или обмане зрения.

В три четвертых лье от Земуна по направлению к Петервардейну, пейзаж начал меняться. Олеандры, раkitник и жасмин исчезли, как и маслянистая зелень цветущей кукурузы. Почва, совсем рядом такая богатая, приобрела тусклый сероватый оттенок, словно на нее пролился дождь из пепла.

В то же время, голубое небо сделалось серым и нечто, чему нет названия — печальная, скорбная вуаль — заслонило солнце.

Перемены становились все заметнее и через пять минут нашим путешественникам показалось, что их отделило от прежнего окружения огромное расстояние. Они инстинктивно прижались друг к другу, глазами ища на небе солнце, скрывшееся в темноте этой ложной ночи.

— Продолжайте идти, — сказала из гроба Полли.

И они шли. Ноги подкашивались под ними, голова кружилась, грудь стискивала неведомая тяжесть. Они пошатывались и сталкивались, как пьяные; точнее, могло показаться, что всех их внезапно поразила слепота.

Они и вправду ничего не видели, потому что вокруг стояла глубокая, непроницаемая ночь.

— Продолжайте идти! — сказал голос из гроба.

И они шли. Есть ли что-либо темнее ночи? Это что-то ниспадало вокруг них, холодное, как саван. Никакие звуки давно не доносились извне. Природа больше не дышала.

Голос из гроба нарушил неизъяснимое безмолвие:

— Остановитесь !

Они повиновались, и тотчас вокруг них — я едва не сказала «среди них», так плотно окутал их звук — зазвучали мощные, отчетливые, но чистые, как пение гармоники, удары колокола. Медленно пробил двадцать третий час.

С двадцать третьим ударом полог тьмы разошелся, и перед ними предстала Усыпальница. Наши путники были в самом сердце Города Вампиров.

Глава одиннадцатая

Этот город, величественный и проклятый Богом, назывался Селеной, греческим именем Луны. Как известно, некоторые авторы считают Луну родиной вампиров.

Здесь, в мертвом городе, окружавшем наших друзей, не было ничего — ни жизни, ни цвета, ни движения. То было призрачное великолепие, безмолвно подавлявшее разум невиданными и неописуемыми чудесами своей скорбной роскоши.

Начнем с центрального здания, расположенного в центре громадной круглой площади. Представьте себе необозримую ротонду, где все ордера античной архитектуры были нагромождены вдруг на друга, следуя дикой, но просвещенной фантазии, прихотливо соединившей их с самыми странными изысками архаизма Ассирии, грез Китая и капризов Индии.

Это был храм, башня, гигантский Вавилон, выстроенный из бледного порфира очень нежного и неопределенного, так называемого «водно-зеленого» оттенка. Большие блоки этого камня, тусклые и одновременно полупрозрачные, как янтарь, скреплялись между собой узкими прожилками черного мрамора.

Первый ордер, составлявший перистиль за округлой террасой с тринадцатью ступенями, состоял из дорических колонн, круглобоких, как в храме Пестума, но гораздо большего размера, создававших ощущение циклопической прочности. Колонны перемежались мавританскими окнами с яростно вытянутыми полумесяцами арок.

Второй ордер был ионическим, если это определение из области чистого искусства можно применить к подобным формам, преувеличенным до степени варварства, с окнами в виде трилистника. Стрельчатые окна третьего соседствовали с коринфскими колоннами; четвертый, композитный, был изукрашен тысячами чуждых стилю орнаментов и имел звездообразные окна. И наконец, пятый, поддерживавший купол крыши — плоско срезанный сверху и увенчанный еще

одним, меньшим куполом, откуда исходил сноп пламени, — бросал вызов всем техническим терминам и заповедям архитектуры, олицетворяя собой сказочную невозможность: то было цветение маленьких колонн и нервюр, фонтан перламутровых лиан...

В этой колоссальной часовне, одновременно грандиозной и фривольной, великолепной и надрывно грустной, заметна была одна характерная черта — чрезмерная выпуклость капителей и антаблементов. Дорический ордер выпячивал свои фризы и карнизы, ионический раздувал свои волюты, коринфский и композитный истекали каскадами аканфов, тогда как последний, безымянный, вздымал свою растительность, так что все строение начинало казаться ступенчатым водопадом больших и темных шатров с полукруглыми крышами и напоминало в профиль пагоду.

Под перистилем, между каждой парой колонн, сидел на задних лапах мраморный тигр, вырывая когтями сердце из груди поверженной девушки.

Снаружи, вокруг террасы, стояли двадцать четыре пьедестала, на которых также были установлены статуи девушек — восхитительно красивых, но сломленных и поработанных надругательствами невидимого врага.

Перед статуями открывалась широкая круглая площадь — сердцевина розетки, которую образовывали шесть разделенных улицами квадратов Города Вампиров.

Каждый из этих кварталов выглядел гигантским и был полон, сколько хватал глаз, бесчисленными дворцами, уходящими в опаловый туман. Все они были разные, но искусное использование архитектурных аналогий создавало впечатление гармонического целого.

И все это бледное великолепие принадлежало смерти. Ни звука, ни движения, ни вдоха. В безветренном воздухе парил один лишь вечный сон.

Величие некрополя вампиров подавляло всякое воображение, и никакие слова не могли бы выразить его ужасающее одиночество.

И хотя в гигантском скоплении архитектурных чудес ощущалось могущество человеческих рук, здесь не было лю-

дей. Никого и ничего, ни единой тени в этих белых перспективах, под убегающими повсюду в даль колоннадами. Бледные цветы на клумбах спали на неподвижных стеблях. Струи фонтанов замерли в воздухе, повинувшись чарам таинственного сна.

Вы ведь знаете, как монотонность, стирая мысль, расширяет все до необъятных пределов. Сумеречный свет, мертвенный и холодный, как свет луны, освещал эти монументы — все выстроенные из одного и того же камня, полупрозрачные и бесцветные — одновременно со всех сторон, и они не отбрасывали тени.

В величии тишины и смерти мелькала мысль о пробуждении. В разврате этих стилей, в дикой распущенности этого искусства чувствовался привкус оргии. Оргия спала. Но каким будет сей Вавилон усыпальниц, когда она пробудится?

Звуки хрустального колокола долго дрожали в тишине.

Путешественники застыли в удивлении, пораженные до глубины души. В то время, как наша Анна тщетно пыталась оценить размеры этих пугающих чудес, Мерри Боунс сыпал кельтскими восклицаниями, а Грей-Джек исследовал перспективы улиц в смутной надежде обнаружить где-нибудь вывеску таверны. Художник схватился за карандаш. Доктор Магнус, несчастный отец, полными слез глазами смотрел на статуи девушек.

— Скорее! Нужно идти! — сказала из гроба Полли Берд. — Нет времени отвлекаться на мелочи. Мы должны торопиться! Усыпальница месье Гозци в квартале Змеи. Вперед!

У входа в каждый квартал высилось на пьедестале скульптурное изображение животного, именем которого был назван квартал. Мерри Боунс зашагал во главе отряда и, найдя изваяние змеи, двинулся между двумя рядами мавзолеев. За входом аллея расширялась. Именно здесь мыслями нашей Анны завладела идея необъятности. Во все стороны разбегались боковые улицы, главная аллея погружалась в головокружительные глубины. Каждая усыпальница виделась вблизи значительным памятником; некоторые из них, принадлежавшие, несомненно, представителям вампирской знати, не ус-

тупали размерами царским дворцам. И там были сотни, тысячи гробниц!

Черные буквы над входом в каждый мавзолей провозглашали имя владельца. Многие из этих имен были неизвестны, однако имелись среди них и такие, чье присутствие в этом месте могло бы объяснить немало исторических загадок как прошлых веков, так и современности: имена проклятых скупцов, чье возмутительное стяжательство ввергало в нищету целые народы, имена куртизанок, непристойных разрушительниц морали и семейных уз; имена тех, кого идиотическая поэзия и рабское искусство возвеличивают под титулом завоевателей — только потому, что они силой раздавили слабых и скрепили свою жестокую славу слезами, позором и кровью!

Не раз, проходя мимо одного из сияющих храмов, где спал тот или иной знаменитый бич человечества, наша Анна порывалась подойти ближе, но нетерпеливый голос Полли Берд, дрожащий от ужаса в глубине гроба, кричал:

— Торопитесь! Речь идет о жизни и смерти, и наше время на исходе!

Путники торопились, но путь казался бесконечным. Улицы сменялись улицами, гробницы — гробницами, а они все шли. За время этого бесконечного путешествия им не встретилось ни единое живое существо. Внезапно Полли, следившая за дорогой в отверстия гроба, произнесла:

— Мы почти пришли. Держите меня крепче — хоть я и ненавижу своего хозяина, его сердце притягивает меня, как магнит железо, и я прилагаю все усилия, чтобы не кинуться к нему.

И впрямь, было слышно, как несчастная корчилась в гробу, царапая ребра о железные стенки.

— Остановитесь! — сказала она наконец. — Мы на месте!

Г-н Гозци не был ни королем, ни диктатором, ни трибуном, ни философом-гуманистом, ни владельцем движимого кредитного капитала, ни бароном Искаротом, ни баронессой Фриной и потому не мог претендовать на принадлеж-

ность к вампирской аристократии. Он был простым доктором, к тому же не занимался медициной. По этой причине гробница его была скромна и почти вызывала сострадание, особенно в сравнении с патрицианскими усыпальницами. Это была бедная часовня в варварском греческом стиле, едва ли превышавшая по величине собор Святого Павла в Лондоне, скупо украшенная не более чем четырьмя или пятью сотнями колонн. Она была унизительно сдавлена соседями: с одной стороны высился мавзолей прусского премьер-министра, с другой нависал собор старой французской кокетки, которая пила, пьет и будет пить в Париже кровь молодых кретинов, не делая различия между сыновьями благороднейших мужей и злодеев, лишь бы в жилах этих простофиль текло золото.

В центре фасада, на табличке из черной яшмы, зеленоватыми и чуть светящимися буквами было высечено имя г-на Гозци, а также греческое слово:

Γεωθεε

Наша Анна очень пожалела, что у нее под рукой не было Уильяма Радклифа, столь же сильного в греческом, как и в турецком. Ей пришлось обратиться к хирургу Магнусу, который, преодолевая душевную боль, объяснил ей, что это слово, похоже, было произведено из двух различных корней, причем один восходил к существительному «земля», а другой к глаголу «кипеть».

— Вулкан! — воскликнула наша Анна. — Подходящее имя для этого дьявола!

Она была не совсем права. Уильям Радклиф позднее нашел имя корявым и дурно составленным.

— Открывайте, — приказала Полли, ворочаясь в гробу, — и входите! Даже минутная задержка грозит нам самыми ужасными несчастьями.

Путники пересекли террасу и перистиль. Главная дверь не была заперта. Они вошли. Внутри гробницы располагался огромный неф, окруженный царственным клуатром, над

которым шли два этажа галерей; здание венчал византийский купол. Стены, пилястры, своды — все было выстроено из полупрозрачного янтарного камня, который наша Анна называла «лунным». Перед колоннами был тесный ряд статуй; все без исключения изображали молодых женщин и окружали мраморную раковину, помещенную точно в центре нефа.

Девушки протягивали к мраморному ложу свои мягко округленные руки, в которых держали бесконечную гирлянду цветов.

Перед статуями стояли в ряд ниневийские треножники с алебастровыми чашами; в них горел неведомый экстракт, и огонь был столь бледным, что пламя спирта показалось бы по сравнению с ним кроваво-красным.

На ложе лежал на спине г-н Гоэци, вытянув руки вдоль тела. Этот жалкий негодяй превратился в ничто: изможденный и исхудалый, он весь сморщился, как мокрый пергамент, который высушили на солнце.

— О, мой дорогой хозяин! — воскликнула Полли, экстравагантно корчась в железном гробу. — Не будь я пленницей, с какой радостью я пришла бы вам на помощь!

Но затем, не переводя дыхания, она добавила:

— Скорее! Не мешкайте! Вырвите у него сердце, но не ставьте слишком страдать!

Я прошу вашего позволения использовать довольно непристойное слово. Обстоятельства этого требуют. Ничто не *воняет* так, как вампир, с удобством расположившийся в своем пристанище. Г-н Гоэци, к тому же, серьезно пострадал. Несмотря на горящие вокруг курильницы, он издавал такой зловонный запах, что наши путники непременно умерли бы от удушья, не прибегни они к флаконам с эпсомской солью, купленным в Земуне. Вот почему баронесса Фрина сделала состояние, используя столько духов!

Доктор Магнус схватил саквояж, но его рука безостановочно дрожала; вы не узнаете причины этого, пока я не скажу, что несчастный отец узнал среди статуй двух своих дочерей.

— Быстрее! За дело! — поторапливала Полли. — Каждая

минута бесценна. Вы должны искусно и осторожно извлечь сердце моего бедного хозяина!

Мерри Боунс был всего лишь ирландцем, но не боялся никакой работы. Он вырвал из рук г-на Магнуса саквояж и вскричал:

— Пусть дьявол задушит меня, если я откажусь от этой чести! Мальчишкой я работал в мясной лавке в Голуэе.

— Вперед, мой мальчик! — послышался голос из гроба. — За работу, только не причиняй лишнего вреда!

Мерри Боунс закатал рукава. Наша Анна, глубоко потрясенная, отошла в сторонку и наблюдала за происходящим. Эдвард Бартон и Грей-Джек присматривали за гробом, угрожавшим в любой момент открыться. Доктор Сегели остался стоять рядом с Мерри Боунсом, чтобы по крайней мере помогать ему советами во время хирургической операции. Молодой художник, сидя на своем складном стульчике, делал наброски.

Мне было бы, разумеется, неловко описывать технические подробности операции, да и приличия едва ли это позволяют. Вам достаточно знать, что глаза г-н Гоэци все время оставались открытыми и неподвижными. Его лицо и пригорбленно исхудавшее тело также оставались без движения.

— Будь у дорогого хозяина двадцать четыре часа в запасе, — он снова стал бы упитанным и свежим! Режьте! Глубже! Ах, как я привязана к нему!

Белье пациента было разрезано, и все увидели на левой стороне его груди, на уровне сердца, маленькое круглое отверстие диаметром со ствол пера, откуда по капле стекала пунцовая кровь. Когда обнажился этот таинственный механизм вампирической вегетации, купол задрожал от звука и стены, колонны и галереи обрели голос. Это была некая жалостливая музыка, бледная, как окружающий свет, мрамор здания и дрожащие огоньки над курильницами.

Мерри Боунс искусно орудовал скальпелем и доказал свой талант мясника. И однако, ни единая капля крови не пролилась под острием инструмента; очевидно, живым оставалось только сердце пациента, оболочка же была мертвой и сухой.

— Внимательно, прошу вас! — сказала Полли. — Моя жизнь привязана к хозяину нитью нервной ткани, которую вам необходимо перерезать, прежде чем заняться сердцем. Вы найдете в перикарде одиннадцать таких нитей, по одной на каждый из аксессуаров. Моя нить — первая справа. Видите ее?

— Вижу, — отвечал Мерри Боунс, осторожно перерезая нить.

Бывшая Полли почувствовала такой удар, что железный гроб подпрыгнул на месте.

Обнажилось сердце: оно было краснее вишни и совершенно свежее. Наша Анна, прижимая к ноздрям флакончик с солью, с любопытством осмотрела его. Она никогда не проходила мимо возможности узнать что-либо новое.

— Хорошо ли горит жаровня? — спросила Полли.

— Да, — ответили Нед и Джек, которые успели позаботиться об этом.

— Тогда прощайте, хозяин!.. Я буду долго вас оплакивать... Вперед!

Мерри Боунс взял из рук доктора Магнуса железный черпак с заточенными краями и, ловко погрузив его под сердце, извлек орган неповрежденным.

Глаза Мистера Гозци помутнели.

Монументальная музыка, сотрясавшая мраморные блоки, взмыла к сводам громким стоном.

— Скорее! — воскликнула Полли. — Поджарьте его! Сожгите сердце моего соблазнителя! Но главное, не теряйте пепел — боюсь, он нам очень пригодится. Что на часах?

Наша Анна обратилась к своим часам. Стрелки показывали без четверти двенадцать.

— Все зависит от вас, — сказала Полли. — Дорога до центральной площади далека, а вход только один. Поддайте жара!

Так и было сделано. Все принялись дуть на угли в жаровне; сердце вампира вскоре начало потрескивать и дымиться на огне. Затем пламя охватило его. Оно горело, как рождественский пудинг, пропитанный ромом — и тем временем тело г-на Гозци в мраморной раковине уменьшалось, а его глаза с ужасающей быстротой вращались в орбитах.

Черпак раскалился докрасна. Мерри Боунс удерживал его с помощью своей куртки, политой водой и сложенной в несколько раз. Остальные дули на угли, подгоняемые голосом из гроба.

Сердце рассыпалось в прах. То, что осталось в раковине от г-на Гоэци, представляло собой очень тонкую и прозрачную пленку, под которой виднелись мертвые фигурки: попугай, собака, лысая женщина, бородатый трактирщик и мальчик с обручем.

Мертвенная музыка перестала звучать, холодное пламя курильниц угасло, статуи девушек бесшумно повалились с постаментов и лежали на мраморной крошке пола, а под сводом все кружилась, неслышно взмахивая крыльями, большая черная кукушка голландских часов.

— Дело сделано, — сказала Полли, вновь обретя в гробу душевное равновесие. — На миг я почувствовала головокружение, но это прошло. Теперь нужно выбраться отсюда. Вам знакомо учение доктора Самуэля Ганемана, изобретателя гомеопатии? Когда я чувствую себя хорошо, я не очень доверяю медицине; но я абсолютно убеждена, что лучшее средство от вампира — это пепел вампира. Возьмите по две или щепотки пепла хозяина, чтобы использовать при случае, а остальное держите в черпаке. Сколько у нас времени?

— Сейчас без четырех минут полдень, — был ответ.

— Вперед! Шевелите ногами! Унесите меня прочь!

Путешественники тотчас вышли из мавзолея, бросив внутри теперь уже бесполезную жаровню и остаток угля. Гроб несли Эдвард С. Бартон и художник, так как Мерри Боунс, вооружившись черпаком с превращенным в пепел сердцем г-на Гоэци, прикрывал отступление. Не улыбайтесь: вы скоро удостоверитесь в необыкновенных свойствах данного препарата.

Что касается доктора Магнуса Сегели, то несчастный отец решил взять с собой статуи дочерей. Но он был не в силах поднять статуи, которые были слишком тяжелыми, и вместо того бросился к останкам г-на Гоэци, решив растоптать их на досуге в своем кабинете, подвергнув самым позорным оскорблениям. Она не нашла в себе мужества упрекнуть док-

тора за этот ребяческий, но законный план мести.

Они вышли. Снаружи все было, как и раньше, неподвижно и безмолвно, но что-то изменилось в ровном, чуть зеленоватом оттенке мрачных и великолепных перспектив. Подобно тому, как приближается рассвет, пробуждаясь в ночи и рассеивая среди тьмы таинственные проблески, среди этих блеклых гигантов пытался родиться цвет. Он поблескивал красным в глубинах мертвенной атмосферы, и в тишине зарождалась смутные шепоты...

Наши спутники мчались по улицам Селены, подгоняемые возгласами Полли, которая задыхалась от крика в своем гробу, как жокеи в Эпсоме. И действительно, можно было видеть, что у нее имелись на то некоторые основания. Шепоты звучали громче, разливаясь в тишине, расплывчатый красный свет становился ярче, и уже слышен был шум крыльев огромной черной кукушки, описывавшей круги над караваном.

К тому времени, как наши друзья добрались до прохода с изваянием змеи, это величественное мраморное животное начало медленно свивать и распускать свои кольца, и они, полупрозрачные и ранее бесцветные, приобрели невыразимо богатый зеленый оттенок.

В тот же миг, раскат грома из-под главного купола наполнил пространство гармоническими вибрациями, и неподвижные бледные усыпальницы, простиравшиеся до самого горизонта мертвого города, вернулись к жизни, залитые ярко-зеленой цветовой волной, а прежде черные линии на стыках камней стали алыми, как длинные зигзаги огня...

Это было потрясающее, но и чудовищное зрелище, и зловещие громады, на глазах обретающие цвет в этих бесконечных просторах, погружали разум в море ужасов.

— Торопитесь! бегите! спасайтесь от смерти! — кричала Полли. — Скоро зазвонит погребальный колокол! Сколько осталось до полудня?

— Одна минута.

— Бегите! спасайте свою жизнь!

Они бежали, задыхаясь, шатаясь, обливаясь ледяным потом, стекавшим по разгоряченным телам. Они находились

в середине центральной площади, когда колокол отбил первый удар двадцать четвертого часа. Черная птица взмахнула крыльями и бросила в воздух торжествующее «ку-ку». Открытые окна величественной церкви загорелись сверху донизу отблеском пламени, словно воспламеняя воздух, и огненные линии перечеркнули стены и колонны.

Девушки в перистиле начале извиваться, испуская вопли под когтями тигров; статуи на пьедесталах приняли похотливые позы.

Темнота и свет, ночь и день, красота и ужас смешались в адском хаосе. Это уже не было ни сном, ни кошмаром, ни видением, но извращением всех этих понятий, их битвой и бурей. Хрустальный колокол продолжал бить, и с каждым ударом черная птица испускала все более громкий крик, а пылающее сияние, пронизанное странными огнями, зажигало чудесные здания с их изумрудными блоками, скрепленными пламенем.

С двенадцатым ударом загорелся резной сноп огня на вершине малого купола, в то время как черная птица раздвала пламя взмахами крыльев.

Двери склепов открылись...

Глава двенадцатая

Наши путешественники метались по площади, не понимая, где искать спасения — везде были одинаковые выходы, а Полли лишь кричала в приступе ужаса «Бегите! бегите!», даже не думая о необходимых указаниях. Они бежали изо всех сил, измученные и задыхающиеся в роковом круге, не ведая, что они давно потеряли направление и в десятый раз бегут по собственным следам.

— Через Ноктиллион! — наконец крикнула Полли. — Врата в конце! Бегите, заклиная вас землей и небом! Ваша жизнь висит на волоске!

Они мигом бросились в один из шести больших кварталов, образующих розетку, тот, что был отмечен статуей летучей мыши. Остальные четыре изваяния, о которых мы не упоминали, изображали паука, стервятника, кошку и пиявку. Должна сказать, что Неду Бартону и особенно Грей-Джеку очень хотелось бросить железный гроб, так мешавший бежать — но как выбраться из этого омерзительного лабиринта без Полли? Выхода не оставалось.

Хрустальный колокол отбил последние удары. Повсюду движение сменилось неподвижностью, звук тишиной. Сквозь открытые двери видны были интерьеры мавзолеев, чьи обитатели вставали с мраморных постелей и занимались своим туалетом.

Некоторые уже показались на пороге: высокие, но по преимуществу женоподобные мужчины и женщины — напротив — со смелой и могучей статью; все они, мужчины и женщины, состояли из зеленой субстанции с темно-красными прожилками. Их желтые глаза горели, а губы сверкали, как угли, раздутые кузнечными мехами. С их плеч ниспадали длинные пурпурные одеяния, и в ярком свечении можно было видеть у каждого кровоточащее отверстие на левой стороне груди, против сердца, откуда медленно стекала, трепеща, рубиновая капля.

Быть может, они еще не полностью проснулись, а может, что-то защищало наших беглецов. Ни одно из этих жутких

созданий еще не заметило их, хотя они и были на виду. Полли Берд не осмеливалась издать в гробу ни звука, боясь привлечь внимание вампиров. Наша Анна приготовилась отдать Богу душу, чувствуя, что ноги ей отказывают. Нед был в унынии; Грей-Джек, даром что англичанин, покрылся гушиной кожей, и даже Мерри Боунс ощущал, что время на исходе.

— Смелее! — прошептала Полли Берд, видя, что они ослабели. — Последнее усилие! Мы уже недалеко от гробницы привратника. Просто бросьте ему в глаза немного пепла моего покойного соблазителя, и мы сможем пройти. Не теряйте мужества!

В ту же минуту черная птица, сидевшая с распростертыми крыльями в пламени чаши, венчающей малый купол, испустила свое последнее «ку-ку», прозвенел последний удар хрустального колокола; в отдалении раздались крики и протрубил охотничий рожок.

Затем с волшебной быстротой крики и трубные звуки стали приближаться, зазвучали из-за угла; не прошло и секунды, как наши беглецы очутились в грохочущем водовороте воплей и пения труб. Кричащие голоса обменивались словами на неведомом языке, трубы гремели фанфарами, и никакие слова не смогли бы описать эти адские звуки. С четырех сторон света вдруг ударили невидимые барабаны, сопровождая тревожный набат хрустального колокола.

— Мы в двух шагах от врат! — воскликнула Полли Берд. Они кричат: «Усыпальница осквернена! Погиб вампир!» Но это уже не имеет значения: один рывок, и мы спасены!

Она не ошиблась. Наши беглецы уже видели высокую порфирную стену, этот чудесный пояс, охранявший столько чудес, и темную, узкую, низкую арку, служившую единственным входом в необъятный город. Они непременно должны были пройти здесь по прибытии, но не помнили об этом.

Последние склепы остались позади. Никто не преграждал им путь к широко распахнутым вратам, за которыми была ночь.

Но лязг, трубные звуки фанфар, крики и набат вздымались оглушительно грохочущим приливом, и внезапно все бесчисленное скопище мужчин, женщин, четвероногих тварей, рептилий и птиц, одинаково зеленых, с красными прожилками и желтыми горящими глазами, хлынуло на дорогу из всех боковых улиц и тотчас затопило ее от края до края.

— Смерть им! смерть! Привратник, запирай ворота! Опускай решетку, поднимай мост! спускай с цепи собак! львов! тигров! крокодилов и змей! Усыпальница осквернена! Погиб вампир! Крови, крови, крови!

Произошло, однако, нечто удивительное. На крики толпы никто не отозвался. Привратник не показывался. Решетка оставалась поднятой, подъемный мост был опущен. Ни собак, ни тигров, ни крокодилов, ни змей. Позвольте мне объяснить, что случилось. Каждый обитатель Селены по очереди на протяжении двадцати четырех часов исполнял важные обязанности привратника, охранявшего единственный вход в город. В тот день наступила очередь г-на Гоэци, и поскольку тот имел репутацию очень педантичного вампира, его предшественник удалился с первым ударом двадцать четвертого часа.

Он совершил ошибку и, думаю, был наказан за свою оплошность.

Вот почему никто не преградил путь нашим беглецам; но, Боже милосердный! их положение было не менее опасным. Поток нападавших, бурный и яростный, катился с растущей быстротой. Беглецов уже начали окружать справа и слева, когда голос из гроба прокричал:

— Осторожно, Мерри Боунс! берегись!

Храбрый ирландец обернулся, и его лицо обожгло дыхание огромного зеленого вампира, бежавшего за ним с раскрытым ртом; две чудовищные собаки взметнулись в воздух, стараясь схватить его за горло; под ногами Мерри Боунса скользили и шипели рептилии.

Наступил критический миг — толпа одновременно разлилась по обоим флангам, захлебываясь, воя, ревя и крича: «Смерть им! смерть!». Наши беглецы, понукаемые голосом из гроба, закусили удила.

Мерри Боунс промедлил всего четверть секунды, но этого оказалось достаточно: его спутники успели пробежать под аркой, он же остался в одиночестве в городе Селена.

Она никогда не согласилась бы добровольно покинуть кого-либо, даже ирландца, на милость таких жестоких врагов; но Полли, как бешеная, подгоняла беглецов, хорошо зная, какая судьба ожидает ее, если она будет поймана (кроме того, как нам предстоит увидеть, она, будучи единственной наследницей г-на Гозци, лелеяла амбициозные планы). Эдвард Бартон и Грей-Джек, повинаясь ее голосу, зайцами проскочили арку и подъемный мост.

Она последовала за ними, даже не осознавая, что спаслась из проклятого города.

Она обернулась лишь на другой стороне рва и глянула сквозь арку на inferнальное и великолепное зрелище, которое в череде веков удостоились созерцать лишь немногие смертные. *Она* была бесстрашна по натуре и, конечно, не жалела о жутком часе, проведенном только что среди фантастических ужасов вампирского города, и однако, мысли ее были затуманены; все инстинкты поэтического темперамента подсказывали ей, что чудеса эти были созданы иной силой, нежели Божья. Момент пробуждения, минута, когда в волшебной усыпальнице распустились жестокие цветы оргии, оставил особенно яркое воспоминание, зиявшее, как рана.

Прорезь арки в черной толще стены вновь показала ей эту оргию, беснующуюся в океане зеленого и красного света; и за беспорядочной, пьяной от ярости толпой вампиров *Она* вновь увидала, уже как в далеком сне, бесконечную перспективу усыпальниц, куполов, колоннад, уходящих в даль сверкающими пропилеями...

Толпа скрыла от нее бедного Мерри Боунса.

— Слава Богу, — сказала *Она*, — мы избежали большой опасности !

— Вперед! Вперед! Рано друг друга поздравлять, — отозвалась Полли. — У нас еще будет время вознести хвалу Господу, когда мы пересечем пояс тьмы и увидим перед собой колокольни Земуна!

Мне не к чему добавлять, что по выходе из города наши путешественники снова очутились в ночной тьме, окружающей Селену со всех сторон непроницаемым покровом.

Они тронулись в путь, и те из них, кто невольно обращался мыслями к Мерри Боунсу, избегали упоминать его имя.

Мы же, напротив, обратимся к его приключениям.

Глава тринадцатая

Вначале Мерри Боунс был немного удивлен и даже раздражен неожиданным и яростным нападением вампиров, так как считал, что они все еще далеко. Но в борьбе с существами сверхъестественными подобные промахи неизбежны. Как правило, они обладают куда большей ловкостью и гибкостью, чем люди.

Удивление Веселого Скелета не помешало ему вонзить череп в живот рослого вампира, обжигавшего его своим дыханием; при этом он даже сквозь шапку волос ощутил такой неприятный холод, что дал себе слово прикасаться к этим тварям не иначе, чем ногой. Кроме того, красивая яшмовая грудь вампира при столкновении оказалась дряблой и подмерзшей, точно рыбий живот.

Удар был, тем не менее, хорош, и рослый вампир полетел в толпу, сбив по пути нескольких чудовищ. Вокруг Мерри Боунса стало просторней, и он смог оглядеться. Кричащая и движущаяся стена уже отделила его от спутников; он был брошен в одиночестве и окружен со всех сторон.

— Вот тебе и англичане! — пробормотал он себе под нос, ибо несчастье сделало его несправедливым по отношению к самой цивилизованной нации в мире. — Надеюсь, у них хватит ума понять, что ирландец всегда сумеет постоять за себя!

И он принялся сыпать направо и налево столь сильными и быстрыми ударами, что вампиры только искры в глазах считали. Некому было насладиться этим удивительным зрелищем: простой лакей успешно отбивался от сборища всех вампиров земли, дошедших до крайней степени ярости. Звучит невероятно, не стану отрицать, и все же это чистейшая правда. Сражаясь, Мерри Боунс даже напевал песенки родной страны, куплеты без начала и конца, и бросал вампирам шуточки дурного пошиба, что извинительно ввиду его плохого воспитания.

Но, сказать по правде, их было слишком много! Они все прибывали и прибывали. Собаки бесновались, птицы ярост-

но клевали его, а когда к ним присоединились пауки и богомерзкие летучие мыши, Мерри Боунс потерял всякое терпение. Суть не в том, что хозяева-вампиры столь многочисленны — к счастью, это не так, иначе весь мир погиб бы от потери крови — но у каждого имеется двойник и, кроме того, аксессуары или придатки, которые также способны удваиваться. Многие вампиры, владеющие большими банками или принадлежащие к высшей аристократии, содержат громадную челядь, а у прочих представителей вампирской знати никогда не бывает меньше пятидесяти слуг. В Городе Вампиров, как явствует из этого, обитает большое закулисное население, обладающее умением складываться внутрь себя, подобно подзорной трубе или удочке. Согласитесь, что это утомительно. Мало что можно поделаться с этим отвратным и кипящим разномастной жизнью сборищем.

Наступил момент, когда бедный Мерри Боунс впал в немалую растерянность. На каждой ноге у него висели по две собаки, на спине сидели три паука, под мышками по летучей мыши; тут и там присосались несколько десятков пиявок. Четыре больших стервятника целились клювами ему в глаза, а тем временем человекообразные зеленые вампиры энергично нападали на него со всех сторон, не стесняясь в выборе оружия. Тут растерялся бы и самый неустрашимый храбрец!

Внезапно Мерри Боунс хлопнул себя по лбу; на ум ему пришла одна мысль. В самом начале схватки он положил черпак на землю, чтобы руки оставались свободными; как вы помните, в черпаке лежал пепел сожженного сердца г-на Гоэци. Мерри Боунс вспомнил, как Полли горячо расхваливала достоинства этого средства. Решив узнать, как действует пепел вампира, он стряхнул с себя особо настырных врагов слуг и так героически замахал кулаками, что заставил противников отступить на несколько шагов.

Обретя свободу действий, Мерри Боунс поднял черпак и сунул его прямо в лицо ближайшего зеленого человека. Результат был самым удовлетворительным. Вампир тотчас же взорвался: полагаю, это правильное описание процесса, в ходе которого объект распадается на части, не говоря уже о значительном ущербе для окружающих. Упомянутый ре-

зультат явился для Мерри Боунса одним из самых приятных сюрпризов, какие он только испытывал в жизни. Он незамедлительно изрек все известные в Западной Ирландии ругательства и воткнул ручку черпака в свою шевелюру, где она прочно застряла, как гвоздь в дубовой доске. Затем он исполнил несколько па национального танца «Лиллибулеро» и жестом показал, что желает вступить в переговоры.

— Эй вы, змеи, — сказал он, — вы понимаете по-ирландски? Если вы оставите меня в покое, я уж, так и быть, не стану истреблять вас всех до единого, но если вы продолжите мне надоедать...

Его прервал пронзительный хор, состоявший из мужских голосов, женских выкриков, собачьего лая, птичьего свиста, шипения рептилий и гуканья сов, и все это говорило:

— Ты наш пленник. Врата закрыты, решетка опущена, мост поднят. Если мы не сможем победить тебя силой, тебя убьет голод, и мы отдадим твою кровь нашим свиньям.

Бедный Мерри Боунс и впрямь чувствовал позывы аппетита, а мысль о голодной смерти пробудила в нем законный гнев.

— Еще посмотрим, сто с половиной дьяволов! — воскликнул он, закатывая рукава.

И, взяв свой волшебный черпак, он решительно шагнул к воротам.

Никто не мешал ему пройти. Толпа стояла в отдалении, покатываясь от глумливого хохота.

Приблизившись к воротам, несчастный Мерри Боунс действительно нашел их запертыми и забаррикадированными. Он принялся трясти створки, но легче было бы сдвинуть с места башни Вестминстерского аббатства. Разочарованный неудачей, он на минуту замер в нерешительности. Вампиры продолжали смеяться при виде его растерянности.

— Смеется тот, кто смеется последним! — с досадой вскричал Мерри Боунс, до крови расчесывая себе уши (говорят, напомину, что это навевает полезные мысли).

Толпа кричала издали:

— Мерзкий бродяга, ты умрешь от голода! от голода! от голода!

— «Голода, голода!» — передразнил Мерри. Решив подкрепить свои слова простонародным жестом, он сделал неловкое движение и перевернул черпак.

Пепел сердца покойного г-на Гоэци рассыпался по земле.

Торжествующий вой вампиров отметил этот несчастный случай, последствия которого могли стать катастрофическими. Жуткая орда вновь яростно бросилась вперед. Мерри Боунс сперва был несколько озадачен, но затем трижды хлопнул себя по лбу и, по-ирландски хитро подмигнув, произнес:

— Вот это дельная мысль! Увидим, кто будет смеяться!

Пепел рассыпался у подножия окованных железом ворот. Упав на колени, Мерри Боунс собрал с земли немного пепла в свой черпак, а остальное сгреб в кучку. Затем он обернулся — и вовремя. На него мчалась вся стая: четвероногие, двуногие, птицы, змеи. Он выбрал в толпе красивую развратную блондинку, распространявшую вокруг себя запах духов, и схватил ее за узел волос у шеи. Проделал он это так быстро, что никто не успел его остановить; с пылающих губ пленницы не успело сорваться даже проклятия.

Не обращая внимания на укусы, уколы и удары крыльев и дубинок, Мерри Боунс принялся нагибать ее к земле мускулистой рукой, пока ее рот не коснулся кучки пепла. Вы уже хорошо понимаете, какой мощью обладает этот препарат, если один его запах заставил вампира взорваться. Как только огненные губы куртизанки соприкоснулись с пеплом, произошел даже не взрыв, а извержение, подобное извержению Везувия или Этны. Окованная железом дверь была сорвана с петель и отброшена на невероятное расстояние, решетка разлетелась на тысячу обломков, стена распалась в мелкий щебень. Подъемный мост, что любопытно, остался цел и благодаря лопнувшим цепям упал на свое обычное место над рвом, словно намеренно открывая путь бедному Мерри Боунсу.

Следует ли мне рассказывать, какие повреждения были нанесены толпе вампиров? Едва ли — вы сами можете это представить. Вам достаточно знать, что Мерри Боунс полу-

чил лишь несколько малозначительных ссадин и синяков и потерял в огне две трети своей шевелюры. А поскольку на следующий день Веселый Скелет все равно собирался постричься, он решил, что это даже к лучшему.

— Ха! сосунки! — сказал он, поглядывая на толпу вампиров. — Шутка удалась! Будьте здоровы.

И пересек мост, держась за бока от смеха.

Несмотря на этот блестящий успех, беды несчастного Мерри Боунса еще не закончились. За мостом он окунулся в ночь, гигантскую, беспросветную, непроницаемую ночь.

Мерри Боунс сперва отошел на несколько шагов; затем, не слыша ни звука, он изумленно повернулся и огляделся.

Его окружала непроглядная тьма. Стояла полная тишина. Повернувшись, Мерри Боунс немедленно сбился с дороги и теперь стал блуждать в темноте, терзаемый гнетущими и неведомыми ужасами. Ему следовало, без сомнения, идти прямо, но у ирландцев в голове вместо мозгов крутится настоящий флюгер. Внезапно и без всякого резона, он по какой-то прихоти свернул направо, тотчас вообразил, что возвращается в Селену, и повернул налево. Понятно, что таким манером далеко не уйдешь.

Так обстояло дело и с бедным Мерри Боунсом, который топтался почти на одном и том же месте. Через час, в двадцать первый раз, должно быть, сменив направление, Боунс столкнулся с человеком, шедшим ему наперерез.

— Болван!

— Скотина!

— Эй! Грей-Джек!

— Мисс! мисс! этот бездельник Мерри Боунс не погиб!

Почти одновременно с приведенным диалогом в ночи загорелся огонек и появилась наша Анна, держа в руке свечу. Огонек осветил осветила Неда, Джека и железный гроб. Наши друзья потеряли доктора Магнуса и молодого художника — второстепенных персонажей, о чьей участи нетрудно догадаться, если вспомнить, что в ночи рыскали в поисках добычи снедаемые жаждой мести вампиры.

Наша Анна и ее спутники заблудились точно так же, как Мерри Боунс. Вы спросите, наверное, почему так произошло: ведь с ними была Полли Берд, бывший двойник г-на Гоэци, а ей полагалось бы знать все эти дьявольские уловки. Я отвечу вам, что несчастная женщина испытала очень сильное потрясение, когда была перерезана мистическая пуповина, соединявшая ее с хозяином и соблазнителем. Такие операции не могут быть проведены без существенного воздействия на общее состояние здоровья. Последовавшие за этим события, столь ужасные и драматические, окончательно истощили ее силы, тем более что воздух внутри гроба был довольно спертым. Все вместе привело к тому, что бывшая Полли заснула в гробу, да так крепко, что ее было не добудиться.

Путники на минуту остановились и стали совещаться. Мерри Боунс воспользовался остановкой, чтобы стряхнуть с остатков волос и одежды многочисленные прилипшие кусочки вампирской плоти. Наша Анна, в интересах естественной истории, с любопытством осмотрела эти останки. Выводы ее были следующими. Мясо вампира, по ее словам, обладает очень низкой плотностью. Оно мягкое и даже немного липкое. Во тьме плоть вампира распространяет фосфоресцирующее излучение бледно-зеленого цвета. В дневное время она, наоборот, становится темно-зеленой с темно-красными прожилками. В науке не бывает незначительных подробностей; я передаю вам все это так, как услышала.

Совет пришел к единодушному мнению: необходимо любым возможным способом вырваться из этого пояса тьмы. Было, видимо, около двух часов дня, поэтому за границей искусственной ночи путешественников ждал яркий свет дня. Мерри Боунс занял место во главе колонны, и последовал приказ выступать.

После долгого и однообразного марша все радостно вскричали:

— Свет!

То был лишь слабый, сумеречный отсвет, но как счастливы они были даже смутно различить нечто похожее на свет! Наши друзья ускорили шаги, но внезапно остановились,

застыв от ужаса. Перед ними замелькали зеленоватые тени; в то же время послышался глухой топот, похожий на стук лошадиных копыт — казалось, по дороге мчался кавалерийский отряд. Длинные ряды мертвенных теней окружили их справа и слева.

— Вампиры! вампиры!

Увы, это была правда! Все способные передвигаться вампиры Селены оседлали своих собак, львов и тигров, и эта чудовищная кавалерия уже настигала наших друзей, а другие нечестивые монстры, взгромоздившись на летучих мышей разных видов, прибывали по воздуху с громким хлопанием перепончатых крыльев. Никакой надежды на спасение! Мерри Боунс обронил по пути свой знаменитый черпак. История подходила к концу.

Но в этот миг агонии, когда кровожадные когорты со всех сторон бросились на наших друзей, в отдалении вдруг послышалась небесная музыка. И, нужно ли мне говорить? тьма отступила перед этой зачарованной гармонией, которая словно принесла с собой драгоценный свет дня. Орда вампиров на мгновение замерла в удивлении и нерешительности — и вскоре бежала, вопя, как сто демонов, изгнанных одним-единственным ангелом.

Да, то был почти ангел.

Некоторые очаровательные создания, подобно ангелам, творят чудеса одним своим появлением. Им даже не приходится задумываться или хотеть этого: достаточно их благословенного присутствия.

Достопочтенный Артур*** (которого мы в другом месте и по многим причинам называли «богоподобным незнакомцем») отнюдь не явился на равнины Сербии с целью защитить нашу Анну и ее спутников. Как недавно в Голландии, он изучал здесь военное искусство под руководством уважаемого священнослужителя англиканской церкви, сопровождавшего его в качестве наставника. Он посещал поля битв, где последовательно отличились Сулейман II, принц Баварский, принц Евгений и многие другие.

Да, то был достопочтенный Артур, светловолосый, розовощекий, безбородый и прибывший в своей восхититель-

но удобной карете. Когда добрый священник задремал после сытного обеда, молодой лорд ненадолго отвлекся от своих ученых занятий и запел «Боже, храни Короля!», аккомпанируя себе на гитаре.

Он проехал. Он даже не видел тех, кого воскресил к жизни.

Глава четырнадцатая

Нашей Анне не хотелось возвращаться в Земун. Друзья оставили Дунай позади и направились на запад, устремившись, наконец, на помощь несчастной Корнелии.

Г-на Гозци можно было больше не бояться, и путешествие по равнинам Боснии, малоизвестной, но плодородной страны, где дамы носят очень выигрышные наряды, было достаточно приятным. Перевал Тина удобно пролегал через горы, а на другой стороне виднелись высокие пики Динарских Альп, где находился замок Монтефальконе.

Железный гроб уже несколько дней пустовал. В Селене Полли Берд вела себя настолько безупречно, что не вызывала теперь ни малейшего недоверия. Она не злоупотребляла своей свободой, а ее склонность к неумеренному поглощению крепких напитков, едва для этого представлялся случай, никого не удивляла: молодые английские деревенские девушки известны тягой к спиртному, и вкусы их даже разделяют некоторые молодые дамы благородного происхождения.

Кроме того, она носила одежду противоположного пола, что делало частый грех пьянства несколько менее «неподобающим». Как вы помните, она продолжала играть роль двойника г-на Гозци: это был единственный способ, каким Эдвард С. Бартон, эсквайр, мог проникнуть в недоступный замок. Гомер описал подобную хитрость в своем бессмертном эпосе. Железный гроб должен был стать уменьшенным в размерах троянским конем.

Физически, Полли немного изменилась с момента смерти своего соблазнителя. Она будто усохла и выступала в образе г-на Гозци, ослабленного усталостью или болезнью, но вместе с тем, к неудовольствию нашей Анны, принимала очень важный вид. Один только Мерри Боунс умел заставить ее слушаться. Не скрою, всякий раз, когда Полли, по его мнению, отклонялась от правильного курса, Мерри Боунс просто бодал ее головой в живот или награждал пинком ноги в ту часть тела, что расположена ниже спины.

К вечеру шестого дня путники оказались в горном ущелье, и вскоре лунные лучи осветили внушительную громаду графской обители, которую *Она* прославила под именем *Удольфского замка*.

На стенах и в готических окнах главного здания не видно было ни огонька. Все казалось бы мертвым в старинной крепости, не появившись на верхушке высокой башни человеческая фигура — девушка или ее тень, одетая в длинные белые одежды.

— Вот она, я ее узнаю! — сказала наша Анна.

И Нед, с чувством стиснув руки, воскликнул:

— О, Корнелия! моя невеста! Тебя ли вижу я или твой возлюбленный призрак?

Для успеха кампании нашим спутникам предстояло разделиться на две группы. Г-н Гозци, как мы снова будем называть несчастную Полли Берд, должен был войти в замок один; для переноски железного гроба были наняты два человека из простонародья, жители городка Бихач, отличавшегося своим расположением на реке Уна. Наша Анна, Мерри Боунс и Грей-Джек должны были оставаться на страже снаружи.

Как тяжела была минута расставания! Путешествия порождают нежную дружбу; пережитые вместе опасности неизбежно приводят к сближению, и я не скрывала, что первые порывы невинного сердечка Анны были устремлены к Эдварду С. Бартону. Расставаясь с ним — возможно, навсегда — *Она* пролила несколько слез, но исключительная сила ее характера взяла верх и *Она* проговорила твердым голосом:

— Ступайте, Эдвард Бартон, мой брат и мой друг. Идите туда, куда призывает вас долг. Будьте осторожны и храбры среди неведомых опасностей, подстерегающих вас. Помните, что мои молитвы с вами и что ночью и днем я готова прийти к вам на помощь.

Она отвернулась. Железный гроб был открыт, Эдвард Бартон улегся в него и двое мужчин из Бихача взвалили гроб на носилки.

У г-на Гозци, естественно, был пароль. Как только он криком (не имея при себе рожка) вызвал ко рву часового и об-

менялся с ним условленными словами, его ввели в замок. Когда его спросили о цели визита, он сказал:

— Я должен немедленно увидеться с графом Тиберио.

— Граф заканчивает вечернюю трапезу, — был ответ, — и время для встречи не самое подходящее.

— Для доброй новости подходит любое время, — возразил г-н Гоэци. — Найдите графа и скажите ему, что прибывший человек привез железный гроб.

Слуга повиновался. Г-н Гоэци, оставшись наедине с Эдвардом, наклонился к одному из отверстий и шепнул:

— Все идет прекрасно. Подумайте о том, как лучше притвориться мертвым.

— Я полон решимости спасти свою невесту, — ответил Нед, — но скоро здесь задохнусь, честное слово!

Возвращение слуги прервало их разговор.

Граф ждал г-на Гоэци в своих покоях. Последний снова велел людям из Бихача поднять носилки. Они прошли через тринадцать коридоров и несколько десятков залов, которые некогда были великолепны, но долгие века, очевидно, пребывали в запустении. Г-н Гоэци не смог подавить дьявольскую улыбку, проходя мимо обгорелых развалин на месте бывшей спальни вдовствующей графини Монтефальконе. Вся эта часть замка, ожидавшая ремонта, пробуждала в нем воспоминания о вылазке покойного хозяина, и он пробормотал:

— Это было неплохо исполнено, но я преуспею лучше!

Вы начинаете догадываться, я полагаю, что бедный Нед и наша Анна проявили в данном случае крайне неуместное доверие.

Процессия добралась наконец до более обжитых комнат, где гобелены были заштопаны и мебель очищена от пыли.

Граф Тиберио Пальма д'Истрия восседал или, скорее, утопал в громадном кресле, изготовленном еще в эпоху правления дождей.

Он был пьян, как бывал теперь каждый вечер после ужина. Эти животные привычки взлелеяла в графе Летиция, чтобы сильнее подчинить его себе. Г-н Гоэци вошел, за ним последовали двое носильщиков. Им велено было поставить же-

лезный гроб на пол, покинуть комнату и ждать у двери.

— Что там в этом железном ящике? Англичанин? — спросил Тиберио. — Добрый вечер, негодяй.

— Да, — ответил г-н Гозци, — это англичанин. Приветствую вас, милорд.

— Он мертв?

— Удивляюсь, как вы до сих пор не почувствовали трупный запах.

Тиберио тотчас зажал пальцами ноздри.

— Вы хотите его увидеть? — добавил г-н Гозци, поворачиваясь к гробу.

— К черту! — вскричал граф. — Я занят сейчас пищеварением; не шути с моим желудком. Англичанина, я так думаю, уже едят черви — ты что-то долго его вез!

— Гроб был тяжел и дорога длинна, — сказал г-н Гозци.

— И поэтому ты привез нам заразу? Давай-ка побыстрее. Что за награду я тебе обещал?

— Синьору Летицию Палланти.

— Это правда, мошенник? Чудесно. Я любил ее, как цвет моих глаз, но все проходит, и она носит парик мертвой. Ах! ах! бедная графиня Грите! Мы посмеялись от души! Теперь я намерен жениться на Корнелии, моей подопечной, чтобы заполучить ее молодость вместе с богатством... Ну ладно! Брось англичанина в подземелье. Я отдам тебе Летицию. А сейчас уходи. Да скажи, пусть принесут вина и приведут Корнелию.

Выслушав, г-н Гозци удалился с железным гробом, а граф Тиберио снова принялся за вино. Эдвард Бартон, лежа в тесном гробу, был в восторге. Он думал, что сейчас увидит Корнелию, а та найдет способ впустить его друзей в замок. Таков был план, и надежды Неда были подкреплены тем, что г-н Гозци исполнил лишь часть приказаний графа Тиберио. Он сообщил слугам, что граф требует вина, но не сказал ни слова о Корнелии.

Сколько коридоров, сколько подвесных мостов, лестниц, залов и необитаемых комнат отделяли покои графа Тиберио от покоев Летиции?

Прекрасная итальянка возлежала, как восточная красавица, на горе подушек. В последнее время она заметно пополни-

нела. Именно здесь наш дорогой Эдвард С. Бартон осознал, в каком положении очутился!

— Ты привез его живым? — воскликнула Палланти, увидев г-на Гоэци.

И когда тот ответил утвердительно, она приподнялась на подушки и воскликнула:

— О, небеса! как тяжело, должно быть, лежать там моему возлюбленному! Скорее открой этот ящик, дай мне опьяниться при взгляде на него, позволь прижать его к сердцу!

— Помедленнее! — возразил г-н Гоэци. — Молодой человек крепок и решителен. Если мы освободим его, он засавит нас об этом пожалеть.

— Так ты думаешь, — спросила Летиция, — что он сможет противостоять моим чарам?

— Я уверен. Разве вы не знаете, что он влюблен в Корнелию?

— Воробушек! — воскликнула синьора, пожимая упитанными плечами. — Держу пари, на ней не будет и ста фунтов доброй плоти!

Г-н Гоэци скорчил гримасу и произнес:

— Судите о ней, как хотите. Какая ни есть, а в награду мне нужна только она.

Нед решил, что ослышался.

«Вероятно, Полли ломает комедию», — подумал он.

— Все правильно, все правильно, — сказала итальянка. — Я обещала ее тебе, и ты ее получишь, но не сразу.

— К чему ждать? я спешу.

— К тому, что прежде мы должны избавиться от этого глупца Тиберио.

— Это займет время, — запротестовал г-н Гоэци.

— Все будет кончено завтра утром, а если ты хочешь пить, спроси мою одиннадцатую горничную: шестнадцать лет, розовый бутон! — сказала Летиция. — Я взяла ее с фермы сегодня утром, и ты найдешь, что ее кровь свежее, чем у этой Корнелии.

Взор г-на Гоэци засиял. Эдвард заметил это, подсматривая в одно из отверстий. Повязка спала с его глаз. Он с ужасом понял, что Полли осталась вампиром и что он сейчас у

нее в руках.

— От маленькой крестьянки я не откажусь, — промолвил г-н Гоэци. — В путешествии мне пришлось нелегко, и я имел мало возможностей хорошенько поесть. Но предупреждаю вас: не обманывайтесь, вы в опасности. У вас есть враги вне замка.

— Какие враги ?

— Мисс Анна Уорд и ее люди.

Нед задрожал в своем гробу. У него, однако, хватило душевных сил, чтобы не выдать себя каким-нибудь несдержанным восклицанием. Итальянка и г-н Гоэци замолчали. Палланти, казалось, глубоко задумалась.

— Послушай, — сказала она наконец. — Ты спустишься в северное подземелье. Оно самое короткое из четырех, длинной всего в лье. В конце туннеля толкнешь камень, установленный на поворотном механизме, и окажешься в долине. Осторожно возвратись к англичанке и ее слугам и скажи, что можешь сейчас же отвести их к Корнелии. Приведи их ко мне, и я позабочусь обо всем остальном. Ты слышал меня — а теперь повинуйся. Тем временем, я раскрою моему милому Эдварду некоторые секреты, после чего он с удовольствием отдаст мне свою руку и сердце.

Тюрьма нашей Корнелии находилась на последнем ярусе башни. Не из жалости, но из страха, что долгое заключение скажется на ее красоте, граф Тиберио позволял ей прогуливаться по верхней площадке. Там, на этой узкой площадке, окруженной зубчатым парапетом, она в одиночестве мечтала о своем возлюбленном и сожалела об утраченном счастье. Громадная панорама окружающей природы выходила душу Корнелии и питала ее меланхолию. Милосердный свод небес днем высился над нею лазурным куполом, а по ночам сверкал в своих глубинах тысячами звездных алмазов, прогоняя отчаяние и рассказывая ей о Боге.

Ее белую фигуру и увидели наши друзья, когда приблизились ночью к подножию горы.

В тот вечер, устав созерцать небеса, она опустила взгляд и вздрогнула, увидев на склоне соседней горы костер. Раньше она ничего подобного не замечала.

Полная изумления — и, возможно, уже и надежды — она до боли всматривалась в светлое пятно своими прекрасными глазами. Она боялась, что это сон. Ей показалось, что она узнала Анну, свою ближайшую подругу, старого слугу Грей-Джека и Мерри Боунса, лакея дорогого Эдварда. Четвертый человек стоял перед костром спиной к башне, и его лица не было видно.

Может быть, это Эдвард! Да, это Эдвард!

— Эдвард! Эдвард! — воскликнула она с невыразимой радостью.

Увы! Тот, кого она принимала за Эдварда, был г-ном Гоэци. Пройдя через северное подземелье, он присоединился к нашим друзьям и теперь обманным путем пытался привести из всех к гибели.

После ухода г-на Гоэци Эдвард С. Бартон остался наедине с синьорой Летицией. Эта искусная обольстительница прежде всего поспешила засвидетельствовать ему свою нежнейшую привязанность.

— Господин мой, — ласковым голосом сказала она, — прошу вас видеть во всем случившемся только результат моего увлечения вами. Оно началось давно, когда, завершив учебу, вы проводили праздники в коттедже, куда я приехала со своей ученицей, мисс Корнелией де Витт, обязанной мне своим блестящим образованием. Могла ли я глядеть на вас — вас, с пушком над верхней губой, наделенного всем очарованием юности — и не почувствовать трепета в своем слабом сердце? Воспитанная в самых строгих правилах, я уважала приличия, но дала себе слово использовать все таланты, которыми одарил меня Господь, чтобы однажды стать достойной, господин мой, объединить свою судьбу с вашей.

Эдвард С. Бартон был англичанином, а значит, обладал боевым духом. Несмотря на весь ужас, вызванный у него этой речью, он решил прибегнуть к хитрости.

— В том стесненном положении, в каком я нахожусь, — с намеком произнес он, — очень трудно, мадам, питать мысли о любви. Стенки этого гроба останавливают полет моей души, и как могу я уступить вашим прелестям, если не имею счастья их лицезреть?

Летиция на мгновение задумалась, пораженная логикой этого наблюдения.

— Я согласна, — наконец сказала она, — что нам было бы удобнее обмениваться галантными речами, сиди вы рядом на моих подушках. Но осмотрительность говорит против этого. Кроме того, в наши времена брак больше не является делом чувства; я должна сперва открыть вам глаза. Вы привыкли считать, что эта девчонка, Корнелия де Витт, богата, а я бедна. Но вам придется признать свою ошибку. У Корнелии нет ничего, я же — богатая наследница. Знайте, что я королевского происхождения. Я смутно вспоминаю свою колыбельку, украшенную кружевами, и кружева те были расшиты крупными жемчужинами. Женщина, прекрасная, как день, склонялась надо мной, пока я спала, и ждала моей первой улыбки. Это была моя мать, принцесса Лойская Пальма д'Истрия, невестка графа Тиберио!

Эдварду было все равно, но, стремясь угодить собеседнице, он воскликнул:

— Как такое возможно?!

— У меня есть все документы, подписанные и заверенные, — ответила синьора Летиция. — Рассказать ли, как шайка цыган, бродившая вокруг замка, похитила меня, лишив поцелуев матери-принцессы?..

— Меня мучает жажда, — перебил Эдвард.

Но Летиция, столь же изобретательная, сколь бесстыдная, взяла со столика стакан и наполнила его превосходным вином. Затем она нашла соломинку и, просунув один ее конец в отверстие гроба и погрузив другой в стакан, сказала:

— Пейте вдоволь, мой милый господин. Я рада исполнить хоть одно из желаний любимого.

И, пока он пил, она продолжала:

— Рассказать ли, как родители мои тщетно пытались найти свою единственную и пропавшую дочь? К сожалению,

они не знали, что похитители направились на побережье. Там на эту жалкую шайку напали липарийские корсары, и я оказалась в руках победителей. Мне было пять лет, и моя честь была в безопасности. Алжирские пираты отобрали меня у корсаров и растили для продажи в сераль. Молодой евнух помог мне бежать. Я вернулась в Италию, не зная ни имени, ни адреса родителей. Сколько всего я испытала! Я побывала пансионеркой в самом известном учебном заведении Турина, беглянкой и стипендианткой академии «разбитых кувшинов», продавала англичанам осколки античного фаянса, служила чтицей у кардинала, была служанкой одного из старейших отшельников Апеннин и подружкой знаменитого Ринальдо, главаря разбойников. Не думаю, что кому-либо выпадала более бурная юность. Мне исполнилось пятнадцать. В тот год я нашла в густом лесу умирающего бродягу в лохмотьях. При виде меня он издал слабый крик и попросил меня снять обувь с левой ноги. Просьба умирающего священна. Я повиновалась, и он воскликнул: «Это она! Бог позволил мне перед смертью искупить мой худший грех. На ноге у вас, юная незнакомка, под лодыжкой, ближе к пятке, есть родимое пятно. Я узнал его, потому что это я похитил вас из колыбели!..» Тогда же он назвал мне имена моих благородных родителей. Я простила его, и он умер у меня на руках. С той поры моим любимым занятием, посреди разнообразных и бесчисленных превратностей судьбы, стал поиск семейных документов. Я узнала, что мой отец умер от старости, увенчанный почестями, и что моя мать давно присоединилась к сонму святых на небесах. Г-н Гозци, человек опасный, но хитроумный и, как я подозревала, скрытый вампир, очень помог в моих поисках. Это он посоветовал мне занять место гувернантки Корнелии, чтобы сблизиться с моим дядей, графом Тиберио — тому, кто сейчас напрасно собирается оспорить мое право на наследство Монтефальконе. И это я устроила так, что г-н Гозци стал вашим наставником — в надежде, что он научит вас ценить и лелеять меня.

— Хорошенький подарок! — промолвил Эдвард.

— Не судите меня! — строго произнесла итальянка. — Любовь — мое оправдание. Что же касается моей ученицы Кор-

нелии де Витт, то это тщеславная и нелепая маленькая глупышка, у которой есть лишь доставшаяся от дьявола красота. Она не получит ни гроша из наследства графини Монтефальконе, это я вам обещаю. Я возьму все, ибо имею на это право, и первым делом осыплю вас золотом. Таково мое предложение. Разумеется, вы располагаете полной свободой его отвергнуть, но в этом случае мисс Корнелия будет отдана г-ну Гоэци, и последний выпьет ее, как стакан лимонада.

Мы оставили Корнелию на вершине тюремной башни, глядящей издалека на костер, у которого ее друзья совещались с незнакомцем; увидев этого человека со спины, Корнелия приняла его за Эдварда. Но, как вы правильно догадались, незнакомец являлся на самом деле бывшей Полли Берд, узурпировавшей личность г-на Гоэци.

Мне следовало бы немного посвятить вас в планы этого создания, павшего и погибшего благодаря близкому знакомству с чудовищем. Несмотря на принадлежность к слабому полу, она решила, по доброй воле или насильно, сделать Корнелию своей женой, чтобы завладеть громадным графским наследством и провести старость в почете и достатке.

Так называемый г-н Гоэци без труда убедил нашу Анну, что свою миссию он выполнил успешно и доставил Неда в сердце вражеского лагеря, но что теперь, для завершения дела, он нуждался в помощи. Обманулись даже Грей-Джек и Мерри Боунс. Во время экспедиции в вампирский город Селену Полли Берд расточала такие клятвы верности, что никто и не думал ее в чем-либо подозревать.

Г-н Гоэци, возглавив небольшой отряд, направился к входу в подземелье.

— Вооружитесь мужеством, — сказал самозванец, ведя наших друзей в недра земли, — нас ждет страшная ночь.

Г-н Гоэци захватил несколько факелов из смолистых ветвей и сейчас зажег их, но свет тотчас поглотили темные глубины пещеры, и лишь тут и там можно было заметить нескольких спасавшихся в ужасе рептилий. Во тьме раздался странный звук и умер с чудовищным вздохом.

— Что это? — спросила наша Анна, остановившись и чувствуя тяжесть в груди.

— Не обращайтесь внимания, — ответил г-н Гозци. — Это всего лишь старинные эоловы арфы графини Эльвины. Они вышли из моды и хранятся здесь, так как на чердаке нет места.

Она хотела расспросить его о графине Эльвине, но м-р Гозци велел всем двигаться дальше.

— Поднимите факелы повыше! — приказал он.

Они повиновались, и из темноты смутно выступили сочащиеся влагой стены огромной каверны.

— Посмотрите вверх! — снова распорядился г-н Гозци.

Все подняли глаза. В центре высокого свода зияло большое и круглое черное отверстие.

— Для чего служит эта дыра? — спросила наша Анна.

— Она ведет в подземную тюрьму графа Тибериио, — ответил Гозци. — Отсюда жертвы падают в пропасть, которая, как вы можете видеть, открывается прямо под дырой.

— Что? — воскликнула наша Анна. — Простите, но неужели эти варварские курьезы Средневековья еще существуют?! Разве яркий свет философии не уничтожил все эти ужасы?

Г-н Гозци ухмыльнулся.

— Этим ужасом пользуются не слишком часто, — отвечал он, — и я не думаю, что его использовали со времен графини Эльвиры.

Внезапно они оказались в готической зале самого мрачного вида. Над высоким камином висело венецианское зеркало с изображениями Страстей Господних. На стене справа от камина, обитой темно-коричневой кордовской кожей, выделялось белое пятно — кнопка из слоновой кости.

Г-н Гозци, державший на руках толстую черную кошку, с холодной жестокостью переломал все четыре лапы животного.

— Чтобы не сбежала, — сказал он. — Сейчас вы увидите кое-что забавное: я помещу ее на то же место, где стояла когда-то графиня Эльвина. Смотрите на кошку!

Он положил жалобно мяукавшую черную кошку на пли-

ту, казавшуюся шире остальных. Зверь пытался убежать, но не мог спастись из-за сломанных лап. Г-н Гоэци, смеясь, подошел к стене и нажал пальцем на кнопку из слоновой кости. Каменная плита стала ребром, и кошка исчезла. В стене распахнулась дверь, и в залу ворвались вооруженные до зубов слуги графа Тиберио. Г-н Гоэци указал на нашу Анну и ее спутников, сказав:

— Вот они, я отдаю их вам!

На сей раз Мерри Боунс не успел даже оказать сопротивление. Наши несчастные друзья были мигом закованы в цепи и уведены прочь...

Представьте себе ужасное подземелье, где наша Анна лежит на охапке соломы с железным кольцом на шее. Великодушная преданность друзьям привела ее в этот каменный мешок!

— Юная дева Альбиона, — вдруг сказал ей нежный голос, — я графиня Эльвина де Монтефальконе.

Она приподняла веки опухшие от слез веки и увидела бледную женщину, стоявшую на коленях у ее жалкого ложа. Женщина была еще молода, но ее волосы поседел от страданий.

— Как? — воскликнула наша Анна. — Возможно ли, что вы спаслись из страшной пропасти?

— Это случилось несколько столетий назад, — с печальной, но приятной улыбкой ответила женщина. — Сейчас нас должно беспокоить настоящее. Я вошла в вашу темницу посредством особой силы и буду рада сейчас же сломать ваши оковы. Встаньте. Вам возвращена свобода.

Прочтя в глазах нашей Анны пламенное желание узнать больше, она любезно добавила:

— Варвар-узурпатор приговорил вас к смерти. Тот, кого вы называете г-ном Гоэци — и кто является не кем иным, как распутной Гертрудой Пфафферхоффен, моей соперницей, чья душа после нескольких инкарнаций вошла в тело деревенской девушки Полли Берд — предал вас. Знайте, что граф Тиберио и синьора Летиция, ненадолго разделенные алчно-

стью и похотью, помирились этой ночью. Почему? Потому, что молодой мичман Бартон решительно отверг нечестивые предложения итальянки, а прекрасная Корнелия унизила своим презрением графа Тиберио. Объединенные жаждой мести, эти два чудовища в человеческом облики решили этой же ночью убить мистера Бартона и мисс де Витт.

— Как я могу их спасти? — спросила Анна, заламывая руки.

— Господь велик, — ответила бледная женщина, — и вы свободны!

Наша Анна подбежала к двери своей темницы, которая тотчас открылась, словно по волшебству.

Она пошла вперед, движимая надеждой. В конце седьмого коридора она увидела резчика по камню, высекавшего в алебастре две руки. Руки — мужская и женская, как ей показалось — соединялись в любовном пожатии.

Скульптор хотел поцеловать нашу Анну и сказал ей:

— Как ты находишь мою работу, моя красавица? Это милая шутка толстухи Летиции, которая хочет украсить своим изваянием гробницы молодого англичанина и Корнелии.

Она в отчаянии бросилась бежать, а скульптор с хохотом вернулся к работе. По ее словам, *Она* пробежала несколько лье по бесконечным коридорам и обветшалым комнатам и не чувствовала ног от усталости.

Наконец, за поворотом галереи, она заметила под одной из дверей полосу света и услышала шум голосов, то гневных, то жалобных. Собравшись с силами, *Она* отворила дверь, вошла и испустила крик ужаса, увидев своих друзей — Эдварда С. Бартона и Корнелию — в цепях.

Красивые волосы Корнелии были острижены, а с шеи Неда свисала веревка; на нем было, кроме того, то роковое облачение, какое надевали когда-то на несчастных, приговоренных инквизицией к мучительной смерти.

За ними стоял человек с лютым лицом; красный балахон и топор на плече позволял распознать в нем палача.

Поодаль спорили между собой граф Тиберио, синьора Летиция и г-на Гоэци. Последний выглядел недовольным и требовал обещанного, желая утолить кровью Корнелии свою

противоестественную жажду; но Летиция смеялась над ним, а граф Тиберио грозился отрубить ему голову. Нечестивая пара стояла рука об руку с самым дружеским видом.

С появлением Анны на их лицах расцвели жестокие улыбки, и Летиция произнесла:

— А вот и наш синий чулок!

Но *Она*, не обращая на них внимания, бросилась к своим друзьям и обняла их.

— Как говорится, в нужное время и в нужном месте! — бросила свирепая итальянка. — Одним камнем покончим с тремя зайцами!

С этими словами Летиция повернулась и шагнула к камину, открыв таким образом часть обитой кордовской кожей стены. Для нашей Анны то был миг зловещего озарения. В смятении *Она* вначале не узнала готическую залу, но теперь ясно увидела и венецианское зеркало, и кнопку из слоновой кости.

— Бежим! — отчаянно вскричала *Она*.

Но было слишком поздно! Итальянка коснулась кнопки, и каменная плита под ногами наших друзей перевернулась. О чудо! нашу Анну, Корнелию и Неда остановила в падении потусторонняя рука, и графиня Эльвина, неожиданно ступив в залу из пропасти, воскликнула голосом миссис Уорд:

— Ах! дорогая, что это еще за капризы? Открывай глазки! Уже десять часов! Ты собралась проспять день собственной свадьбы?

Из коридора раздавался громкий шум. Уильям Радклиф волновался, мистер Уорд говорил, что надо бы послать за слесарем и взломать дверь.

— Спасите их! спасите их! — воскликнула наша Анна. На ней вдруг оказалось свадебное платье, и она стояла посреди комнаты, радостно освещенной мартовским солнцем...

Кажется, миледи не стоило улыбаться, потому что мисс 97 резко оборвала рассказ.

— Я вас понимаю, — сказала она возмущенным тоном. — Вы считаете, что наша история закончится обычным и до-

нельзя изношенным объяснением: «Все это было только сном»? Признайтесь, вы ведь так и думаете? Ну что ж, вы ошибаетесь!

Несколькими глотками мисс 97 допила чай и продолжала:

— Нет, нет, нет! Я не стала бы отнимать у джентльмена время ради таких банальностей. *Это был не сон*. Начнем с того, что наша Анна с девяти лет была подвержена приступам ясновидения, и ее родители тщательно скрывали этот дар или немощь. Конечно, я не имею в виду, что она совершила за одну ночь такое долгое и многотрудное путешествие; но все это было, как вы увидите, не сном, а чем-то иным. После того, как *Она* наконец отперла дверь, ее родители и мистер Радклиф с ужасом поняли, что в ней что-то изменилось. *Она* посмотрела на них рассеянным взглядом и спросила, что произошло с графиней Эльвиной. Решили, что *Она* сошла с ума; мало того, *Она* настаивала, что сразу после свадьбы должна отправиться с мужем в замок Монтефальконе и непременно через Роттердам.

Она не желала ничего слушать, и непосредственно после свадьбы они с мистером Радклифом уехали. Я хотела бы напомнить вам о письмах, полученных накануне вечером. Эти письма никак не были сном, и они проливают свет на то, что случилось с Недом и Корнелией.

С этого момента я буду излагать одни только факты, воздерживаясь от каких-либо истолкований.

По прибытии в Лондон, нашей Анне бросилась в глаза афиша, гласившая:

CAPITAL EXCITEMENT !!!

ПОЖИРАНИЕ МОЛОДОЙ ДЕВИЦЫ
НАСТОЯЩИМ ВАМПИРОМ ИЗ ПЕТЕРВАРДЕЙНА
КОТОРЫЙ ВЫПЬЕТ НЕСКОЛЬКО ПИНТ КРОВИ
ПО ОБЫЧАЮ ВАМПИРОВ

ОРКЕСТР КОННОЙ ГВАРДИИ

WONDERFUL ATTRACTION INDEED !!!

Она указала на афишу Грей-Джеку, но старый и верный слуга, сопровождавший новобрачных, ничего не помнил.

Они пересекли пролив. Выехав из Роттердама, Она обнаружила разбитую дорогу, на которой перед ней впервые предстал богоподобный молодой незнакомец.

Она провела ночь в трактире «Пиво и Братство», в комнате с дымоходом, цветными занавесками и эстампами с изображениями битв адмирала Рюйтера.

Она узнала здесь все, вплоть до мельчайших деталей.

— А город Селена? — спросила миледи.

— Погодите, позвольте мне досказать. Молодожены затем спешно выехали в Монтефальконе и прибыли туда в день бракосочетания Корни и Неда.

— Полагаю, Эдвард и Корнелия были спасены графиней Эльвиной? — снова прервала рассказ несносная миледи.

— Нет, — отвечала мисс 97 с ноткой смущения, — но в тех краях действительно ходят легенды об этой несчастной жертве феодализма. Граф Тиберио и синьора Летиция строили, не сомневайтесь, самые коварные замыслы в отношении наших влюбленных, Корни и Неда, и не осмелились осуществить их лишь благодаря тому, что я могу назвать вмешательством свыше. Молодой лорд Артур*** прибыл в страну в сопровождении почтенного священника, своего наставника, для изучения мест сражений знаменитого Скандербега...

— И этого оказалось достаточно, чтобы сорвать планы злодеев? — воскликнула миледи.

— Да, мадам, — сухо ответила мисс Джебб. — Если бы я только могла открыть вам славное, почти божественное имя этого молодого дворянина...

— А господин Гоэци ?

— Он женился на вдове торговца.

— Но Селена! Селена! Мертвый город!

— Миледи, — ответила мисс Джебб, — некоторые вещи превосходят всякое понимание, наше и даже ваше, хоть вы и принадлежите к аристократии. В Селену можно проникнуть, лишь находясь под защитой вампира, а таковой не всегда имеется под рукой. Наши пары молодоженов далее отправившись в Земун в сопровождении Грей-Джека и Мерри

Боунса, чья грива и в самом деле уменьшилась на три четверти. Селену они не обнаружили, зато нашли лавочников, продавших жаровню, уголь и железный черпак. Исчезновение хирурга Магнуса Сегели было в городе притчей во языцех, а дом художника три недели пустовал.

Мисс 97 встала и отвесила нам прощальный поклон.

На днях, находясь в Париже, я получил следующее письмо из графства Стаффорд:

Дорогой сэр,

Она всегда завершала свои сочинения сопроводительными и пояснительными замечаниями. В нашем повествовании все достаточно очевидно, за исключением личности богоподобного молодого незнакомца.

Думаю, было бы неплохо приподнять завесу тайны, благодаря чему Ваша книга приобрела бы историческое значение. Это можно было бы сделать, скажем, в послесловии, где Вы бы написали:

«Мы не посмели упомянуть на этих легкомысленных страницах имя, которое наполняет мир своим несравненным блеском, имя того, кто победил Наполеона Бонапарта в карман и превосходит всех современных героев, как Ахиллес превосходил своих греческих и троянских соперников» и т. д., и т. д., тонко намекая тем самым на статую, воздвигнутую лондонскими дамами в Его честь — в греческом духе и с немного слишком высоко, на вкус простых граждан, открытыми ногами.

С другой стороны, Вы могли бы дать лишь краткое примечание, типографски подчеркнутое и состоящее всего из трех слов: ЭТО БЫЛ ВЕЛЛИНГТОН!!! (с несколькими восклицательными знаками).

Я предпочла бы последнее.

*Преданная Вам и т.д.
Подписано: Джебб.*

Примечания

Роман П. Феваля «Город вампиров» («*La Ville-Vampire*») был впервые опубликован в 1874 г. в *Le Moniteur universel* (12 сентября – 25 октября), однако, по мнению некоторых исследователей, был написан в 1867 г. Первое книжное издание вышло в парижском издательстве Э. Дентю в 1875 г.

С. 7. ...наглых актах пиратства, жертвами которых становятся в Англии французские писатели — Исследователям известен целый ряд английских и американских пиратских изданий произведений Феваля, начавших выходить с 1840-х гг., что объясняет этот крик души.

С. 9. ...Джебб — Феваль использовал здесь девичью фамилию бабушки А. Радклиф (1764-1823) по материнской линии.

С. 13. ...купеческом доме — Отец А. Радклиф, У. Уорд (1737-1798), был галантерейщиком, а с 1772 г. держал магазин фарфоровых изделий в Бате.

С. 13. ...Корнелию де Витт — Имя вымышленное, однако среди предков А. Радклиф, согласно написанному ее мужем некрологу, было голландское семейство де Витт, в т. ч. «Корнелиус» де Витт.

С. 13. ...Отто Гоэци — Фамилия героя Goetzi (как и его немецкое имя) намекает на Гете, но прежде всего на магическую традицию инвокации демонов, известную как «гоэтия» (от греч. γοητεία в значении «колдовство»).

С. 13. ...Уильям Радклиф — У. Радклиф (1763-1830), муж А. Радклиф, выпускник Оксфорда, переводчик, журналист, владелец и издатель газ. *English Chronicle*. Их свадьба в действительности состоялась в 1787 г.

С. 18. ...Рагузы — Рагуза — устаревшее ит.-франц. название Дубровника в современной Хорватии, а также имя существовавшей вокруг этого города с XIV до нач. XIX в. республики.

С. 19. ...«Тарпейская скала недалеко от Капитолия» — изречение, приписываемое франц. писателю-роялисту А. де Риваролю (1753-1801) и толкуемое как «От славы недалеко до падения». С Тарпейской скалы в Древнем Риме сбрасывали преступников и изменников.

С. 25. *Грей-Джек* — Имя «Грей-Джек» (Grey Jack) можно буквально перевести с англ. как «Серый Джек» или «Седой Джек».

С. 28. ...*Джуэл* — в оригинале англ. Jewel, «сокровище», «драгоценность».

С. 28. ...*Полли Берд* — Фамилия героини Bird буквально переводится с англ. как «птица»; «Полли» было популярным в Англии именем для ручных птиц.

С. 30. *Capital excitement!!! ... Wonderful attraction indeed!!!* — Возбудительное зрелище!!! ... Бесспорно чудесный номер!!! (англ.).

С. 30. ...*Петервардейна* — Петервардейн — нем. название города Петроварадин в Сербии (ныне район г. Нови-Сад).

С. 33. ...*Мерри Боунсе* — Еще одна шутка Феваля: имя лакея Merry Bones буквально переводится с англ. как «веселые кости».

С. 34. ...*Уайтфрайарс* — район Лондона, долго имевший репутацию криминального.

С. 35. ...*Эйсселмонде* — остров с бывшей деревней в дельте Рейна и Мааса, в наст. время часть Роттердама.

С. 39. ...*ad libitum* — «по желанию», «по собственному усмотрению» (лат.).

С. 42. ...*musha! arrah! vegorrah!* — стереотипные восклицания на ирландском сленге; первые два слова малопереводимы и могут означать нечто вроде «ну-ну, конечно» и т.д., «begorrah» — «клянусь Богом».

С. 45. ...*Офен* — нем. название г. Буда, ставшего позднее частью Будапешта.

С. 47. ...«Освобожденный Иерусалим» — эпическая поэма итальянского поэта Т. Тассо (1544-1595), посвященная Первому крестовому походу (первое изд. 1581).

С. 49. ...«Идет дождь, пастушка» — популярная песенка, написанная для комической оперы *Лаура и Петрарка* (1780) франц. драматургом, поэтом и политическим деятелем Ф. д'Эглантинем (1750-1794).

С. 56. ...*Фиоле* — букв. «флакон», «склянка» (фр.).

С. 56-57. ...*мараскина... розолио... анисетта... кюрасао* — перечислены различные крепкие ликеры и настойки.

С. 63. ...*тартане* — Тартана — небольшое средиземноморское судно с косым парусным вооружением.

С. 64. ...*схидам* — франц. и англ. наименование джина, изготавливавшегося в одноименном голландском городе.

С. 89. ...*клуатров* — Клуатр — крытая галерея вокруг двора или внутреннего сада монастыря либо церкви, распространенная в римской, византийской и готической архитектуре.

С. 90. ...*синовию* — Синовия — жидкость, заполняющая полость суставов и играющая роль внутрисуставной смазки.

С. 92. ...*Земун... Банате* — Земун — город в Сербии, ныне часть Белграда; Банат — исторический и географический регион в Центральной Европе, ныне разделенный между Сербией, Румынией и Венгрией; экономическим и культурным центром его являлся румынский г. Тимишоара.

С. 93. ...*Яношем Хуньяди* — Я. Хуньяди (1406/7 – 1456) — вельфский венгерский военный и политический деятель первой пол. XV в., воевода Трансильвании, регент Венгерского королевства.

С. 97. ...*перистиль* — открытое пространство (двор), окруженный крытой колоннадой.

С. 98. ...*нервюр* — Нервюра — выступающее ребро готического свода.

С. 98. ...антаблементов... волюты... аканфов — Антаблемент — верхняя часть (архитрав, фриз и карниз) архитектурного ордера; волюта — архитектурный мотив в виде спиралевидного завитка с кружком; аканф — архитектурное украшение в виде листьев растения акант.

С. 100. ...баронессой Фриной — намек на знаменитую древнегреческую гетеру Фрину (IV в. д. н. э.).

С. 114. ...«Лиллибулерио» — ирландская джигга, известная с XVII в., когда она легла в основу популярного английского марша.

С. 119. ...принц Евгений — Евгений Савойский (1663-1736), выдающийся полководец Священной Римской империи; командовал австрийскими силами в победоносном сражении с турками при Зенте (1697).

С. 129. ...академии «разбитых кувшинов» — видимо, намек на потерю девственности (что в различных произведениях литературы, живописи и т.д. и обозначалось эвфемизмом «разбитый кувшин») и последующее распутство.

С. 129. ...Ринальдо — отсылка к знаменитому разбойничьему роману *Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников* (1797) немецкого писателя и драматурга К. А. Вульпиуса (1762-1827).

С. 136. ...Скандербега — Скандербег (от «Искендер-бек») — прозвище албанского национального героя Г. Кастриоти (1405-1468), предводителя антитурецкого восстания в Османской империи.

С. 137. ...Веллингтон — А. Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон (1769-1852), британский полководец и государственный деятель, победитель Наполеона при Ватерлоо (1815); позднее дважды был премьер-министром Великобритании.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.